

№6

10|23

литературный журнал

НАТЁ

написали текст

18+

содержит
нецензурную брань

НАТЁ

написали текст

№6 (октябрь 2023)

Главный редактор: Мария Тухто
Заместитель главного редактора:
Ада Насуева
Редакционная коллегия:
Полина Ужгина
Александра Сулова
Ирина Бондырева
Юлия Афонина

Дизайн макета:
Светлана Подаруева
Иллюстрация на обложке:
Варя Наткина

Иллюстрации:
Елена Антар Соня Ильина
Семён Баев Вика Левотаева
Анна Боронина Виктор Лукьянов
Мария Данилова Катерина Паршина
Валерия Жданова Юлия Пономарёва
Виктория Зайдель
Дизайн портретов: Алина Кольцова
Вёрстка: Мария Тухто

Контакты:

Приём рукописей: nate.lit@mail.ru
Сотрудничество: nate.lit.collab@mail.ru
Сайт: <https://nate-lit.ru/>
Мы в социальных сетях:
https://t.me/NATE_lit

Рукописи не рецензируются.
Мнения автора и редакции могут не совпадать.
При перепечатке текста ссылка на журнал обязательна.

Поэзия

Ксения КОВШОВА.....	8
Денис СОРОКОТЯГИН: Коломна. метаморфозы.....	17
Алиса ФЕДОСЕЕВА: Сентиментальный цикл.....	21
Валентин ВАСИЛЬЕВ.....	29
Анна ИСЕНИНА: Лепестки Отражений. Соцветник.....	37
Александр КИРГЕТОВ.....	45
Алла КОРОЛЕВА.....	51

Проза

Илья СКЛЯРСКИЙ: четыре притчи о кирпичном заводе..	56
Андрей СТАНИШЕВСКИЙ: Убийство в деревне Володькино.....	62
Наталья АНИСКОВА: Моисей.....	68
Евгения СКОБИНА: Солнечное сплетение.....	83
Светлана ДЫМШИЦ: Алин август.....	96
Ева ЗОРИНА: Возвращение на Итаку.....	101
Евгений БАРАНОВСКИЙ: Терпилы.....	108
Виктор МИХАЙЛОВ: Жизнь в борьбе.....	143

Эссе, рецензии, статьи

Денис ЛУКЪЯНОВ: Треск кривых зеркал: метаморфозы магического реализма в современной прозе.....	197
Елизавета ПАРАМОНОВА: Дневники и мемуары.....	204
Анастасия ШЕВЧЕНКО: Назад, в ретробудущее (<i>Виктор Пелевин «Путешествие в Элевсин»</i>).....	207
Елена НЕЩЕРЕТ: Кто мелькает в кругу керосиновой лампы? (<i>Анна Лужбина «Юркие люди»</i>).....	212
Андрей ПЕРШИН: «Что из вечности запомнится тебе?» (<i>Саша Николаенко «Муравьиный бог: реквием»</i>).....	217
Нонна МУЗАФФАРОВА: Мейнстрим среди артхауса (<i>Екатерина Манойло «Отец смотрит на запад»</i>).....	221
Денис ЛУКЪЯНОВ: Когда Чехов встречается с Рабле (<i>Алексей Сальников «Оккульттрегер»</i>).....	226
Алевтина БОЯРИНЦЕВА: Об одной импрессионистической сюите (<i>Денис Осокин «Танго пеларгония»</i>).....	230

ПОЭЗИЯ

Ксения Ковшова

Поэт, диджитал-художник, разработчик мобильных игр, инженер-программист. Окончила Самарский государственный аэрокосмический университет. Участник всероссийских литературных фестивалей, в поэзии исследует темы поиска идентичности, социальной философии, смерти.

* * *

когда догорел последний изгиб алых букв,
я плакал как густые провода, плакал как дерево,
дрожали глаза, привыкая к кромешному Ершалаиму —
такая большая ночь и нечего дать паромщику

такая синяя ночь, но у себя ночлега не попросить;
сад камней сторожит Ока́ми и в его пасть
уносится всё, кроме выдоха на зеркале,
глухого как воздух Аокигахары

вода не течёт под камень и я закопал память
под голову: хороним, хороним, да не выхороним;
теперь «я» гитероним, а моё настоящее имя
в твоём рту шипит и оставляет язвы

обувь увязла в чёрном потоке слов:
другой путь найдут другие, а это моя винтовка;
коснулся случайного плеча и война отвечала мне:
я изменю всё, чем являюсь, но не перестану быть собой

* * *

три ада
над озером китеж града
дуют на воду

тре-вога
разрознена и трехнога
выкручивает в чб

но а и б
сидят на трубе
пивзавода

и дуют на вертушок

по обе стороны камнепады,
а прямо — не надо
и тут хорошо

* * *

Здесь был я.

Слушал пение пивных бутылок,
молчание улыбок,
зажигал свет
и разливал его по стаканам,
облизывал подорожники ранам,
шлифовал подошвами
сколотые ступеньки выцветшего сталинского жилья.
Здесь был я.

Читал объявления на остановках,
забирал глянцевые листовки у девочек у метро,
гладил встреченных кошек,
запускал пятерню в тепло шерстяных макушек
спасал из песка полувывсохшие ракушки,
ветхие книжки — из объятий небытия.
Здесь был я.

10

От холодной в кране
до фасадов Англера с Асторией,
самозабвенно писал историю
в Инстаграме,
делился существованием,
согревал дыханием троллейбусное стекло,
пока вид на город не помещался весь.
Я был здесь,

и тому свидетели — ветер,
мёртвые майские жуки, через которых я бережно перешагивал,
вынесенные на берег ржавые
лодки, которые я гладил по выскобленным бокам,
острым
как твои скулы,
сутулые спины мостов, с которыми
я здоровался за стёртые клешни перил —
я здесь был.

Оставил
вмятину на кровати,
сотку в рваном подкладе в осеннем плаще,

вытряхнутый из кед песок —
всё течет — не иссякнет,
а ещё
бледные карандашные отметки,
расчертившие дверной косяк — нет,
они всё ещё там,
под слоем двух новых красок,
безмятежно спят.

* * *

после плохого сидра и невнятной немецкой музыки
мы потерялись в сугробах и наследии девяносто первого
у нас не было гимна или походной песни, поэтому
мы повторяли одну и ту же шутку одиннадцать раз подряд

на двенадцатый между Цоем и несмешным панчем про президента
в переходе открылся портал реер-to-реер, и мы увидели
космическую даль в зияющей гулкой подъездной пасте,
в которой сразу и безошибочно узнали город Ч.

соблазн познать тёмную материю был так велик,
что мы даже подумали, будто это и есть утопия,
и, возможно, это даже лучше, чем мятные конфеты,
секонды, кришнаиты, плохой сидр и плавленый сыр

но партийный голос с небес объявил, что в капюшонах
не принимают в демократическое будущее, дали схлопнулись,
гул расплескался по шотам
и никто не взялся за руки

хороший день
невероятно хороший день

* * *

танцует дым
танцует дом
к плечу плечом
к чеке чекой
куда идём
мы с палачом
на космодром
Восточный

горчат зрачки
горят посты —
он пустоты
не обменял
на светлячка
на самосвал
на новый позвоночник

он видел эс
он строил эр
и Байконур
и Чевенгур,
но рыжий лес
и жирный крест
себе унёс на память

он делал раз
и раз на раз
и пвп
и по грязи
и свыше сил
и через край
лил высоту на скатерть

бумажный хлеб
да на стакан
на чёрный день
да чёрный смех
взгляни наверх
там котлован
на месте лунной точки

под ним найдём
последний схрон
по ком звонят
приём приём
ещё чуть-чуть
и мы придём
на космодром
Восточный

* * *

без срока годности на пустыре расту,
здесь мимо бедуины и пастух,
и гопники, и черти-альбиносы

то боинги, то дроны в небе вокруг —
я безразлично польй как бамбук,
не клянчу сиг, не задаю вопросы

чернеет перезревший горизонт —
здесь кто-то обстоятелен и зол
засеял гильзы вдоль до сенокоса

в сырые чернозёмные пласты,
и ввысь восходят белые кресты,
беспрекословно белые кресты,
как русские февральские берёзы

и вот уже теперь среди крестов
кочует дым из частных секторов,
и ходит кот, и чует снег лошадка,

воруют мелочь, водят каравай
и пьют за вдв и первомай
просроченную водку и девятку

в ларьковой чаше, в гуще суеты
я автономный элемент среды,
не злю ментов, не сторожу закладки

и тень моя под мерный костный треск
становится похожая на крест,
на безусловно симметричный крест,
теряясь в окровавленной брусчатке

* * *

самокрутки крутятся
персеиды светятся
катятся катятся
в дальний путь стелятся
убегай
в подворотне нас ждёт маньяк
хочет нас посадить на кручок

социальных ожиданий и чувства вины
разбежавшись прыгну из страны
тропы, стропы, трупы, скрепы
здесь я был, а там я не был
свободы и хлеба,
а зрелищ уже достаточно
зрелищ уже по горло
сердце замерло
сердце в коме
теряю корни
извлекаю начисто
славься отечество
гимн одиночества
институт сиротства
факультет скотоводства
не нужна мне корона
моя оборона
солнечный зайчик
тупой сериальчик
бармены-мальчики
не сыщешь концов
не сыщешь отцов
нам дворцов заманчивые своды
покажут в очередном оппозиционном репортаже
черные скважины
черти со стажем
всё не так уж важно
мне всё не так уж важно
я ем на обед
фенибутовый десерт
санкционный бензин
штурм статьи пятьдесят один
миллионы алых розг
ну и где теперь твой Босх?
здравствуйте, это соцопрос
вилкой в глаз или за нас и за спецназ?
наше дело правое
левое дело — не наше дело
ваше дело рассмотрят в деканате и на студсовете
этот парень был из тех,
а тот из этих
министерство не ваших собачьих дел
министерство иностранных тел
министерство запрещенных тем
и криминализации комментариев

эй, парень,
медленно положи этот текст на землю,
протолкни вперёд
и подними руки над головой.
вот так.
вот так.

* * *

Воплощение лета и юности,
тающее в гренадиновой светополосе
помолчи мне о будущем
на занесённой снегом косе.
Обновление прошивки
в одноместном номере на пепельном пляже —
капсуле пустоты
в змеином клубке дорог.
От каждого по способностям,
каждому по слабостям и ошибкам —
до краёв и впрок.

Поглядим
в мое чистое светлое
с высоты полуоборота на сансаровом колесе,
налюбujemyся отблесками
на занесённой над головой косе,
диафильмами прошлого
в молочном фильтре
про ободранные коленки, тёплое озеро,
голубые рефлексy шторы
и про ту, что не перестаёт,
но становится просто сигналом в большое космическое ничто.

Никто не вёл меня за руку, выстилая дно мягким илом,
не показывал острия подводных камней
в непрерывном течении от «всемогущий» до «нужно быть сильнее».
Так оставь же падающие светила свои
для тех, кому нечем поджечь очаг,
наконечник стрелы и мост —

У меня в груди полыхает пламя
триллионов сверхновых звёзд.

У МЕНЯ В ГРУДИ ПОЛЫХАЕТ
ПЛАМА ТРИМЦИОНОВ
СВЕРХНОВЫХ ЗВЁЗД.

Денис Сорокотягин

Актёр театра и кино, режиссёр,
художественный руководитель
«DAS-театра». Автор книг «Во
всём виноват Бэнкси»,
«Синдром Шишигина» (2022),
«Изменение формы. Особая
книга» (2023).

Фото: Дмитрий Воронцов

КОЛОМНА. метаморфозы.

1.

Группа людей пристально смотрят
на отяжелевшую от ягод рябину
(и кто мне сказал, что ей тяжело)
Женщина, отделяясь от группы,
задаёт уже новой группе («без неё») вопрос:
— и что это значит?

Новая группа молчит

Женщина взывает:

— Вглядитесь, ну же.

Группа людей ещё пристальнее
смотрят на отяжелевшую от ягод рябину,
но пристальное вглядывание не даёт никаких
ответов и гарантий,

рот будто вяжет

рябиновый рубиновый сок

Женщина, не дождавшись ответа, произносит
яростной скороговоркой:

— Это значит, что будет холодно.

И голодно.

Зимой это всё склюют птицы.

Ясно? Понятно?

Попробуйте произнесите это быстро
как скороговорку, у вас получилось?

Ни у кого из нас, стоящих в группе, не получилось этого сделать,
Даже у самой женщины, вернувшейся в группу,

Да и она и не пробовала

Зачем ей произносить это второй раз

Зачем ей тратить свою энергию

на нас, доходяг.

Её рот будто связал рябиновый рубиновый сок

Будущей зимы, в которой будет холодно, голодно, но её это не коснётся

Просто её не будет

2.

В Коломне продаётся мыло «Метаморфоза»
На коробочке написано, что если мыть этим
мылом лицо, то оно становится — сияющим
А если я не смогу ограничиться только лицом
А намылюсь весь и воссияю везде
Это вопрос, я ведь не знаю
Хватит ли мыла
Хватит ли света

Если бы в моей сумке была верёвка
И мыло «метаморфоза»,
я мог бы совершить «какую-то последнюю
метаморфозу своей жизни»

Эту формулировку придумал не я, а поэт Руслан Комадей
Он окликнул меня, идущего в мыльную лавку,
И мы впервые встретились,
до этого только списывались
Я признался Руслану, что боялся его как редактора
(а кто не боится редакторов)
А теперь, сказал, что не боюсь
Потому что увидел не аватарку, а живого человека и сразу захотелось
улыбаться без повода и захотелось жить эту жизнь непременно любя
Да так и есть
(стоит в этом признаваться чаще)

19

Через верёвку, мыло «метаморфоза», через другие метаморфозы,
Через сожжение листьев, похожих на
хлопья для завтрака,
Через запах гари, въедающийся в улыбающиеся глаза,
Я возвращаюсь к мысли,
Что счастлив в эту самую секунду

В этом не страшно признаться,
Потому что я знаю, что будет
холодно/голодно/страшно/рубиново
Потому что я знаю, что есть и что ест жизни

Не насыщаясь

хорошо горит
Почему-то всегда так говорят,
Даже когда горит не так уж и
хорошо
Даже как-то жутко

3.

В трубке слышал голос бабушки
Она лежит, не встаёт
Её голос сегодня завьшен на квинту, чем обычно
Наверное, она плакала, когда плачешь
Голос взлетает и стремится стать таким как был
в детстве
— Ты плакала? — спрашиваю её
Она пьёт воду, прочищает связки и пробует смеяться
Это лучшее спасение от слёз
Рассмеяться над собственными слезами
У неё получается
Голос возвращается в повзрослевшее состояние
Бабушка говорит, чтобы я приехал
И увидел её лежащей
Мне эта её просьба напомнила другое:
Ровно так же я приглашаю зрителей на предпоказ
своего спектакля
Вот и она приглашает меня на открытую репетицию её будущей смерти
Мне надо дать ей слово,
что я буду смеяться и плакать, плакать и смеяться,
Не зацикливаясь на чём-то одном.
А потом выпью залпом стопку рябинового или рубинового сока

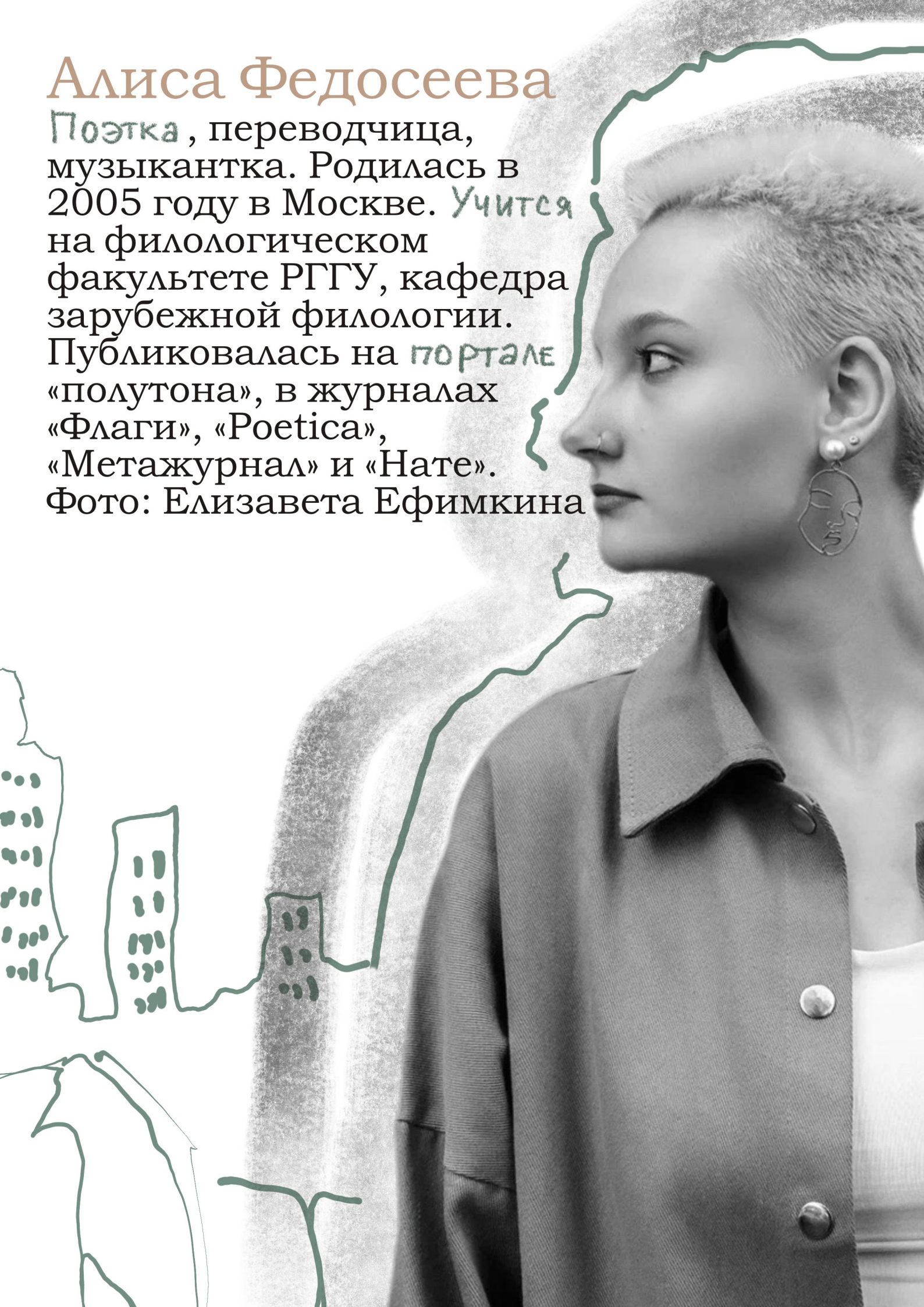
20

Иллюстрация: Соня Ильина

Алиса Федосеева

Поэтка, переводчица,
музыкантка. Родилась в
2005 году в Москве. Учится
на филологическом
факультете РГГУ, кафедра
зарубежной филологии.
Публиковалась на портале
«полутона», в журналах
«Флаги», «Poetica»,
«Метажурнал» и «Нате».
Фото: Елизавета Ефимкина

Сентиментальный цикл

HEATHER

возможно потому что
твой язык был у него во рту

твой язык не двоится и не расщепляется
я пытаюсь поймать его звуковые волны
и тошню согласными

возможно потому что
твои руки знали как он

эти руки писали на глиняной гуще
создавали тексты значительно лучше
моих (прости, это очень глупо)

возможно потому что
твои слёзы касались его щеки

ты фарфорово-глянцевая и съедобная
эти слёзы растают мороженым, Герда
я бы впитывала их ДНК

возможно потому что
твои ноги касались его

они тоньше моей кишки
ты ещё не отринула страх падения
поэтому пишешь и пишешь и пишешь стихи

а он пишет мне
каждый день

возможно потому что
иногда представляет
мой язык

SWEET TOOTH

ночь разрывает глаза
как листья латука
я цепляюсь за них как
за болезнь имени
тебя

я жую эти таблетки
как брёвна чак-чака
они липнут как сон
слипающий веки
сладострастьем

оно переварится
вылившись карамельной
песней, где
каждая нота —
десерт

УФИМСКАЯ ПОЭМА

Белле, Лене, Саше, Галиму, В.

1.

безличное место-имение
именует меня Красивой
улицами расщепляется на
кусочки картофеля

в них растёт кунжут
он кочует и всплывает
со дна воды, перекусывая
ансесторские нити

небо отполировано
выхолощено руками
со свежим маникюром
он глядит в меня голубым глазом

солнце косит окном
розовеет рюшечками
рюмки звенят и
дымятся беспечностью

квадрат закрепляется
обливает меня стиранным бельём
мужской запах льнёт и
щиплет в районе стоп

вещество поэзии течёт
Красным Ключом в мои
вены, сливая отходы мозга
в нефтяное блаженство

когда я касаюсь золота
моей Матери, она
обнимает меня теплом свечи
прикусывая канат внимания

ветер жужжит во мне
грубой пчелой, выхватывая
космогонии тканей, где
Бог кончается (для меня)

лицо желтеет в цвет
кислоты полей
я в них отражаюсь
юной землёй-землеройкой

я бы связала эти куски
мёдом поэзии, но
они тают от касаний
моей животной любви

2.

я оставляю твоё имя
на моих костных тканях и
спелых пальцах, чтобы
всегда писать тебя

я хочу написать про звук
про то, как мы звучим
треточием или восклицанием
мягким суффиксом

как мы не ведаем
что творим, но
каждый шаг отдаёт
любовью души

пухоподобные касания
заплетаются в языке
скатманЯтся и лопаются
запиваются пузырьками

и рыбе моргание
хвостётся на заднем сиденьи
нёбо себя истончает
засыпает девятилетней зеленью

3.

существовать одновременно
в нескольких плоскостях
(я не могла не написать
для/про тебя)

все засыпают, и я
отсчитываю время, словно
я смогу проникнуть сразу
в три города

и не высказанные слова
кочуют в разные полушария гор
скатываясь нежной слезой
на девственную судьбу

но слова не кончаются
они сделаны из мягкости
глины, которую я
растила как собственное дитя

память становится цвета твоих глаз
смежаясь с горной рекой
в поисках твоего-моего голоса | я
писала синими чернилами по воде

ты сидел у меня в кармане
нежным подсолнухом, пятнистой
кошкой или
облачным смехом

~~~

поэтому мы всё ещё тут
на Урале моей любви

* * *

сновидеть тебя
всё равно что
касаться горной реки;
она держит меня в руках —
тех, что цветут, как
линии твоих стихов
под оболочкой глаз

* * *

вот бы найти регистр, в котором
я могла говорить не
шепелявя и не проглатывая букв;
это было бы самое красивое утро,
как когда понимаешь, что все
монстры растаяли сахарной ватой,
скомкались в грязной простыни.

или вообще не говорить:
жевать бамбуковую ветвь,
сосать языковую кость,
обхватывать губами то,
что называется Ты, иной, другой.

в этом зеркале я
вырастаю тысячеликой гидрой:
в полноте пошлости, мещанства;
в безоговорочной набожности, смирении;
в мечте об утраченном интеллекте,
социальной жвачке со вкусом
включения, присутствия.

поэтому я жую щёки, которые
обрастают каллиграфией или
просто болезненной бледностью.
в них помещается сад из
тысячи не проговорённых и
забытых словесных обрубков, именно что
пеньков — матерных междометий.

этот регистр (с нами ли в комнате он
сейчас?) был бы похож на
шрамы на руках, оголённую плоть, которую
мне не страшно потрогать или
дать укусить; как если бы сегодня
я всё-таки сказала,
что люблю тебя

* * *

милый, я бы говорила с тобой по-птичьи
славным персиковым нектаром неслась
щекотать теплом твои спелые щёки

я бы читала тебе наизусть песнь песней
рисовала бы на лице узоры носом
утирала бы с неба слёзы — мы идём гулять

милый, я растекаюсь по подбородку
разливаюсь словом на древе, впитываю
каждое твоё сказанное мне

я бы носила белое платье и даже
научилась готовить, не скусывая пальцы —
они мягко лягут в твои

милый, я бы прочла все детские книжки,
чтобы
транслировать их по́том, как проектор
для дышащих, слышащих существ

но цепь замыкается и дверь закрывается

я просыпаюсь,
заглядываю в телефон

Валентин Васильев

Родился в Москве в 2006,
живёт в Мытищах,
где и пишет стихи
(и на самом деле чуть-чуть
прозы). Учится в историко-
филологическом классе Лицея
1535, а поступить мечтает
на режиссёра во ВГИК .

* * *

1.

Простёгивая ткань метро нашими силуэтами
Мы дублируем тени
Я твою
Ты мою
Мы вместе тень на стене города не знавшего моря
Мы идём по мраморным плитам не знавшим
Что такое сладость солёных брызг
На жёсткой бороде застарелых трещин
И кажется Эол в колоннадах станций
Завывает чуть протяжнее чем всегда
Остов дня крошится оседая пылью огней
На тёмные улицы
Ведущие из центра в
Подворотни безлюдные перекрёстки
Провалы пустоты окраины
В сиреневые сады
И сиреньи песни
В зауголья загибья темноты
Выкручья сизого ветра
Поддымья палой листвы
В несейчас
И не здесь
И потом уже снова в центр
Города не знавшего моря
Мы сплетаем сворачиваем время данное нам
В тугой не по-детски тяжёлый жгут
Будто корабельная снасть
Будта жила Полифема
И я знаю
Пока мы держим единый сплетённый текст
Двух голосов
Город забывает
Про нас
Про наши имена
Про листья олив растертые нашими пальцами
Про наши следы на песке

2.

ГОРОД ГОРОД
 ГОРОД ГОРОД
 ГОРОД ГОРОД ГОРОД
 Г
 О
 Р
 О
 Д
 ГОРОД ГРЯЗЬ ГРАНЬ ДРАНЬ
 ДРАК МРАК МРАЗЬ МРОТ
 ГРАД DRUGS STRUGGLE GLASS
 ГЛАЗ ВЫТЕК ГОРОДУ В РОТ
 ТОТ ЭТОТ ЧУЖОЙ СВОЙ
 СВОЙ ТОЖЕ ЧУЖОЙ
 ЖУЧИТЬ ЖГУЧЕ GUSCI
 СКОЛЬКО СКОЛЬКО КОЛЕТ
 КОЛЬКА ПАШКА БОРЬКА
 ПОД ЗАБОРОМ ПОТОМУ ЧТО СЛИШКОМ БОРЗЫЙ
 БЕЗ БОРЬБЫ
 СО СПИНЫ
 В ХРЯЩЕВИНУ
 ПОД СЕРДЕЧНОСТЬ
 ТЯЖЕЛО
 ГДЕ-ТО В ЛЁГКИХ
 НЕТ ВИНЫ

БОГА НЕТ
 КАК В КИНО
 ЛИШЬ МОНТАЖ
 СТУК МОНТАЖНЫЙ ПЕРЕХОДА
 ГОРОД РОДА НЕТ И БРОДА
 ЧТОБЫ ГОРОД ПЕРЕЙТИ
 ТОЛЬКО СТУК
 МОНТАЖ
 МОТОР
 КАМЕРА
 КАМЕРА
 ВТОРАЯ КАМЕРА ЕЩЁ РАБОТАЕТ
 ПЕРВАЯ УЖЕ ОСТАНОВИЛАСЬ
 НЕ СТУЧИТ
 И ЖЕЛУДОЧКИ УЖЕ ХОЛОДЕЮТ
 ТАК ОТВРАТИТЕЛЬНО ГЛУПО
 БЕССМЫСЛЕННО ПУСТО

А ты прости
Через мрак
Через грай
Через град
Через границу
Прости и прими
Прости одной оставшейся камерой
Этот мир за всё
Меня за дидактизм
Город за то
Что он никогда не видел моря
Потому что даже лоя взглядом
Как небо истекает моей закатной кровью
А день падает во вчерашнее здесь и сейчас
В эпицентр города не видевшего моря

Я слышу
В твоих волосах шум прибоя
Я вижу
В твоих глазах в голубом оссиянии
Нездешнего
Золотого рассвета
Итаку

Белое

Сегодня
На железнодорожной станции
По традиции с названием N

Точнее немного правее
На ржавых рельсах
Я лежал и ждал
Своей электрички
Которая должна была приехать в 7:55

Как хороший гражданин
И приличный малый
Я оплатил билет
Прошёл через турникет

Перелез
(Стараясь не обдирать краски)
Переполз
(Стараясь не привлекать внимания)
Перелетел
(Стараясь не распугать тучные мысли людей едущих рано утром
на работу эти мысли же такие скользкие)

Легко лёг
На холодные рельсы
И вперился в потолок

Точнее в небо
Серое
Низкое
Ползущее
Куда-то на запад
По направлению рельс

Надо мной где-то в небе был мост
Типичный мост советской застройки
На арматуру насела ржавчина
На бетон вода мошкара моль
Утреннего вещества максимальной плотности
Из людей рекламы города
И серого неба
И на этом мосту я увидел
Белую собаку
Белой собаке там было не место
Но белая собака не желала уходить с моста
Как из головы не выходит что-то (например белая собака)
Как мелодия заевшая с утра (белый лай чёрное брюхо)

Люди её пинали
Ругали
Не признавали
И даже аннигилировали
Но собака стояла
И город стал обходить её стороной
И прижиматься к своим перилам

А собака была такая белая
Такая большая
Такая недвижимая
Как будто бы всё место стало чуть более диким
И чуть более диккенсовским
И облака путались грязью
В шерсти
И провода трещали
Спинным нервом у холки
И бежали люди серыми ручьями у лап
И хвостатый город плёлся у неё в хвосте

А когда перекрестье холодных шпал
Сдавило спину и через рёбра
Негражданскую неприличную
Душу
Я сказал
Собака!
Собака белая!

34

На что нам с тобою город в котором идут только дожди и споры
Если есть место где
Мы когда-то были или откуда родом
Я сказал собаке
Время есть
На дорожку
Облизни мою руку (я её подал)
Сейчас только рассвет

Меня поправили мои часы
Точнее
7:55

Дождь

Наверное
Однажды будет такой день,
Когда дождь пойдёт одной
Ломовой
Стеной.
Ной не ныл, а ты не Ной.

Будут постепенно терять свои очертания
Выцветающие здания,
Дома,
Дымовые трубы,
Высокие деревья,
Нос и корма,
Мачты и фьордов губы,
Метеовышки, электростанции, жилые блоки,
Магистралы.
Всё лишь серые клоки
Оттенка стали
На неровном, набухшем серой краской лице
Той стены дождя.
Того наверного дня.

Смажутся магазин, кафе,
Ледокол на приколе.
Растворившись с водой,
В сырую землю уйдут столбы с головой,
Ничего не оставив школе.
А в кабинетах на картах
растворятся гидронимы.
Другие люди писали на партах — то не мы,
А мы все, наверное, утонем и
Увидим, что за холстом.

Потом,
Наверное, дождь возьмётся и за меня.
Не душа так душок,
Не голова так головня.
Но это будет неважно, как и этот стишок,
Ведь мой телефон раскиснет и отключится.
Книги вновь склеенными будут.

Дедушкин оплывший крест начнёт капать на текущего бабушки-
ного Будду.
Расслоится оставленная братом турецкая халва,
А потом в дождь уйдут и отец, и мать,
А потом дождь придёт, чтобы забрать слова,
Но мы и так уже очень давно будем молчать.

С того момента, как солнце заблещет упрямо,
Как будто не уставало за долгие килогоды,
Как в последний раз будет внимательно следить за циклом погоды,
Уходя, будет высвечивать на асфальте каждую яму.

А надпись на стене соседнего дома
Шрифтом звучащим хуже металлолома
Баллончиком, жирными буквами — БАТЯ,
Которая была каждое утро — стоило мне встать и,
Внезапно такая основа основ
Сменится надписью ИОАНН БОГОСЛОВ.
Все часы в мире остановятся на минуту после полудня,
А
Через
Нисколько
Родится огромная
Туша
Дождевого студня.

36

И можно будет забыть обиды,
Простить флюиды,
Не читать стихов,
Не желать успеха,
Не давиться глотками чужого смеха,
Много всяких разных других бесконечных НЕ,
Но главное признаться всем тем, кого ты видел во сне.

И всё будет неважно,
Как Инь и Янь.
Долги, записки бумажные,
Враги,
И за гранью грань
Будет исчёркиваться геометрия
Сама в себе.
Будет дуть, но не о ветре я.
Обо всём.
Ни о чем.
Будет падать вниз,
На карниз и вниз
Вместе с каплями.
Не красив, но и не юродив.
И если таков
Апокалипсис,
То я буду совсем не против

Анна Исенина

Магистрантка

филологического
факультета МГУ
им. М.В.Ломоносова.

ЛЕПЕСТКИ ОТРАЖЕНИЙ Соцветник

*Всё зримое — игра воображенья,
Различность многогранности одной,
В несчётный раз — повторность отраженья.*
(Константин Бальмонт)

ЗЕРКАЛО

*...И он, увидев в Природе изображение, похожее на него самого, —
а это было его собственное отражение в воде, —
воспылал к ней любовью и возжелал поселиться здесь.*
(Поймандр)

...Я стучалась несколько столетий
В это зеркало мерцающей судьбы.
Вод и Пламени легчайшие клубы
Проницал мой взгляд каким-то высшим Светом.

В этом зеркале являлся — лишь на миг —
Тот, другой, различный в каждом всплеске.
Кто он был? Лишь ответ вечных блесков:
Я — не я — двоящийся мой лик.

Как он был!.. Как он впустил отрадно —
Через зеркало — меня в свой дух и плоть!..
«О, родись!..» Ты видел то, Господь:
В теле смертного — источник необъятный. —

Пара птиц, сошедшихся в полёт, —
Так мы мчались с ним, так я летела дважды...
В этом зеркале — уём сладчайшей жажды:
Воплотив меня, в меня приток впадёт.

Утвердив меня — в Твоих просторах, Зодчий,
В Храме солнечном, где звучны имена
Наши точные — кем были мы вне сна,
Кем нашли себя — и слышен возглас: Отче!..

LA FLEUR DU MAL

Весь красив точно Смерть. Точно Смерть, настороженно-точен:
Знает срок подступивший, чтоб выхватить лучший улов. —
Аромат чёрной вишни в Merlot с переспелым оттенком цветочным,
Ускоряющий кровь.

Некрасив, точно Смерть, — и как Смерть подавляет дыхание.
Даже остов живее и более полон тревог.
Красоты замогильной с уродством распада свиданье
Уготовить он смог.

ВАРУНА

Солнцеликий как Сурья, сияющий мудростью кроткой.
Мягколуный как Чандра, блестящий ночью волной. —
Ветви вниз повернувши, целуешь простор голубой
И качаешь в покое и ласке заботливой землю.

Светлозарный, как утро — как первое утро творенья.
Бесконечно глубокий, как тайна, как самая дальняя ночь. —
Без тебя невозможно ни страх, ни грехи превозмочь,
Ты один омываешь небесное, верхнее море.

Ты, как конь по степи, пробегаешь дыханьем над влагой.
Словно туча над степью, вольёшься в желавших дождём. —
Вдохновение в сердце вселивши, ты плодом его привлечён,
Так вселись же и сам ты в подобного Сурье и Чандре!..

СУРЬЯ—МИТРА

*susamdr̥ṣaṃ tvā vayasam prati paśyeta sūrya |
vi paśyeta ṛcakṣasaḥ ||
(Rgveda)*

*Того же света отражённый след.
(Данте Алигьери)*

Точно Сурья явился, исполнен молитв и свеченья.
Блеском Митра покрылся, любовно взглянувши на мир;
Расточая себя беспечально, он землю цветущую вширь
Как бутон испускает — и в ближних даёт утешенье.

Точно Сурья прокрался: из сердца волнами точится.
В слово Митра ворвался, где помыслы были легки. —
Чтобы Сурью восславить, позволь мне коснуться щеки.
Чтобы Митру насытить, пусть глаз мой в их отзрак вглядится.

ТЫ ПОХОЖА НА ЗВУК ВОДОПАДА... Александре Покидько

*...Непрерывный, неудержимый поток
возвышенного духовного энтузиазма...
(Уильям Джеймс)*

Ты похожа на звук водопада
И на дождь, что стучит по листе,
С неуёмным полётом каскада
И дрожанием в мокрой траве, —

Или, может, на луч, незастранный
Вопреки всем желаньям ветров...
Неудержанный конь, — за туманом
Чей-то смех, чей-то бег без оков.

БЕЛАЯ ТАРА

*Они воспевали её, они искали у неё сочувствия
и в ней отражения своего я.
(Иннокентий Анненский)*

*Сила серебра Лотоса так усиливается,
и пространственный огонь тобою побеждается.
Так лучи твои проникают беспрепятственно в те сферы,
которые желаешь проникнуть.
(Из дневника Е. И. Рерих)*

Как лотосы, стопы. Заря в её плещется крови.
И песнею птица зарделась — царь цвета — на выгнутых с лаской губах.
Красны эти губы, как сладость, священной мечты Камадевы:
С молитвенной нежностью кроткой они исцеляют сердца.

Как пена всё тело. Вспаханное море сиянья!
Воздушная пена морская, жемчужина — в створках небес и земли.
О стройное тело, как капля, — текучая капля морская:
Как дерево Агни певуча, как слава Арджуны горит.

40

Услада небесных! Звезда между звёздных стечений.
Ещё милосердней, чем Солнце — чем Солнце, дающее жизнь.
О Белая Тара святая, семь глаз убелившая слёзно,
Восторженной радости слава, премудрость вселенской Любви!..

ВИМВАН

Марку Николаенко

С разрезом глаз, заботливых и кротких, —
Таковыми будды смотрят с полотна, —
И с лисьей радостью, и в то же время с ноткой
Задумчивой печали (*там, со дна*)

*Она встаёт сочувственной волною,
К прибрежью лижется, касаясь края век,
Лицо омыв распахнутым прибоем
Сердечной близости, качает свой разбег*

*В округлости лица, по-солнечному ясной,
Чтоб в голос вылиться смягчённо и легко), —
Но главное: с безмолвным соучастьем,
В том взгляде выразив, ты истинно знаком.*

МУКТАГРАНАКАҢ

Е. Ф.

1.

*Был он прекрасен в уборе жемчужных брызг, вздымаемых ветром.
(Махабхарата)*

Текучая волна от рук пошла — и выше.
По морю лба — безудержно, и страстно, и легко.
Я так люблю её, — я тело мысли вижу,
Ныряльщика Мечты в кругу учеников. —

Любви ныряльщика! Здесь, у виска — желанье
Прекрасной Истины, жемчужины сердца..
И, вспыхнув отблеском, — уже он с ней, в качанье
Волны пронёсшийся и скрывшийся ловец.

2.

*О, жемчуг слов, отысканный в морских глубинах сердца!..
(Константин Бальмонт)*

На столе — чаша раковин: тех, что всегда приоткрыты,
Как открыта твоя, обращённая к миру, душа:
Та предельность-условность, где Голос и отзвуки слиты, —
Там, где Слух настрожен, — последняя в каждом межа...

Перекличкой сказаний, волнами вскипающей песни,
Не разбившись о стенки в три слоя, поёт и поёт Океан... —
И, коснувшийся Эха, ты вторишь напевам чудесным, —
Так на солнце играет у чаши стеклянная грань.

3.

*О, сколько сокровищ в моей голове!..
Жемчуг, бриллианты, священный венец
Всемирного храма свободы.
(Генрих Гейне)*

Ты ловец жемчугов, обращённый в молитве к Востоку
И несущий на Запад сиятельно-сладкую весть.
В мире столько жемчужин, что их, как и звёзды, не счесть —
И тем мужества больше нести хоть пригоршню любовно.

В них затеплится Солнце. Они покраснеют с закатом.
Вместе с ночью позднее зажгут в себе сотни миров...
Может быть, есть крупнее. За многие пролита кровь.
Но твои — обогреты душою и сердцем поэта!..

КРИШНА

Ты снизошёл таким — подобным вечной Песне,
Играющим мечту и пьющим сладкий мёд.
Ты весь — Весна: Тобою мир цветёт,
И Ты всегда Господь, на чьём бы ни был месте.

Ты для Любви пришёл. Она, смеясь, спросила
Все имена Твои, чтоб звучен был их ряд.
Нет, не шелка надел: был музыкой наряд,
И флейта в вечности вас с ней соединила.

Ты снизошёл к душе. Сказал: она святая.
Дал полюбить Себя, чтоб слаще был урок.
И это Ты припавшему у ног
На поле брани пел, Огнём к огню взывая.

Ты и сейчас поёшь, о Слово-Жизнь, как Пламя.
Ты Звук разлившийся, что полон сам собой... —
И так поёшь, что тело как прибор
Предельно выгнуто движением дыханий!..

ВЕСЬ ВОЗДУШЕН...

Юрию Корнееву

42

Весь воздушен — земной ли? А если и вправду ты ветер,
Пробежавший над реками речи, чтоб сладость их тока беречь?
Чтоб к истоку вернуть их? Чтоб каплю за каплей облечь
Ароматом магнолий и красками ранних рассветов?..

Весь воздушен, ты дымка. Туманы над влажною далью.
Или, может, со свежестью острой, ютхика, ты лунная дрёма земли?..
Беспокоен, но светел, как будто — к прибору свечу поднесли,
И качаются отсветы зыбко, лишь временны, но беспечальны.

ЖИВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ БОГА

Тутанхамон

*Твои красоты суть перед моими глазами,
твоё излучение — на моем теле...
(Книга Мёртвых)*

В руках у скульптора и мёртвый камень дышит —
А мастер вдохновлён живою красотой:
Божественной, нетленной, неземной —
Но человеческой, теперь сошедшей свыше.

Он мальчик лишь — и всё-таки он Бог,
Он Солнце, обрамлённое лучами;
Двумя Великолепными Очами
Роняет в души он негаснущий всполох.

Его лицо... Его лицо, быть может,
 Поэты и осмелятся сравнить
 С одним из идеалов — воплотить
 Оно смогло — о, много, много — больше!

Два полумесяца, двойной изгиб листа
 Пшеничного, вдвойне зернистый колос —
 Его уста. И пусть померк в них голос,
 В них Слова не угасла красота.

Он чист и светел, он теперь пророчит
 Глазами мудрыми, он весь заморожен —
 Когда-то мальчик, царь, Тутанхамон.
 Он безмятежен. Спит. И ничего не хочет.

Проснулся в нём блистательный Амон.

ЧЁРНЫЙ ГИАЦИНТ

Весь чернильный цветок, пропитавшийся Влагой небесной
 И раскрывший соцветия в самом начале Весны,
 Что от тела осталось в твоей Красоте бестелесной,
 Не покинувшей граней земных?..

По-ахейски божественно встав ото сна над долиной,
 Где когда-то отец твой возвел себе радостный трон,
 Ты — свидетель историй пленительных, ночи тягучей и длинной,
 Обступившей созвездьями склон.

У тебя есть вся ночь — нет, все ночи, которые миру остались, —
 Чтобы Мыслью цветочной домчаться за грани орбит.
 Не от звёздных ли плясок так кудри твои растрепались
 И не Вечность ли их серебрит?

Насмотревшись на Леду — придя за тобою в Амиклы,
 Как и ты, отдала она сердце свое Божеству, —
 Ты светлее цвести стал: душа твоя в таинство вникла,
 Что Любовью бессмертится дух.

Грубых слов не любя, ты цветёшь для немногих поэтов
 И для песен вечерних готовишь свой лучший убор.
 Отчего твою ночь Солнцебог непростительно жгучим рассветом
 Под стопами себе распростёр?

Разве он должен править, где трон твой наследный поставлен?
 Днём мы полнимся мелким, мы слуги своей суеты.
 Ночью солнц сотни тысяч, весь Сонм нам восхищенных явлен,
 Мы уходим на крыльях Мечты.

Мы уходим всё дальше. Но ты остаёшься Намёком, —
Весь нездешний, весь нежный, как Луч, проникающий в дом.
Эту смелость остаться в созвучье с цветением робким
Мы Заботой великой зовем.

Что от тела сохранно? Ты скажешь: дыхание ветра в бутонах
И кружение лёгкое чуть посветлевших волос. —
Это боги ревнивы. Цветы, как и звёзды, бессонно
Утоляют в сердцах неотвеченный, вечный Вопрос.

МОЛИТВА

*Паря глазами, свякнись с этим садом;
Тогда и луч божественный смелей
Воспримешь ты, к нему взлетая взглядом.
(Данте Алигьери)*

В этой звёздной долине, среди тысяч солнц-незабудок,
Раскрывающих нежно навстречу глазам лепестки,
Говорящих со всяким, кто сердцем не тяжек и чуток,
Возле Берега Света Великой молочной Реки, —

Там, где облик Вселенной пробился сквозь лик человеческий
И в зелёную песню раскрыл всю несчётность дрожащих листов, —
В этом храме созвучий и действенной, ласковой Речи,
Выпускающей в небо дыханье своих стебельков, —

Словно папорот-цвет, необычный и сказочно-нежный,
Неуловленно-светлый, смиренный, Ты в душу простёр мне свой Рост
И раскинулся Сводом, двойным, голубиным, безбрежным,
Чтоб найти мне Тебя среди цветов не сложнее, чем в светочах звёзд.

И ещё было Чудо: с тех пор, как Ты стал Человеком,
Стало проще мне видеть божественность в детях Твоих,
В этих линиях смыслов, в бескрайних — Ты ширишь их — реках,
Составляющих вместе Божественный, благостный Стих.

И тому нет предела: Твоим освещаемы светом,
Были явлены мне и Тоска, и Любовь, и Поэт —
Потому что Любовь выражается в слове Поэтом,
И она от Тоски есть доступный нам вечный Завет.

Я в Тебе полюбила — Тобою рождённых — созданий,
Я в Тебе с ними буду: *мой брат, мой поэт, мой жених* —
Эти трое бессмертны, храни их; пусть срок их скитаний
Будет лучшим их сроком, мой Бог, ты ведь Бог — через них.

Все поля мне — их песни, раскрытые глубиной просторов,
Все цветы мне — глаза их, узревшие мудрость Твою.
Все народы — Народ, что равно Тебе в разности дорог, —
Ну а три этих духа украсили Славу Твою.

Александр Киргетов

Поэт. Родился в 1987 году
в Ярославле, живёт в Москве.
Стихи публиковались
на портале «полутона»,
в журнале «Пашня»
и в сборнике «Верлибр 2022».

* * *

этой осенью никто не выходит из дома
и листья падают несфотографированные
никто не рассматривает как солнечный свет по утрам
раскрашивает берёзы
никто не смотрит на волгу
говорят что её продали за долги
она течёт где-то в пустыне
что ж наверное пустыне нужнее
скоро и листья будут падать где-то в дубае
жёлтые пятна на жёлтом песке
это должен хоть кто-то увидеть
и вечный мэр города поедет с делегацией
будет рассматривать берёзы во дворце наследного принца
а мы будем ждать

карибский триптих

46

1.

получается, не было нас с тобой —
эмуляция тел
набора функций —
и мёртвые буревестники лежали
на остывшем песке —

когда-то мы тоже лежали вот так —
распотрошённые тела для неудачных опытов
каждый раз подставляли свои внутренности
как пищу для птиц —
внутренности отрастали быстрее, чем проходила ночь —
но однажды все буревестники сдохли

жалко ли мне буревестника? вряд ли —

2.

здесь у моря какой-то особый цвет
нас тут несколько человек —
разноцветные пятна на берегу

мы спим под навесом из листьев
лежим на песке, подложив коврики

говорим на нескольких языках

я помню глаза, рифмовавшиеся с карибским морем —
такая пошлая метафора, что мне даже нравится

достаточно ли раздеться полностью
чтобы понять хоть что-то?

3.

перечислять имена расстрелянных детей
и танцевать в тот же день —
на море сегодня траур —
люди в одежде из перьев
хоронят птицу —
(на самом деле этого никогда не случилось)

я вытаскиваю потроха рюкзака
чтобы полицейский хорошо рассмотрел
содержимое —
полицейский состоит из каски, бронежилета, винтовки м-16, чёрного хаммера, рации, вышек связи, диспетчерского пункта на полицейской станции, выпуска новостей —
люди на хаммере готовы стрелять если нужно —
его кожа смугла, но не слишком —
он не говорит на языке *науатль, пайпай, килива, кукапа, кочими, кумиай, йума, сери, чонталь, чинантеко, паме, чичимека, отоми, масауа, матласинка, окуильтеко, сапотеко, сольтеко, чатино, папабуко, миштеко, куикатеко, трики, амусго, масатеко, чочо, искатеко, уаве, тлапанеко, тотонака, тепеуа, пополука, мише, соке, уастеко, лакандон, майя, чоль, цельталь, цоциль, тохолабаль, маме, теко, ишиль, агуакатеко, мотосинтлеко, чикомусельтеко, канхобаль, хакальтеко, киче, какчикель, кетчи, пима, тепеуан, тараумара, майо, яки, каита, опата, кора, уичоль, пурепеча, кикапу* —

полицейский молчит

КАЖДОЕ ЛЕТО РЫБЫ НЫРЯЮТ В ОЗЕРО И ВЫХОДЯТ ИЗ НЕГО СУХИЕ

когда-то давно, когда города строили так,
чтобы они были похожи на рыб,
один поэт решил, что хорда города будет изгибаться
как изгибается рыбе тело,
когда выпрыгивает из воды

он подарил ей золотой плавник и редкую способность —
танцевать под музыку
тикающих часов

поэт построил танцпол для рыбы —
огромное озеро, цокающее zócalo,
чтобы рыбы могли танцевать
на центральной площади
вместе с торговцами сои и
праздными туристами — любителями дышать под водой

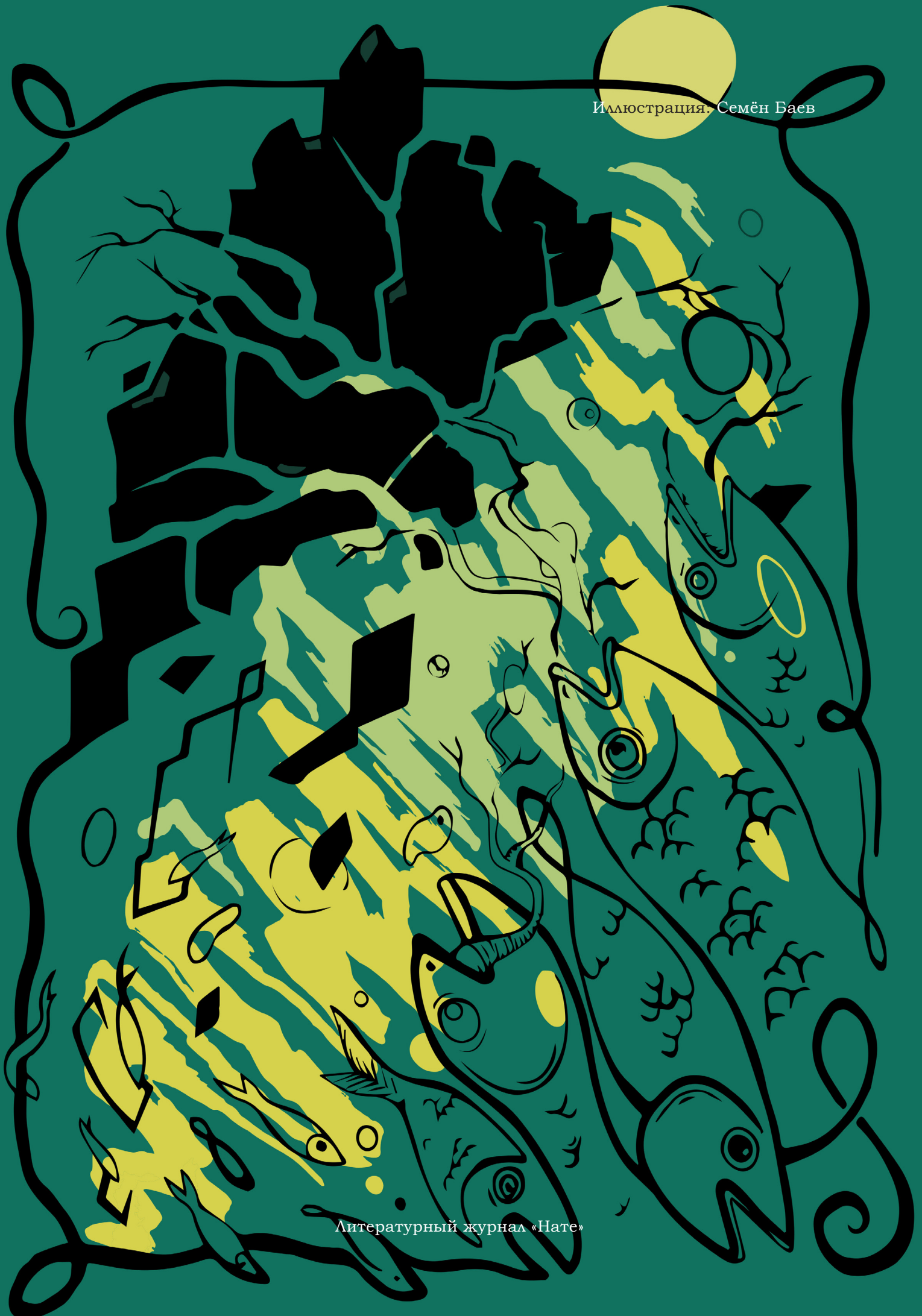
наверное, излишне говорить, что каждый день
в этом городе был праздничным
и все жители начинали утро с чашки чёрного кофе
и ароматного стихотворения
поэтому город быстро рос
и превратился в сосновый лес

говорят, что в этом лесу есть озеро,
из которого произошли все поэты,
но никто не видел это озеро
никогда

* * *

есть города, которые как будто свалились откуда-то и стоят с каменными порезами на бронзовых площадях. есть города, похожие на плевки — растеклись по земле и совсем скоро на солнце засохнут. многие не переживают зимы, а другие купаются в вечной весне, и молодёжь румянится на их щеках, вытягивая вверх свои оголённые ноги. города-ветераны, города-дети, города, которые злоупотребляют спиртным — мечта любого, кто носит в кармане жезл — мне посчастливилось побывать во многих таких городах. города-виноградники, поражённые серой гнилью, города-антидоты, с металлической прищурью на лице, а ещё города, в которых возможно встретить лоуренса ферлингетти и выпить с ним кофе из крошечных чашек — в одном из таких городов следует умереть.

Иллюстрация Семён Баев

Литературный журнал «Нате»

Алла Королева

Филолог, мечтающий
создать нечто
прекрасное.

Родилась в Воронеже,
но в данный момент
проживает в заповедном
саду своих ГРЁЗ.

Романтик Средневековья,
примерно XIII века, волею
судеб заброшенный
в наш, XXI, век.

Натюрморт

На столе — пепелище. Дымящийся город,
Развалины белых и жёлтых колонн —
Всесожжение древних жрецов
Накануне конца
Века героев — конца века.

*Пепел, упавший на пол,
Собираю белой салфеткой,
Бросаю её туда же.*

Ангел с помятыми крыльями
Спустился в сгоревший город —
Спасти пятьдесят праведников,
Спасти десять праведников,
Спасти одно грешника.
Хрупкость привычных вещей.

*Если мой стол опрокинуть,
Разломать, свалить на него крышу,
Разобьются руины города и ангел
Никого не спасёт.
Чёрный, как нефть, кофе
Смоет мосты
Между местом, мыслью и смыслом —
Хрупкость привычных вещей.*

Высшая мера вины

Словно плач зрачков зеркала полощет,
Словно слово «плач» обратилось «плахой».

Я иду на площадь —
Молить вас о не-пощаде,
Я иду на площадь.

Это чьи-то глаза облучают лазером,
Это чьи-то глаза обличают Лазарем,

52

Зрят и зреют — колосья возмездия —
В воздух, сжатый
Взглядов колёсами.
Поскорее! Ведите ж. На месте я.
Рдеют веки — солёные, слёзные...

Но увечная ясность виновности не отменима,
Но овечья пугливость глядит на меня, а не мимо.

Заклеймённому взглядом не нужно звучащих признаний
Под калёным металлом радужек их стальных:
У моих палачей глаза подстреленных ланей.
У моих палачей глаза неизлечимо больных.

В саду сновидений

Мне снилось, как в воспалённые веки вишен дул ветер, заражённый весной. Рассвет разбивался тревожными витражами в отражениях — окнах и лужах. Я ждала в тишине. Но вот ветви задрожали в дождевом ознобе и светлячки слетели мне под веки. Я заморгала, но крылья слипались слёз, и чем больше я моргала, тем больше было слёз и тем больше моргали светлячки. Алые вишни тоже моргали — от ветра.

Мне снилось, как в ушах у меня поселились цикады — щекотно стрекочут скоротечными, щёлкающими голосами, в три счёта трещётчат что-то. Но безмолвно стояли вишни в обличии исполненных очей ангелов.

Мне снилось, как под кожу мне залетела оса, потому что как от укуса слёзный слизняк сердца стал распухать, набухать. Он раскрошил ракушку рёбер. Ре упал в росу и рос, и рос. Он был бесформенный, бескожий, он гулко ухал, дрожал, большой, вишневый. И только тонкие жилки соединяли меня с ним.

Мы шли, летели, плыли — две чаши весов — и я уже не знала, которая из двух — я. Пыль бесполезных слов липла к нему, клейкому, мысли цепляли гарпунами, царапали чьи-то страхи и страдания.

А вишни, волшебные вишни, жалостливо смотрели нам вслед.

Иллюстрация: Катерина Паршина

ПРОЗА

55

Илья Склярский
студент ЛИ им. Горького,
основатель клуба молодых
авторов «ЛитРеформа».

четыре притчи о кирпичном заводе

I

Кирпичный завод стоит около города. Завод сделан из кирпича, но кирпичный потому, что делает кирпич. Кирпич на заводе делает двадцать восемь бригад, в каждой бригаде по четыре человека, и работают все. Двенадцать бригад — это лепительные бригады. Там дело происходит так: рабочий лепит кирпич двумя руками, потом лепит ещё один кирпич уже одной рукой, потому что во второй у него кирпич, и кладёт два кирпича на поднос. Потом приходит рабочий из возительной бригады и увозит подносы на тележке.

Геннадий работает в лепительной бригаде. За день Геннадий успевает сделать больше, чем сто сорок кирпичей. Когда Геннадий слепляет первый кирпич двумя руками, ему сложно слепить второй кирпич одной оставшейся рукой, он переживает, что тот получится неровным. Дело в том, что Геннадий очень ответственный человек, и он хочет, чтобы все кирпичи были ровными, потому что отдаёт отчёт тому, что из них потом строят дома, а в домах живут люди, и если один даже кирпич будет неровным, то уже весь дом тоже будет неровным по примеру одного кирпича. А люди должны жить в ровных домах, обеспечивать это лежит в главном смысле Геннадия.

Когда Геннадий возвращается с работы, он обыкновенно застаёт свою дочь Аню за уроками. Аня учится в начальном классе, и поэтому её уроки хорошо поддаются простому старанию.

— Чему ты сегодня научилась? — спросил один раз Геннадий свою дочь.

— Я научилась складывать один и один, — ответила дочь.

— Чтобы быть хорошим человеком, больше ничего и не нужно, — честно сказал отец.

II

Виктор работает в возительной бригаде. Возительная бригада примечательна тем, что, представляя из себя единое формирование, функционирует таким образом, что её члены контактируют в течение рабочего дня всего дважды: когда получают тележки и когда сдают тележки. Ещё могут иногда увидаться не регламентированно, если одновременно привезут кирпичи сушильной бригаде. Каждый рабочий возительной бригады обслуживает три лепительные бригады. Он приходит, вставляет по очереди подносы, на которых лежат кирпичи, в пазы в тележке, а потом увозит тележку по коридору к сушильным камерам, где находятся две сушильные бригады. Там тележку разгружают, сперва вынимая поднос, а после перекладывая с него кирпичи, потом поднос вставляют обратно. Когда в тележке остаются только пустые подносы, рабочий возительной бригады возвращается к лепительной бригаде и вынимает все подносы. У лепительной бригады есть запасные подносы, и это позволяет ей не останавливать работу. Дальше всё продолжается заново уже с другой лепительной бригадой.

58

Виктору нравится его работа, потому что в ней есть необходимая динамика. Виктор находится в возрасте средней почтенности, поэтому врач прописал ему много ходить. На своей работе Виктор много ходит, что позволяет ему долго жить. Долго жить для Виктора важно, потому что Виктор понимает, что в случае своей смерти расстроит близких: двух сыновей, жену и сестру. Виктор человек тихий: он не ругается и не кричит, поэтому если исчезнет из своей семьи, то в ней провалится тишина.

Мысли об этом подгоняют Виктора, и, чтобы жить дольше, он везёт тележку быстрее, чем остальные рабочие из его бригады, а иногда даже быстрее, чем все другие рабочие из всех других возительных бригад. За это его считают дополнительно ценным. Както особенно раз разогнавшись, Виктор понял, что ему совсем не страшно смерти, в смысле как для себя. Страшно бывает, только когда едешь из сушильных камер и везёшь подносы без кирпичей. Хочется то ли глаза закрыть, то ли крик из себя вынуть.

III

В каждой сушительной камере сушительных бригад работает по две. Но они совсем не идентичны по своему занятию. Одна бригада разгружает тележку с кирпичами и относит их из предбанного отделения непосредственно в сушительное отделение сушительной камеры. Можно было бы сушительное отделение просто и звать сушительной камерой, а предбанное отделение не называть никак. Такие мысли обычно в рабочее время, а иногда и вне рабочего времени, думают рабочие второй сушительной бригады, которые занимаются тем, что сушат кирпичи. Кроме этих мыслей, они также занимаются мыслями о том, что стоило бы только их бригаду называть сушительной бригадой, а первую бригаду не называть никак, ну или называть её подносительной бригадой, или называть её промежуточной бригадой, или разгрузочной. Все эти названия, по мнению рабочих сушительного отделения сушительной камеры, гораздо лучше отражали бы суть прочей бригады, потому что её члены ничего не сушат, а только разгружают подносы, подносят кирпичи, служат промежутком между другими бригадами.

Кирилл работает в той сушительной бригаде, на название которой всё время покушаются мысли другой сушительной бригады. Свою жизнь Кирилл хочет построить на заботе, исходящей из него и укрывающей что-то вне его, но с заботой над чем-то живым ему справляться пока что трудно, и поэтому его радует то, что он может заботиться о мёртвых кирпичах. Без заботливого отношения не слишком просто перенести даже один кирпич, который только имеет название разве что кирпич, а на деле это едва подзастывшая растекающаяся глина. Поэтому, когда Кирилл несёт кирпичи из предбанного отделения в сушительное отделение, ему приходится на них дуть, чтобы они подсыхали.

IV

Последняя бригада, в руки которой попадают кирпичи, — это обжигательная бригада. Её работа одномерна: рабочие берут обсушившийся кирпич, переносят его в обжигательную камеру, и, когда все процессы там совершаются, относят кирпичи, уже крепкие, красные, на склад.

У рабочих обжигательных бригад много времени для того, чтобы ничего не делать, и поэтому они читают книги или разговаривают друг с другом. Влияния на общий ход работы завода это не имеет, но от этого, а ещё от того, что они стоят у конца цепи, рабочие обжигательных бригад пухнут и уважают только друг друга и сушильные бригады, причём только те, которые находятся в сушильном отделении. О существовании других сушильных бригад, тех, что разгружают подносы, рабочие обжигательных бригад просто не могут знать, как не могут знать и о лепительных бригадах, и о возительных. Один только вопрос у них насчёт рабочих сушильных бригад: почему тех никогда не видно за книгой или за разговором? Рабочие обжигательных бригад не могут знать, что те всё время заняты мыслями о названиях.

60

Михаил работает в обжигательной бригаде. Михаил быстро выполняет положенную работу, а потом идёт читать. Обычно удаётся прочитать где-то пятнадцать страниц, а потом снова нужно переносить кирпич. Пока Михаил переносит кирпич, он думает о том, что только что прочитал. Разговаривать с другими членами бригады Михаил не любит. Михаил — мой друг. Это он рассказал мне притчи о кирпичном заводе.

Иллюстрация: Виктор Лукьянов

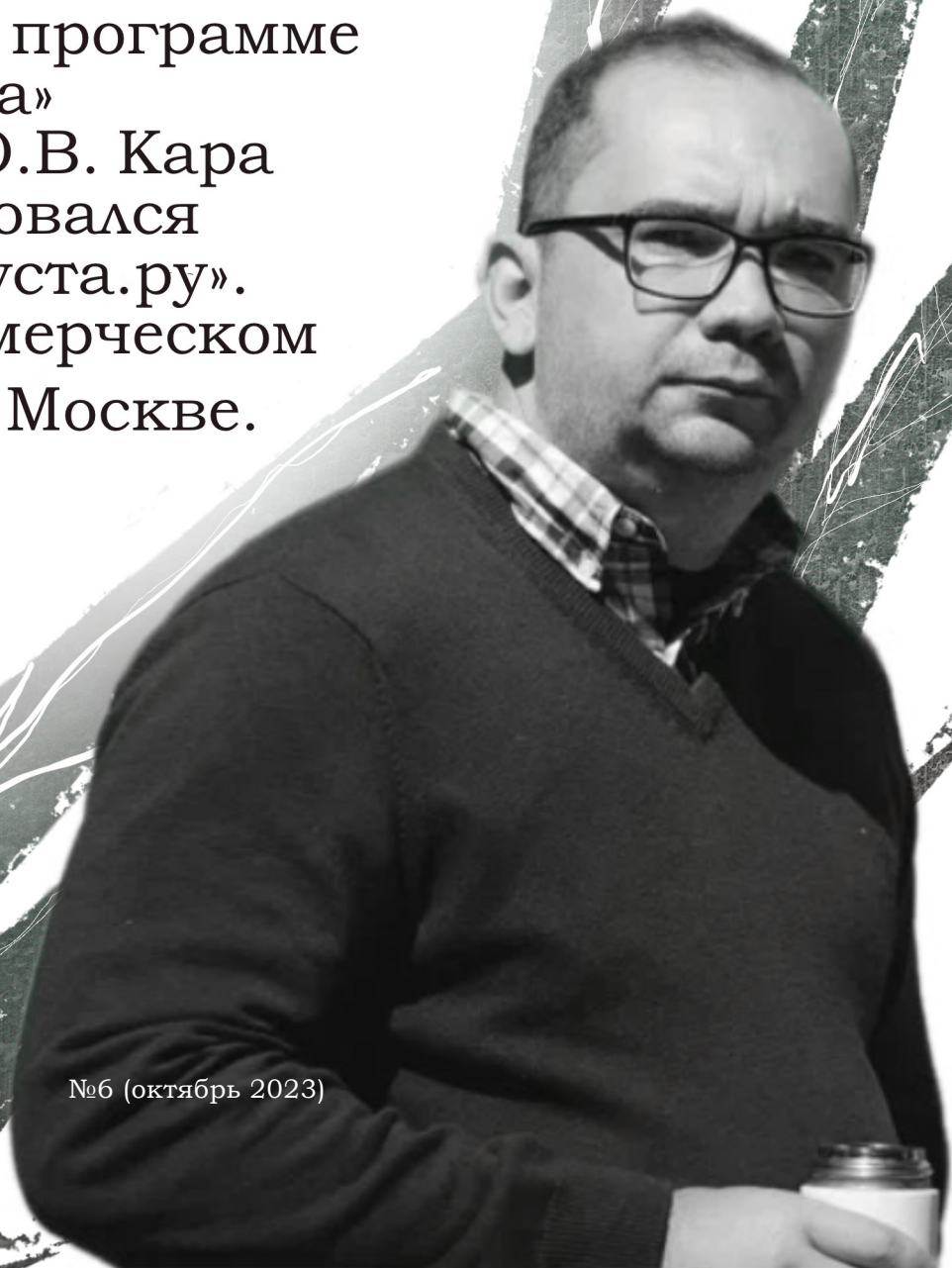

Литературный журнал «Нате»

Андрей Станишевский

Родился в 1985 году в **Хабаровске**. Окончил Хабаровскую государственную академию экономики и права, **кандидат** экономических наук. С 2022 года обучается на Высших курсах кино и телевидения по программе «Кинорежиссура» в мастерской Ю.В. Кара (ВГИК). Публиковался в журнале «Дегуста.ру». Работает в коммерческом банке. Живёт в Москве.

Убийство в деревне Володькино

На деревню свернули в сумерках. Максим выдохнул, потому что гирлянда плетущихся по Ярославскому шоссе дачников в зеркале заднего вида наконец сменилась темнотой. Впрочем, темнота была условной. Каждые десять-пятнадцать минут Марина Ивановна включала фонарик на смартфоне. В такие моменты салон заливало ядовитое розовое свечение, после чего следовало «Ну мааам!» от Алёны и неизменное «Я просто кормлю домовят. А фонарик сам собой включается» — от тёщи. Максим был далёк от тонкостей рациона тех самых домовят, но за три часа езды начал подозревать, что жрут они изрядно.

— Марина Ивановна, — Максиму снова светануло с заднего сидения, — а можете хотя бы фильтр на фонаре поменять? Чего он как в фотолаборатории светит?

— Что, опять включился? Максим, ты не поверишь! Это я марганцовку разводила и, видимо, капнула. Вот мы доедем, и я всё аккуратненько протру, хорошо?

Единственным приключением за всю дорогу стала новость по радио. Дерзкий побег из истринского изолятора совершила пятёрка заключённых, у которых прошло «всё как по маслу», что наводило расследование на определённые подозрения.

— Блиин, — этого только не хватало, — Алёна шлёпнула ладонью о колено. — Что-то стрёмненько с ночёвкой ехать, может обратно? Но семейный совет голосом Марины Ивановны решил, что Истра — это северо-запад, а Сергиево-посадское направление — это северо-восток, две большие разницы, поэтому не нужно паниковать, а нужно быть мужчиной.

Володькино начиналось после Т-образного перекрёстка: съезд налево вёл к старой церкви и пяти деревенским домам, дорога направо — к одноимённому СНТ. Дорога прямо шла до круглосуточного продмага-бытовки, который обеспечивал лапшой, мятными пряниками и алкоголем как деревенских, так и садоводов. Максим свернул направо. Туман выплывал отдельными клочками — слева, справа и спереди, как размноженный и обезличенный Каспер. Совсем недоброе и равнодушное привидение володькинской версии залазило на капот, растягивалось молочным коконом и всячески мешало Максиму высматривать дорогу.

— Скучно, такое в сториз не выложишь, — зевнула Алёна, закидывая телефон в бардачок. Как она ни старалась, её старенький

айфон не мог поймать туман: только дорога в одну машину, кусты по бокам и короткий клин света впереди.

— Привидений через зеркало снимают, — пошутил Максим.

Алёна схватила его за плечо, затрясла:

— Левее, левее, левее, правее, Макс, эээх! — Алёна вздохнула, потому что землистые неподвижные бугорки на дороге оказались лягушками. Максим, как мог, подхватил эту деревенскую версию «змейки», но «эээх» прозвучало в салоне ещё трижды.

Улица встречала темнотой. Наверное, соседи начнут съезжаться в субботу, ближе к обеду. Максим разжёт мангал.

— Марина Ивановна, несите мясо: «домовята» накормлены, а мы — нет! Пока потрескивали ветки в костре, Максим рассматривал уродливые кочки по всему участку. В отсветах огня кочки были не кочками, а бритыми под машинку учащимися городского профессионального училища. ПТУшники качали головами и, казалось, что-то замышляли. В прошлом году землеустроитель назвал это пучинистыми почвами. Что ему мешало понятно объяснить, что весной они так и будут тянуть свои горынычьи головы, каждый раз — в новом месте?

64

Темнота через забор зашуршала.

— Соседи, драасте, — это Мила. В своём линиялом спортивном костюме она похожа на затерявшегося во времени посла олимпийских игр. Только в руке держит не факел, а телефон. — А я инет ищю, вот мои обещали фото внучки прислать, а вацап ну ни туда ни сюда здесь.

Она приближается к сетке забора, и Максим смотрит на её порезанное ромбами лицо. Зачем ей такая густая подводка на даче? Мила вплотную прислоняется к рабице и интересуется вполголоса:

— А новости-то слышали последние?

— Да слышали, слышали, говорят, истринские уголовники сбежали, — Алёна тычет палкой в непокорный уголь в форме лошадиной головы.

— Ох, Леночка, так это же не последние. Последние — что изолятор был не Истринский, а Сергиево-посадский. У лошадиной головы со щелчком отваливается морда, все вздрагивают, телефон Милы уплывает в молчании.

Перед сном тёща долго жалуется с антресоли, что душно натопили и где интернет. Максим дождался тишины и встал покурить. Он всегда ценил простые моменты. Ранние часы в суббо-

ту, на балконе, когда даже дворник ещё не распахнул свою кибитку. Или как сейчас, на природе: в городе звёзд нет, а здесь их — хоть обсмотришься.

— Э, хозяин, — сиплое из-под ворот. — Хозяева, есть кто, говорю?

— Максим, молчи. Никого нет, пусть уходят, — зашептала Алёна из глубины комнаты.

За воротами послышалась возня, потом звук сигнализации.

— Ая говорила: загони во двор, — проснулась Марина Ивановна. Максим выкидывает сигарету.

— Дайте фонарик, Марина Ивановна, мой сел.

Максим не хочет открывать калитку, поэтому поднимается по стремянке у ворот. Неловко перехватывает ступени одной рукой. Во второй руке аэрозоль с составом против животных как на двух, так и на четырёх ногах. Светит на визитёра.

Снизу на него смотрит капюшон, красные глаза и красные руки со сбитыми костяшками. Максим понимает, что это только эффект тёщиного фонаря, и нажимает брелок. Сигнализация смолкает.

— Машину зачем пинаешь?

— Хозяин, не обессудь, она качнулась, я просто поддержал, — скалится гость.

Максим украдкой осматривается. Прикидывает варианты. Сколько было беглецов? Пятеро? Трава совсем не примята, не похоже. Где ещё четыре? Алёна догадалась позвонить в 112? Чёрт, здесь же не ловит. Писать мейл? Отправить Марину Ивановну к Миле?

— Докинь до магазина, а? Не то что трубы — душа горит! — сипит капюшон.

— Иди спать, а? Какой тебе магазин, хороший уже, — кажется, он всё-таки один.

— Тебе же 31–32, не больше? То-то же. А с моё поживёшь — поймёшь. Осмыслишь, в общем. Как старшим дерзить. А может это, парой соток выручишь? — не сдаётся гость. — Ибрагим, зараза, не даёт больше под запись. Но ничего, по осени пахать приспичит — поговорим тогда. Я, кстати, на беларуси тут колымлю. Кочка-то одолела уже? Свисни как-нибудь — разберёмся.

Отлегло. Значит, из местных. Ещё несколько секунд Максим молча перебирает в кармане джинсовки мятую после заправки

сдачу и баллончик, выбирая: откупиться или наказать.

— Ну, так и чё решил-то? Подсобишь?

Максим вспоминает старый психологический приём и кидает под берцы с розовыми шнурками купюры.

— Здесь двести. Через неделю занесёшь, понятно? — надеясь, что больше этого человека не встретит.

— От души, хозяин!

T-образная развилка. Утро. У обочины — полицейская девятка, фургон скорой и шкода-йетти Милы. Мила звонит кому-то, одновременно кивает Максиму и, кажется, рассказывает сразу всем. Максим притормаживает и опускает стекло.

— Тут такой кошмар! Кто-то Ваню ночью сбил. Ну да, тракториста нашего. Видать, через дорогу за водкой бежал. Ну к Ибрагиму, помнишь его, да, да, а к кому ещё. И где денег-то нашёл. Это ещё чего. Он вторые сутки не просыхал, участковый в доме Зинку нашёл привязанную, в синяках — забил бы её, если бы Бог к рукам не прибрал. Краем глаза Максим замечает тент, из-под которого видны два армейских берца. При дневном свете шнурки оказываются белого цвета. Поднимает стекло, газует.

66

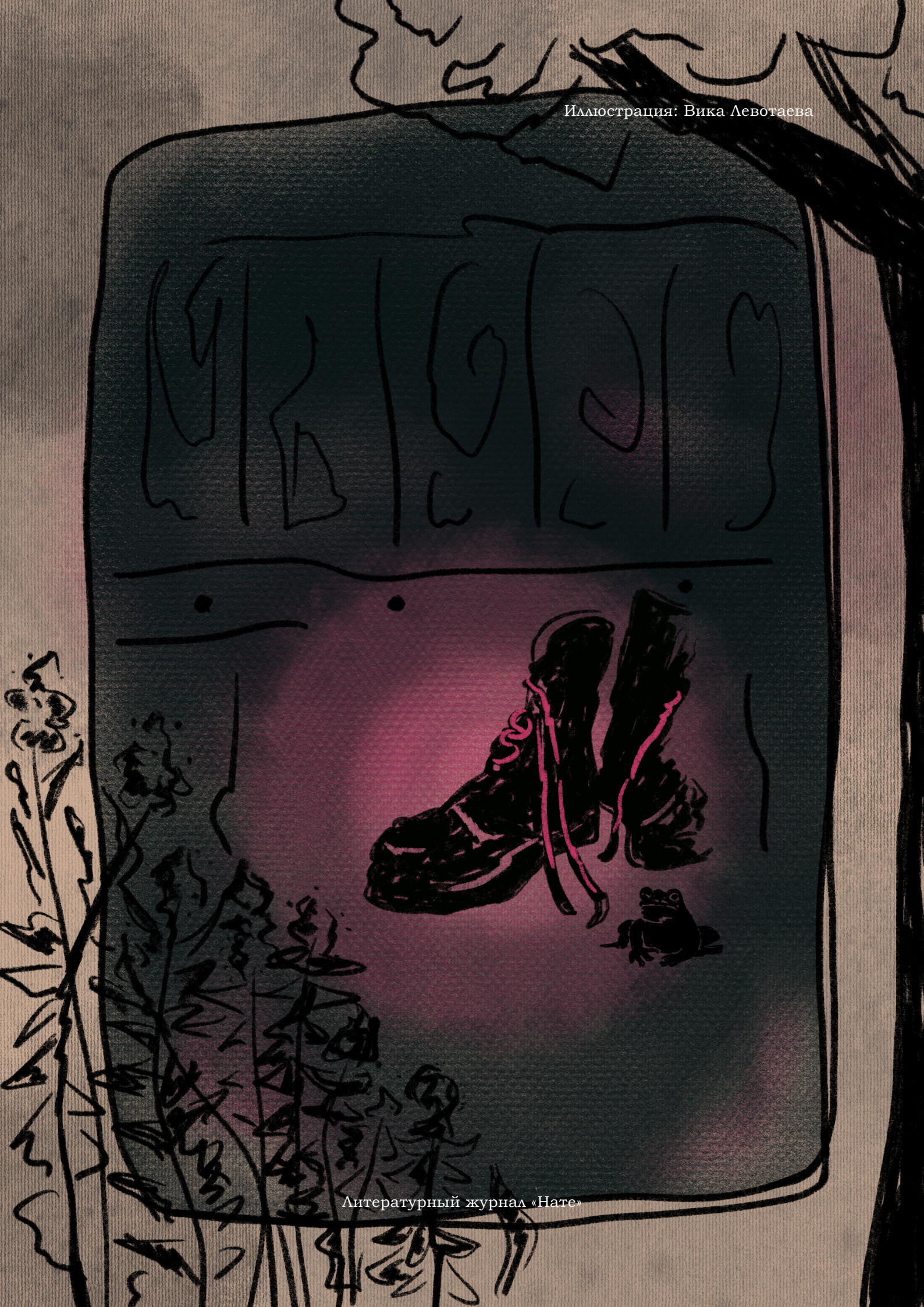
До Ярославского ехали молча, только в одном месте Алёна кивнула на уже подсыхающую кляксу лягушки:

— Узнаёшь?

— Да. Кажется, это я убил.

Иллюстрация: Вика Левотаева

Литературный журнал «Нате»

Наталья Анискова

Родилась
в Новосибирской
области, окончила
университет в
Новосибирске.

Занимается
академическим
райтингом
и дизайном.
Несколько лет
пишет прозу.

Моисей

Утром я пришла за листовками, а Давид сказал:

— Ривка, тебе надо уходить.

— Что случилось?

— Борю ночью забрали в гестапо. Сегодня-завтра тебя начнут искать.

— Он же не предатель!

— Ривка, опомнись. Он пацан. Четырнадцать, пятнадцать ему?

— Шестнадцать лет.

— Всё одно. Сегодня ночью в лес уходит группа, и ты вместе с ней. Иди быстро к себе, тёплые вещи возьми, попрощ... В общем, возьми тёплое. И бегом сюда.

Давид вспомнил, что прощаться мне уже не с кем. Брата расстреляли в Дроздовском лагере, в сорок первом. Маму с папой убили здесь, в гетто, тоже в сорок первом. Я тогда работала в самом Минске, на кожевенном заводе. Вышла утром, так радовалась — думала поменять мельхиоровые ложки на булку хлеба, договорилась с одной женщиной. Поменяла. Булку разрешила, спрятала в сапоги. Они резиновые, голенища широкие, туда ещё одна булка влезла бы, да не было. Поэтому я и возвращалась довольная, хоть и устала.

А потом мы зашли в гетто и всё увидели.

Я не помню, как вернулась в тот день домой. Помню, как сняла сапоги и вытряхнула хлеб на пол.

В комнате, где мы ютились в прошлом году тремя семьями, был только старенький пан Бельский. Он в тридцать девятом перебрался с детьми и внуками из Польши, когда туда заявили фашисты. Думали, что к нам Гитлер не сунется, что в Советском Союзе безопасно. Сейчас внуков у пана Бельского не осталось. И детей не осталось, одна невестка.

— Ты вернулась, Рива, деточка? — прокрихтел из своего угла пан Бельский.

Разговаривали мы с ним на идише, потому что русского пан выучить за три года не успел, а я не знала польского.

— Да. Ненадолго.

Я вытянула края простыни из-под тюфяка и складывала на неё тёплые вещи. Не забыть сапоги.

— Я вижу, деточка, что ты нас покидаешь, — снова прокрихтел

пан Бельский.

— Нет, что вы. Понесу менять вещи.

Ни к чему пану Бельскому знать, куда я иду. Невестка у него дура душой. Сболтнёт где не надо, что Ривка Файзман ушла в лес. А так — отправилась меняться и пропала.

— Деточка, мои старые глаза ещё что-то видят. Ты ведь идёшь искать смерти.

Я подошла к пану Бельскому и присела около его кресла. Старик протянул руку и погладил меня по голове.

— Не говори ничего, Рива. Возьми лучше... Сейчас...

Пан Бельский размотал цветастый шарф — ему и летом было холодно — и вытянул из-под рубашки тонкую цепочку, на которой висел тёмно-красный камень размером с лесной орех.

— Да что вы, это вам самим пригодится, — отпрянула я.

— Не пригодится, детка. Нам здесь уже ничего не пригодится. Надевай.

Камень был тёплый.

— Это не просто украшение, — сказал пан Бельский, сбросив с плеч шарф. — Когда рядом смертельная опасность, камень остывает. Слушай его, Рива. Обещаешь мне?

Конечно, я пообещала. Спрятала камень под одежду, связала простыню узлом, обула сапоги и ушла.

Когда стемнело, Давид отвёл меня в дом Фитерсонов на Шорной, как раз на границе гетто. Фитерсоны, все семеро, жили сейчас на кухне. Там же собрались трое парней, уходящих сегодня — Лёва, Берл и Миша. Линялой занавеской был отгорожен угол, откуда доносилось сопение и храп с присвистом.

В час ночи Арон Фитерсон скатал домотканый половик, под которым открылся люк. Арон поднял крышку и сказал:

— Симочка, пора.

Сима, племянница Фитерсона, девчонка лет двенадцати на вид, ловко нырнула в люк. Мы спустились туда следом за ней. Впереди виднелась тёмная кишка подкопа. Когда мы выбрались за ограду гетто, Сима шепнула:

— Идите за мной по одному.

Она шмыгала по переулкам спящего Минска, мы шагали следом. Я уже перестала понимать, где нахожусь, когда Сима поскреблась в калитку небольшого дома. Открыл здоровенный мужик в ватнике.

— Кто тут?

— Мы, Николай Сергеич.

— Ну, проходите. Ты, Симка, в хату, а вы в сарае пока сховайтесь, — махнул рукой вправо мужик. Потом осмотрел нас придиричиво, — Совсем тощие у вас партизаны пошли.

Тощие. Зато мы живые. У нас, молодых, была работа и паёк — миска жидкого супа и кусок хлеба в день. А у скольких в гетто ни того, ни другого не было? У скольких к зиме закончились последние более-менее ценные вещи для обмена? Сколько тысяч человек в первую же зиму умерло от голода? А мы — просто тощие.

Ранним утром мы улеглись на подводу, сверху Николай Сергеич набросал соломы, каких-то мешков и двинулся из города, к лесу. Я даже задремала, слушая поскрипывание колёс. Проснулась от крика:

— Стой!

В груди у меня внезапно похолодело.

— Куда едешь?

— К сватье, в Рубцовку, — буркнул Николай Сергеич.

— Что везёшь?

— Мешки да солому.

— Зачем?

— В город перебираться будут, там жрать совсем нечего.

Потом Николай Сергеич щёлкнул поводьями, и колёса снова заскрипели. Видимо, полицай молча махнул и пропустил нашу подводу. Холод из груди ушёл, как не было. Я снова задремала.

Николай Сергеич высадил нас за деревней. Кроны берёз почти смыкались над дорогой.

— Туда дуйте, хлопцы да дивчина, — указал наш проводник, хлестнул лошадку поводьями и вскоре скрылся за поворотом.

А мы пошли в лес. Как же тихо там было! Партизанская застава — трое парней в латаных гимнастёрках — встретилась через несколько часов. К ночи мы добрались до отряда.

— Кого ведёшь, Сашок? — крикнули сверху.

— Пополнение из Минска!

— К Воронову их тогда!

В землянке нас ждал худой лупоглазый мужчина с крючковатым носом, похожий на ощипанную сову.

— Здорово, хлопцы... и девчата. Я Воронов Иван Семёнович, командир партизанского отряда. Рассказывайте, кто такие, откуда, что умеете-можете.

Лёва, Берл и Миша до войны были студентами, туристами-походниками. Умели стрелять и ориентироваться в лесу. Химик Миша умел делать взрывчатку. Командир кивал, слушая.

— Ну а ты? — повернулся ко мне Воронов.

— Файзман Рива Иосифовна. Член партии с сорокового. Учительница.

— Делать что умеешь, учительница?

— Занималась партийной работой, могу быть комиссаром, умею стрелять.

Воронов хлопнул обеими руками по бёдрам и коротко хохотнул:

— Ну ёшкина вошь, комиссарша явилась! К прачкам нашим пойдёшь.

К прачкам! С грязными портянками воевать! Я потупилась и выдавила:

— Как скажете.

— Не «как скажете», а «есть», боец Фрайман.

— Файзман, товарищ командир.

Уже утром я поняла, чего стоит война прачек с грязными портянками. Носить воду, греть её котле, скрести бельё золой, отмывая пятна от пота, крови, гноя — тяжёлая работа. Но делать её кто-то должен. Так что моя обида на Воронова не то чтобы совсем прошла, но несколько потускнела. Руки у отрядных прачек, дебелой Светы и щупленькой Люси, были красные почти до локтей. А я к обеду натёрла первые волдыри.

— Смотрите, девочки, Терехов идёт, — мечтательно вздохнула Люся.

К командирской землянке шагал высокий, жилистый, светловолосый мужчина. В латаной форме, как и остальные, но более подтянутый.

— А кто это? — поинтересовалась я.

— Командир одной боевой группы, — ответила Света. — Из окруженцев.

— Ужасно интересный, — добавила Люся.

— Люська, не то тебе интересов мало? — хмыкнула Света.

— Эти не такие, — повела плечами Люся и наклонилась к стирке.

Дни в отряде текли однообразно, пока не поступил приказ сниматься и переходить на другое место. Четверо суток мы пробирались табором по лесу. Наконец вышли на поляну и начали обустраиваться. Мы уже откопали землянки, когда Сашок привёл из леса двоих.

Один был постарше, седой и низкорослый. Второй высокий, черноволосый. Оба грязные как черти, оборванные и, даже издали было видно, голодные. Незнакомцы стояли и с опаской глядели на Сашка.

— Вы кто такие? Откуда?

— Борисов, — донеслось до меня. — Борисов. Гетто.

А потом знакомцы продолжили, мешая идиш с русским. Гетто. Голод. Рвы. Расстрел. Дети, старики, беременные женщины, мужчины, девушки. Лицом вниз, как сардины. Шевелящаяся земля. Побег...

Сашок переводил взгляд с одного пришлого на другого и, похоже, понимал не всё. Я встала и подошла к ним.

— Шолом алейхем.

— Хоть кто-то нас здесь поймёт! — отозвался старший.

— Мы живём в лесу, недалеко... — начал младший.

— Если это можно назвать жизнью, Ицл! — перебил его старший.

— Смотри, Палпетрович, как наша жидовочка со своими чешет!

Я не заметила, как подошли Воронов с Тереховым, и сейчас обернулась к ним.

— Иван Семёнович, разве не интернациональный у нас отряд? — удивлённо спросил Терехов. — Социалистическое братство народов?..

Воронов слегка поморщился.

— Братство, братство... переведи-ка нам, боец Фрайман, что твои братья говорят.

— Они живут здесь, в лесу.

— Сколько их там?

— Нас сто двадцать восемь человек, — вставил старший.

Воронов присвистнул.

— Ёшкина вошь! Что ж они жрут там?

— Чем вы питаетесь? — перевела я.

— Тем, что найдём в лесу, выпросим или отберём в деревнях, — ответил младший.

— Подножный корм и снабжение из деревень, — перевела я Воронову.

Командир помрачнел.

— Ладно, пойдём поглядим на их кагал. И ты с нами давай, Фрайман, переведёшь там.

Я давно уже не плакала, но сегодня вечером чувствовала: не удержусь. Мешать соседкам не хотелось. Я отошла к краю лагеря и устроилась под сосной. Но покоя там не нашла.

— Ты представь, ёшкина вошь! Представь только! — закричал неподалёку Воронов. Я замерла.

— У них бабы там, старухи, ребятня. Пищат, верещат. Мужики в деревни ходят, жратву реквизируют. Когда их захотят найти — это вопрос короткого времени, Палпетрович. А когда после этого найдут — вообще не вопрос. Они нам мешают.

* * *

74

Приказ по Белорусскому штабу партизанского движения

Использовать разрыв в линии фронта противника, на стыке групп армий «Север» и «Центр» между населёнными пунктами Велиж и Усвяты (Витебские ворота) для перемещения партизанских формирований и организованных групп гражданского населения за линию фронта.

* * *

Я ни разу не бывала в командирской землянке после первой встречи с Вороновым. Что мне там делать? Поэтому приказ «Ривка, иди к командиру!» произвёл в нашей прачечной фурор. Света ревниво нахмурилась, Люся начала строить предположения, а я просто молча встревожилась.

В землянке меня ждали Воронов с Тереховым.

— Ну что, боец Фрайман, хотела быть комиссаршей?

Я кивнула.

— Так будешь теперь, ёшкина вошь!

— Как это?

— Объявляю вам с капитаном Тереховым приказ. Вывести за

линию фронта сто двадцать восемь мирных советских граждан. Ты, Палпетрович, назначаешься командиром этого отряда. А ты, боец Фрайман, комиссаром.

Кажется, я поперхнулась.

— Куда за линию фронта, Иван Семёнович? — спросил Терехов.

— В Витебские ворота пройдёте.

— Там только по прямой почти триста километров. А лесами все пятьсот наберётся.

— По двадцать пять километров в день — и за три недели дойдёте. А обратно вдвоём, там за две недели доберётесь.

— Они же не дойдут! — выпалила я.

— Значит здесь, в лесу, от голода дойдут. Так лучше будет, ёшкина вошь? Ты же сама у них вчера была, боец Фрайман. Сама видела, как они живут.

— Да как мы их вдвоём поведём? — возмутился Терехов.

— Ещё троих сопровождающих могу вам выделить. Но не больше.

Терехов открыл рот, и тут Воронов хлопнул ладонями по столу.

— Приказ получен, приступайте к выполнению. Вернётесь — всех к наградам представляю.

Мы вышли из землянки и переглянулись.

— Ну что ж, товарищ комиссар, пойдёмте организовывать отряд, — невесело усмехнулся Терехов.

В конце августа мы двинулись в путь. И если не в первый, то на второй день стало понятно: за три недели нам не дойти. Терехов выбил у Воронова две телеги припасов. Похоже, убедило командира только то, что с продуктами мы быстрее сможем убраться от партизанского лагеря подальше.

Стройной колонны не получилось: люди шли семьями, по двое, трое, четверо. Маленьких детей несли в мешках. Да что детей — каждого нужно было нести в мешке. Одни отощали до остроты костей, другие опухли от голода. В лесу, там, где жили беглецы из Борисова, почти не осталось травы: её съели.

Терехов распределил припасы на всех взрослых — сто пять человек — и строго-настрого приказал не жевать в пути, есть только на привалах. Он шёл первым. Я шагала в середине горе-колонны и по-комиссарски приглядывала за порядком. В сопровождающие Воронов выделил тех самых Лёву, Берла и Мишу, которые пришли

со мной из Минска. Они шли последними.

Через неделю закончилось всё продовольствие. А ещё закончилась партизанская зона, по которой мы вольготно шли днём, особо не скрываясь.

— Пора в деревню, товарищ комиссар, — сказал Терехов и провёл пальцем по переносице, как будто поправил очки.

Село Княжицы издалика казалось игрушечным: побеленные дома, ровные плетни, зелень садов. Мы с Тереховым вышли из леса и шагали через поле, изредка переговариваясь. Человеческое жильё манило меня как собаку.

— Красиво тут, — сказал Терехов.

Вдруг по груди разлился небывалый холод.

— Стой, командир, — тихонько сказала я.

— Что такое?

— Стой. Давай присядем на всякий случай.

Партизаны, даже самые интеллигентные, люди суеверные. Терехов сел в колосья вслед за мной. А я понять не могла: в чём дело, что за холод, почему...

— Оп-па... — пробормотал Терехов.

Я обернулась. Послышался гул, а потом из-за поворота лихо вывернули два мотоцикла. Они подкатили к самому большому из виднеющихся домов. Мотоциклисты в касках по-хозяйски вошли во двор. Мы сидели в колосьях и наблюдали.

— Как ты их услышала, Рива? — спросил Терехов.

— Сама не поняла, как... — пожала я плечами.

И в этот момент поняла. Вот что дал мне пан Бельский! Вот как остывает камень!

Когда немцы уехали, мы зашли в село и выпросили немного продуктов. Немного для ста тридцати человек. В лесу Терехов долго изучал карту.

— Выходим вечером. Двигаться теперь будем по ночам, соблюдая тишину! — объявил он отряду. Я перевела.

— И как мы, по-вашему, сможем это сделать? — возмутился пожилой Минкин, тот самый, который приходил в партизанский лагерь. — Думаете, у нас есть специальные ночные очки?

— Знаете что, товарищ Минкин? У немцев тоже ночных очков нет. Зато дневных автоматов... много, — кое-как сдержалась я.

Конечно, полной тишины не получилось. Люди молчали, но кто-то шумно дышал, у кого-то хрипело в груди, кто-то постанывал. Мы медленно шли вслед за Тереховым — еврейские старики, дети, мужчины, женщины. Одна за другой мелькали между деревьями фигуры. Шаг за шагом мы пробирались к Витебским воротам, но они были ещё так далеко.

На пятую ночь Минкин провалился в яму, глубоко расцарапал ногу и захромал. Лёва числился у нас фельдшером: как-никак, три курса мединститута за плечами. Он наложил Минкину повязку, но это не особо помогло. Нога распухла и сочилась гноем. Терехов сумрачно выслушал Лёвин доклад.

— Такие раны можно лечить жжёным сахаром. Но у нас его нет, — пожал Лёва плечами.

Утром Терехов отправился в деревню, взяв с собой Берла и Мишу с винтовками. Они принесли пять мешков продуктов и стакан сахара.

Лёва собственноручно растопил его в котелке.

— Это зверство! — кричал распластанный на поляне Минкин, которого держали сразу четверо. — Я буду жаловаться!

— Как доживёте, так жалуйтесь на здоровье, — запихнул ему в рот платок Лёва. А потом вылил кипящий сахар на рану.

Ночью Минкин присвистывал от боли, однако шёл. Через несколько дней нога совсем зажила. Правда, к этому времени снова закончилась еда. Сутки мы пробирались по лесу голодными. Даже грибов не было. Терехов с Мишей и Берлом пошли в очередную деревню. Вернулись они быстро и с пустыми руками.

— Уходим отсюда. Соблюдаем тишину, — негромко сказал Терехов. — Немцы в лесу.

Люди встали, закинули на плечи грязные узлы, усадили детей в мешки. Все молчали. Терехов махнул, и мы двинулись за ним. Тихо было, только под ногами шуршали листья.

Впереди меня захныкал ребёнок.

— Уймите его, Софа, — донёлся сердитый шёпот.

Легко сказать: уймите голодного ребёнка в лесу, на ходу! Я слышала, как Софа Вайсберг тихонько бормочет колыбельную. Хныканье продолжалось.

— Софа, ваш сын всех нас погубит! — снова зашептали из колонны.

И это тоже была правда. Детский плач не похож на другие лесные звуки. Услышат его — и всех нас найдут. И всех перестреляют.

Ребёнок не умолкал. Я увидела, как Вайсберги вышли из колонны и переговариваются, тихо, но отчаянно. Софа протягивала мальчика мужу, сапожнику Хаиму.

— Не могу, Софа! Не могу!

Я тоже вышла из колонны.

— Вы что, Вайсберг, сына понести не можете?

Хаим оглянулся, оскалившись.

— Не понести, Рива Иосифовна! Здесь оставить!

Меня прошибло стыдом и потом. Мы стояли, глядя друг на друга, когда подошёл Терехов.

— Что у вас тут?

— Плачет...

— Давайте сюда, — буднично сказал Терехов.

Вайсберги с ужасом посмотрели на меня, потом на командира, и протянули сына. Терехов взял мальчика одной рукой, пристроил его голову себе на плечо и молча зашагал к началу колонны. Ребёнок замолчал.

78

Не помню, сколько мы ещё шли, не помню. Однажды в лесу стало шумно. Миша, он был самый шустрый, ушёл на разведку. Прибежал бледный.

— Там полицаи. Идут цепью, прочёсывают лес.

Терехов сел, привалился спиной к дереву, выдернул карту из планшета. Провёл пальцем по переносице.

Я тоже села. Ноги перестали держать. Посмотрела вправо и увидела... Я сама не поняла, что вижу и как. Как в кино — но мы же в лесу! Терехов лежал, уткнувшись в землю, залитый кровью. Я шла впереди колонны, оборачивалась и кричала на них. Люди вязли в болоте, падали и не поднимались. Наконец всех, и меня тоже, посекали очередью.

Я потрясла головой, зажмурилась, открыла глаза. И «кино» началось снова. Теперь во главе колонны шёл Терехов, один. Он тоже оборачивался и кричал. Люди молча брели следом. Сначала по лесу, потом по деревенской улице. Потом все сгрудились на площади. Минкин сел прямо на землю и захохотал.

Я посидела ещё немного, поднялась и на тяжёлых ногах пошла к Терехову:

— Нужно оставить группу прикрывать отход.

— Знаю, — он убрал карту в планшет и с усилием встал. — Лёва, Миша и Берл.

— И я тоже.

— Рива?..

— Если я пойду, то в дороге не помогу им ничем. А если останусь, то хоть что-то сделаю.

Терехов перекосялся, как будто зуб болел, а потом кивнул. Командир, кадровый военный, сам всё понимает. Так уж нам сложилось.

— Товарищ командир!

Терехов обернулся. Я вытянула из-за ворота камень, сняла цепочку.

— Паша... Ты надень это на себя, пожалуйста. Когда будет опасно, он похолодеет.

Терехов взял талисман одной рукой, а второй притянул меня к себе. Не знаю, сколько мы так простояли. Затрещали выстрелы.

— Идите, — сказала я.

И они ушли. А мы вчетвером залегли в маленьком овражке, больше похожем на канаву.

За деревьями показались первые фигуры в сером. Краем глаза я увидела, как целится Берл. Один упал! Второй! Третий! Отдача била в плечо, и больше я ничего не чувствовала. Серые прибывали, мы стреляли и стреляли в них. Не сразу я заметила, что слева стало тихо. Лёва лежал на боку, открыв рот, а на виске у него была раздавлена клюква. Я подтянула к себе его винтовку. Серых вокруг стало больше. Мы переглянулись.

— Шма, Исраэль! Адонай Элогейну, Адонай эхад... — начал молитву Берл.

Он успел закончить. А потом вскочил Миша.

— Хер вам! Ам Исраэль хай! — заорал он и швырнул гранату.

* * *

Вечером двадцать четвёртого сентября в деревню Пудоть вошли сто двадцать девять оборванных незнакомцев. Шаркая ногами, они дотащились до площади и сгрудились у дома культуры. Некоторые сели там же, где стояли. Один, в драной красноармейской форме, сказал что-то остальным и направился к партизанскому штабу.

— Докладывайте! — скомандовал румяный майор с цепкими

глазами.

— Капитан Терехов, семьдесят восьмой партизанский отряд имени Ленина.

Майор взглянул на карту, поднял брови.

— Как же вы здесь, если можно так сказать, оказались?

— Вывел по заданию командования группу мирных советских граждан.

— Коммунисты? Партактив?

Терехов мотнул головой.

— Что же это за граждане такие особенные, если можно так сказать?

— Беженцы из гетто. Дети, женщины. Старики.

Майор снова поднял брови.

— Хорошо, давайте документы.

Терехов полез в планшет и почувствовал, как за пальцы что-то зацепилось. Вместе с приказом он вытащил наружу цепочку с камешком, которые остались от Ривы.

— Интересная какая у вас вещица, — протянул майор.

— Это комиссара отряда. — Терехов прокашлялся. — Она погибла.

— Так-так. Посмотреть можно?

Терехов подвинул украшение через стол. Майор взял камень и принялся разглядывать на свет.

— Что ещё у них взял? — не поворачиваясь к Терехову, спросил он.

— У кого — «у них»?

— У евреев. У беженцев твоих.

Горло у Терехова перехватило.

— Я их не за плату сюда вёл.

Майор повернулся, положил камень с цепочкой на стол и прищурился одним глазом.

— Ладно, ладно, не за плату. А отблагодарили чем?

* * *

Справка начальнику разведотдела БШПД подполковнику Н. Скрыннику.

20 августа 1942 г. на основании приказа командования 78 пар-

тизанского отряда имени В. И. Ленина П. П. Терехову было поручено вывести за линию фронта в тыл СССР 128 человек мирного населения. От зам. нач. 2-го отдела т. Яценко поступило сообщение о том, что в пути следования П. П. Терехов собрал от сопровождаемых гражданских лиц большое количество золотых и серебряных вещей. Собранные ценности по прибытии на территорию СССР П. П. Терехов никому не сдал.

Н. А. Косый.

* * *

Солнце иерусалимское палило нещадно. На горе Памяти оно всегда жжёт огнём. В Саду Праведников собралось несколько десятков человек. Плотный мужчина сорока с небольшим лет опирался на лопату.

— Копай, Натанчик, — предложила ему пожилая женщина.

— Софа, куда вы торопитесь? Нужно сказать речь, — возразил усохший, как щепка, старик.

— Ицл, какие речи говорить про Павла Петровича, если мы здесь? А могли бы лежать в лесу.

— Был бы сам капитан тут... — донеслось из круга.

— Капитана убило в Берлине прямо у меня на глазах, — махнул рукой Ицл. — Я его узнал, хотел подойти, но снайпер успел раньше. Попал прямо в голову.

— Да я с ним в одной очереди на реабилитацию стоял! — выкрикнул другой старик. — И голова была у Палпетровича целая, не считая зубов. Вот их совсем не осталось.

— Ну что вы такое говорите? Помните Сёму Когана? Он в пятьдесят восьмом году в Твери делал нашему капитану две пломбы в собственных зубах. И всё мне в письме написал.

— Копай, Натанчик, сынок, — снова предложила Софа.

Комья рыжей иерусалимской земли полетели из-под лопаты. Получилась ямка, в неё налили воды, поставили тонкий саженец и опять присыпали землёй. Рядом воткнули табличку с надписью «Терехов Павел Петрович — праведник мира».

— А помните девочку, которая с нами шла? Комиссара? — спросил кто-то из круга.

— Девочку помню. Только как её звали?..

— Рива. Рива Иосифовна.

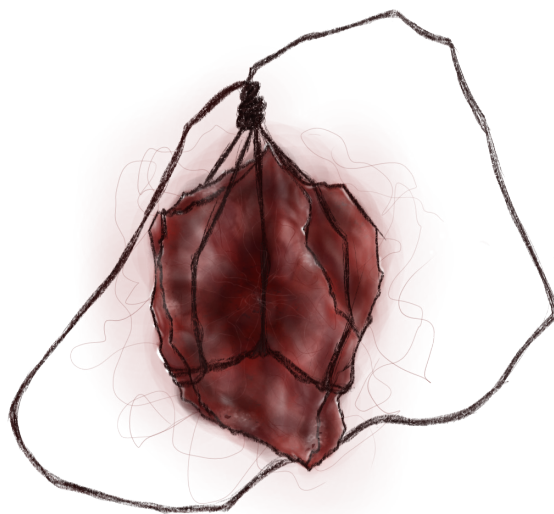

— А фамилия?

— Боря, вы много фамилий помните через сорок лет? Хотя бы своих соседей?

— Файзман, — отозвался Ицл. — Файзман, это точно.

Надо же — они помнят. А ведь я могла стереться из людской памяти ещё тогда, там... Там в лесу, когда Миша швырнул гранату, на какое-то время стало очень тихо. Я подумала, что вот мы и умерли, но тут грохнул взрыв, а потом затараторил пулемёт. Берл сложился пополам и упал. Опрокинулся на спину Миша. Меня сильно ударило в грудь и потащило наверх, высоко, так высоко, что я увидела, как скрывается в лесу последний человек из колонны.

Евгения Скобина

Родилась в Москве.

Публиковалась
в журнале «Волга»
(повести «Курков
дом» и «Коптилка»,
2022 и 2023).

Училась на ВЛК
Литературного
института и в НИУ
ВШЭ на программе
«Литературное
мастерство».

Солнечное сплетение

И тогда он вспомнит про чёрный провал, про змеёныша и бога Тлалока, который затопил пещеру, чтобы вытолкнуть аспида на свет. Тлалок, бог воды, хотел показать маленькому змею, как красив мир. Увидев его восхищение и осознание собственной ничтожности, бог дунул на змеёныша, и тот полетел к солнцу. Врезавшись в солнечный диск, он затмил звезду и вышел по другую сторону — птицей с яркими крыльями. Вспомнив это, Стасик сделает круг.

— Что они делают в подвале? Вы знаете? Они приходят сами, приводят девок, приносят музыку. Про пиво и водку я вообще молчу! Вы знаете, что на прошлой неделе они притащили диван? Зачем, я вас спрашиваю? Ну вы ответьте, ответьте!

Высокая бабка в длинной рубахе для полных статных дам разорялась перед подъездом. Соседи обходили её, как мусорное ведро.

— У вас притон под носом, а вы делаете вид, что ничего не происходит? Во дворе три милиционера, и ни один ничего не сделает? — продолжала завывать старуха.

— Татарин Дрона избил, тебе мало, ведьма? — спросил дядя Валера, шаркая ботинками. Он под вечер набрался, но не настолько, чтобы ввязываться в спор с сумасшедшей.

Отец говорил, что мне повезло родиться в Эру Водолея. Люди будут добрее и станут помогать друг другу, говорил он. После работы он затаскивал в портфель тетрадки и шёл в Акрополь. Его называли профессором, и он радовался, когда шпана заговаривала с ним. Дрон, подмигивая девчонкам, говорил «зема» и спрашивал про реформы, а отец втолковывал ему про жрецов, Розенкрейцера и испытания, которые должен пройти каждый мальчик. Я позволял ему идти в подвал, где он преподавал потёртым барышням основы экзотических религий. По сути, это был единственный подвал, который отстояли для Осириса и его попыток собраться воедино.

На техническом этаже нашего дома обосновался Дрон и его друзья металлисты. Я плохо врубался в их музыку. Кассеты мне не покупали, магнитофона не было. Когда меня спрашивал о песне, группе или солистах, я протягивал: «Ну ты чего, чувак». Это работало. Отец так часто слушал Баха, Бетховена, Вивальди и Моцарта, что я научился различать этих мужиков. И теперь, стоя перед коробкой качелей, которые именовались солнце, я понимал, как мало эта тема подходит для того, чтобы хвастать.

Качели-солнце, словно оправдывая свое название, прежде имели жёлтый цвет, но теперь, когда краска облупилась, они напоминали ржавое, бывшее в употреблении корыто.

Игорь, или, как отец его называл, Гор, то есть египетский бог, крылатый бог неба с головой сокола, стоял в центре двора, все смотрели на него и понятно чего ждали. Даже отсюда, со стороны, которой я держался, будто боясь, что меня снесёт к центру, я чувствовал страх. Именно сюда и должен был прилететь Тунгусский метеорит, место притягивало, как магнит, и этим магнитом были качели-солнце. У Гора был тик, и он часто-часто моргал. Страх его было наблюдать приятно и страшно. Страшно, потому что я знал, что буду следующим, а приятно, приятно, потому что я думал: со мной такого не случится. Когда придёт время, я это просто сделаю, вне всяких сомнений.

Гор несколько раз подходил к снаряду, его словно воротило от этих качелей, и он отступал, выполняя какой-то диковинный танец. Он шатко встал на платформу, расставил руки и ноги, и сделал первое движение. Я видел, как Игорь принялся раскачиваться, всё сильнее и сильнее, и, кажется, его ноги даже достигли верхних ветвей растущего рядом дерева с губчатой старой корой, не корой, а подошвой, но как только качели пересекли грань между небом и землёй и стали заваливаться, тяжело уходя в другую сторону, Игорь замер. Он должен был усилить натиск, навалиться, но он дрогнул, сел на перекладину, куда сажают детей, и не дождавшись, когда качели замедлятся, прыгнул. Это видел я, это все видели. Ребята обступили Игоря, и кто-то плюнул в его сторону, эта струя, пущенная через зубы, прочертила вполне ясную траекторию. Дрон отвернулся.

Было непохоже, что Игорь ещё раз полезет в люльку. Гор сделал шаг и что-то буркнул, он как будто обращался к Дрону, но тот сидел слишком высоко, наверху паутины, которую венчала крупная полная бусина, и, конечно, ничего не расслышал. Гор неловко расставил руки и пошёл, споткнулся, выправился, и, подволакивая ногу — разве он так сильно расшибся? — устремился по тропинке к дому. Публика — десяток сорванцов — расступилась. Девчонок видно не было, и только Симка сосалась с Муравьедом. Я заметил, как она согнула ногу в сетчатых колготах, а рука Муравьеда скользнула вверх по её бедру. Золотистые волосы каскадом хлынули ей на спину.

Дрон, подтянувшись три раза, спрыгнул и махнул рукой.

Круг сузился, ребята вспорхнули на паутинку, как воробьи, а я обернулся. Игорь хлопнул подъездной дверью, и я представил его прихожую. Зеркало с двумя лампами напротив входа, обои в растениях с какой-то чудовищно длинной ножкой, разверстый рот зверя на тумбе — это для ключей, отдельный санузел, не то что у нас дома, где чтобы «помыть уши», нужно дожидаться, пока бабка слезет с толчка. Справа вешалка, на ней всегда — кожаная куртка отца Игоря, длинный плащ его матери. Я устремился к центру притяжения, Тунгусский метеорит упал, но едва ли кто-то это заметил.

Мы сидели с Гором в комнате, которая пестрела обложками. Я не мог отойти от полки с Азимовым: папа не приветствовал фантастику, где не было ни слова о хрониках Акаши, а в библиотеку без того, чтобы к тебе не прилепилось прозвище, не походишь. В дверь позвонили: спустился Борька Муравьед, он что-то сказал про мать, и Гор без вопросов его впустил. Я спросил про деньги на комод — мать оставила ему, чтобы он заплатил за коммунальные. Я удивился даже не этим деньгам, хотя видел их редко, а тому, что Гору доверяли походы в Сбербанк. В детстве, когда я был маленький, бабка часто брала меня с собой. Она держала меня крепко за руку, мы стояли в очереди в серо-зеленых стенах, и у меня было чувство, что мы идём сражаться, как какие-то пещерные люди. И когда бабка, запихнув банкноты сначала в серую книжицу, потом в объёмную сумку, выходила из банка, я чувствовал дыхание весны. И бабка мне даже предлагала купить конфеты, а я никогда не упускал случая.

— И ты здесь? — сказал Муравьед, скидывая ботинки. Он едва посмотрел на меня, но я понял, что мне тут не рады.

Гор виновато пожал плечами, и мы прошли в комнату. По телеку крутили Шерлока Холмса, день был сонным, и не предвещал ничего нового. Я развалился в кресле и уставился в экран. Муравьед рылся в карманах, а Гор застыл в нерешительности. Он предложил нам сосиски, и мы с Муравьедом согласились. Дома никого не было, и можно было вести себя по-свойски.

— Где предки? — спросил Муравьед.

— Арбайтен, — скупое ответил Гор.

— Вы когда-нибудь пробовали сосиску в йогурте? — спросил я, пока Муравьед повторял конец одного и того же анекдота, в надежде что кто-то из нас посмеётся: «А на хуя залупе уши». Закончив выступление, Борька попытался расстрелять нас из невидимого

автомата. Как-то мы с ним нашли один такой в подъезде: чёрный, он лежал поперёк ступеней, и тёмно-зелёная брезентовая ручка его раскачивалась. Мы с Борькой перетрухали и минут пять спорили, кто дотронется первым. На лестничную клетку, хлопнув дверью, в трусах вышел Татарин. Закинув зажжённую сигарету в угол рта, щурясь от набегающего дыма, он бережно поднял автомат. Мы приклеились к стенке и хотели только одно: потрогать блестящую сталь. Муравьед принялся клянчить:

— Павел Иванович, дай, ну дай!

Татарин рассмеялся.

— Он игрушечный, пластик! Поняли? — но автомат не вернул.

Борька занял место во главе стола и принялся вилок царапать скатерть. Он ухватился за ручку чайника, прыснул заваркой на стол и чуть не разбил блюдце. Пока Гор соскребал йогурт и совал сосиски в кастрюлю, я пытался приладить маленькую игрушечную мышку к морозильнику.

— Она повесилась, — сказал я, когда мышку всё-таки удалось прикрутить. Деликатес был готов, и выглядел как варёное лопнувшее яйцо. Через минуту мы выплюнули соски в мусорное ведро. Я почувствовал себя обиженным и голодным.

— Знаете, что, — сказал Муравьед. — Пойдёмте погуляем, я сегодня при деньгах.

Гор пожал плечами, а я побежал одеваться.

Палатка Рената работала круглосуточно. Муравьед не соврал: деньги у него были, и теперь, когда они вышли, мы располагали круглыми сырными чипсами, шоколадками и жвачками. Мы бродили вдоль серых заборов, на которых маркером малевали всё, что приходит в голову. Смысл наших высказываний уместился в трёх словах, а иногда в трёх буквах. Гор хотел написать что-то выпендрёжное, ссылаясь на братьев-фантастов, но мы с Муравьедом ему не позволили и сказали, что запозорят и что это «не круто». Домой идти было всё ещё неохота. Мы шастали возле пятиэтажной, обычно розовой, но в сумерках коричневой школы и заглядывали в большие окна спортивного зала. Там, где мы играли в перестрелку, по вечерам ребята занимались тхэквондо, с сухим стуком выбивая пыль из плотных подушек.

Когда мы шли вдоль школьного забора, я у видел череп. Человеческий череп, потерявший нижнюю челюсть. Кто-то заботливо поставил его на столбик. На месте, где когда-то было

ухо, присохла грязь. Мы в задумчивости замерли перед ним. Серые дома просыпались, разлепляя разноцветные глаза: от арбузно-красных до лимонно-жёлтых — и тоже смотрели на анатомическую подробность черепа. Через открытые окна слышался перезвон тарелок и громкие возгласы. На детской площадке никого не было, и мы рванули к качелям. Муравьед успел первым, он занял целые и вытянул из-за пояса сигареты. Облезлые поручни уходили вверх и выгибались дугой. Я сидел на сломанной досочке и ждал, пока Муравьед накачается и уступит мне место. Гор забрался наверх и пытался навязать нам Кассиопею. Муравьед и не думала слезать. Мы курили сигареты, но не так чтобы до фильтра, и это было куда лучше, чем сосать бычки. Горстями мы запихивали в рот чипсы, и они приятно хрустели. На руки липла оранжевая крошка. Мы выдували большие пузыри из жвачки «Вырви глаз», но на деле она была едва кислой, а внутри так и вообще сладкой. Наклейки — белые глаза в красных, воспалённых прожилках — мы клеили тут же, на поручни. Муравьед порылся в кармане и вытащил белый квадрат. Пошуршав бумагой, он показал резинку презерватива. Он сунул его в рот и попытался надуть. Сначала у него ничего не получалось, он выплюнул шарик и вытер рот. Со второй попытки презерватив приобрёл сначала круглую, а потом продолговатую форму. Муравьеда занятие развеселило, а Гор перестать утомлять нас звёздами. Я попытался столкнуть Муравьеда с качелей, но он выпустил мне в лицо чипсово-шоколадной воздух из шарика, и я отступил.

— Нам стоит взять этот череп, — сказал я.

— Зачем? — удивился Гор.

Муравьед поддержал идею и даже занялся эвакуацией черепа, а я наконец-то занял качели.

— Как ты думаешь, смогу я сделать круг? — спросил я Гора.

Гор молчал. В темноте мы едва различали друг друга. Я знал, что после того, как Гор провалил испытания, его начали шпынять в школе. Однажды я даже видел, как его затолкали в сортир. Одной ногой он стоял на кафеле, а другая носком уходила в унитаз. Муравьед воздел руку к небу, на ладони стоял череп.

— Айда, — сказал он и помахал белым шаром.

В подъезде мы попрощались. Муравьед, повторяя конец другого анекдота «Тьфу-ты чёрт, опять не получилось», ускакал на пятый. А я напросился к Гору за Азимовым. Я видел, что он расстроен, но отступать не собирался. Вечер на другой планете, где

можно пользоваться навороченной техникой и бластерами, стал бы достойным завершением дня. В прихожей нас встретила тётя Люба. Она собрала волосы в хвост — и выглядела, как гладиатор на обложке Джаваньоли. Она накинулась на Гора:

— Ты почему квитанцию не оплатил? И где деньги?

Мои ладони запотели и склеились, такими они были липкими. Я посмотрел на Гора, который на меня смотреть не стал. Не жмурясь и не моргая, он сказал:

— Потерял.

Колеса стучали, берёзы и сосны прыгали, а солнце несло за вагоном, как будто было старой гончей, которая взяла след зайца. Я знал, что, догнав этого зайца, собака с розовым выгнутым языком умрёт от разрыва сердца.

— Собор разобрали, а колокольню оставили, — сказал отец и вытер рот. В Калязине отец всегда покупал воблу и радовался, когда внутри находил чуть рыжеватую икру. — Когда баржи пустили, он маяком служил.

Я посмотрел в окно и рукавом утёр лицо.

— Колокол упал на дно, когда его снять хотели, а он загудел, как гудел всегда, если грозила беда.

Отец вытащил плавательный пузырь, поджёг спичкой, а когда тот сдулся и почернел, предложил мне. Я отказался.

— Ну чего носом хлюпаешь?

— Бабку жалко!

Отец ничего не ответил, он встал и пошёл в конец вагона. Руки после рыбы были жирные. Поезд въехал на мост: замелькали пролёты, а в воде отразилось небо.

— Как два пальца об асфальт! Я ещё десять оборотов сделаю, вот увидишь! — заливал Стасик, чертя ножиком круг. Вокруг него столпились ребята, которым только ещё предстояло пройти испытание. Они бросали ножик, а взрослые у подъезда обсуждали что-то своё. Бегали собаки и трёхлетки, порой было сложно отличить одних от других. Толстый бультерьер Котя растянулся на проходе и положил голову на лапы. К мусорке, покачивая ведром, шёл дядя Валера. Клоунская его лысина, обрамлённая рыжими кудрями, блестела. Он редко был трезв и часто кричал, но его никто не боялся. Пугали два седых братца в шпионских плащах и квадратных очках. Они ошивались возле мусорных баков и подходили к качелям, когда на них сидели девочки. Стоило им подойти ближе, как девочки тут

же выставляли ноги и тормозили, чтобы с криком разбежаться в разные стороны.

— Мама, — крикнула одна из них. — Он на меня смотрит!

— Ну так отойди и не мешай дяде, — сказала женщина, торопливо дёргая ручку подъездной двери. В руках у неё были тяжелые сумки. Навстречу ей шагнула сумасшедшая баба с первого этажа, которой отключили свет за неуплату.

— Вы хоть знаете, чем они там занимаются? — воскликнула она, обращаясь ко всем: женщинам с пакетами, детям с ведёрками, птицам в квадрате двора, комковатой грязи на сером, потрескавшемся асфальте, ржавым горкам, кустам акации с нежными цветами, лесенкам и Богу. — Непотребство, грех, стыд!

— Успокойтесь уже, бабушка, сколько можно, — вздохнула Лариса Леопольдовна. Фармацевтша покачала головой, а Варвара Михайловна с тётей Оксаной отвернулись, как от прокажённой.

Дрон, держась в стороне, махнул ребятам.

— А вот и ваш зять, — сказал Стасик и подмигнул маме Насти, девчонки с рыжим хвостом, чья белая курточка никогда не меняла свой цвет. Фармацевтша выпустила из руки пакеты, выпрямила спину и впилась глазами в Дронову спину.

Стасик прижался к подоконнику. Налёт на него животом; белая поверхность исходила крошками. Попытался её сдуть, но чешуйки цеплялись друг за дружку краями. Сын бабы Маши, соседки, у которой бабка всё время занимала деньги, вышел из этого окна. Он был пьяницей, как и его отец. Он залез на окно, встал крест на крест, а потом просто убрал руки, и выпал лицом вниз. В приехавшей труповозке было четыре отделения, сын бабы Маши — уже в чёрном пакете — занял верхнюю койку. Оставалось ещё одно место, и Стасик подумал, кому же оно достанется. Стасик повернул лицо направо. Татарин двумя ударами уложил Дрона на асфальт, а теперь колошматил его ногой в солнечное сплетение. Игры на площадке прекратились, но никто не подходил к Татарину. Капли почти закончившегося дождя — это всё, что слышал Стасик. Дрона было жалко, он не кричал, не плакал, и его поверженный вид не доставлял никакого удовольствия.

— Стасик, идёшь? — спросил отец, высовываясь из дверей.

Стасик бежал так быстро, что у него заболели ноги. Когда ступни ударяли об асфальт, вибрации шли от пят до макушек. Он забурился за гаражи: между раковинами прятаться было легко, но

проблема была в том, что тут искали чаще всего. Стасик увидел Дрона и дернулся. Он черкнул коленями асфальт, когда пролезал под кустом, и перебежал дорогу. Ему пришлось пропустить машину, и он на секунду замер на разделительной полосе. Рядом с банкетным залом, где, как говорили, одним махом уложили пятнадцать гостей, стоял пивной киоск.

— Дядя Ренат, дядя Ренат, пусти, я разбойник! — Стасик забарабанил по киоску открытой ладонью.

— На учёбу? Зачем? Я коплю сыну на квартиру. Залезай, пострелёнок.

Ренат толкнул фанерную дверь. Стасик нырнул в просвет и спрятался за коробками. Он поджал ноги и смешал на коленке кровь с грязью. Пахло сырой бумагой, и Стасик увидел, что стенка коробок волнами отходит от бортика. На полу валялись крошки, бумажные чеки и пластиковые, криво отрезанные ленты. Он зажал одну в руке, и подушками пальцев пальцев нащупал резьбу. Стасик почувствовал, что дрожит.

— Разбойник, за тобой казак, — рассмеялся Ренат. Покупатель отошёл, Ренат снял очки и начал листать тетрадь. Дверь ударилась о стенку.

— Выходи, — услышал Стасик, но не пошевелился. Он спиной надавил на коробки, и почувствовал, как они начали продавливаться. Стасик упёрся ботинками в пол и провалился глубже. Дрон схватил Стасика за ногу и вытащил на улицу. Ренат начал ругаться, а Стасик спиной пересчитал все пороги. Улица была грязной, и он быстро вскочил на ноги. Дрон поймал его за шкирку, сделал захват и сдавил шею:

— Думаешь, я не знаю, что это меня сдал, сучоныйш?

Стасик рванулся, но Дрон не отпускал. Брюки от сидения на полу были мокрыми, и Стасик думал только об одном: как бы теперь его не прозвали Ссыклом.

— Завтра что бы был на качелях, понял?

— Понял, — буркнул Стасик, вырываясь. Дрон расцепил руки, а Стасик ещё долго стоял посреди улицы, между банкетным залом, где, по слухам, уколошили пятнадцать человек — четырём женщин и одиннадцать мужчин — и киоском. Рассказывали, что на том празднике собрались бандиты, никто из них не пил и почти не разговаривал. Трещали только одни женщины, мужики сидели и сумрачно поглядывали друг на друга. Стасику всегда

было интересно, чего они там праздновали. Дядя Ренат снял очки и протянул через крошечное окошечко серой, почти сплошной коробки — чупа-чупс. Конфета светилась оранжевой обёрткой. Стасик отмахнулся.

Прожектор уходил в небо чёрной ракетой. Похожие конструкции стояли по периметру, но Стасика интересовала крайняя. Она находилась в тени и была разрушена больше других. Старшаки лазили именно на неё, и Стасик подумал, что это отличный способ обойти качели-солнце. Он рванул молнию вверх, бегунком зажав кожу на подбородке. Задрал рукава «Адидаса» (название вызвало маразматический приступ у старушек, которые читали его как ад и ад), по коже побежали мурашки. Стасик поднял голову: прожектор был высокий, с пятиэтажный дом, и уходил в синее, чернеющее небо. Звёзд видно не было, но Стасик отчётливо слышал слова Гора. Кассиопея — это двойная «W», её образуют звёзды Сегин, Каф, Шедар, Нави и Рукбах.

А ещё прожектор напоминал мост, уходящий вверх. Стасик вспомнил, как неделю назад он возвращался с похорон бабки. Они с отцом ехали через мост реки Клязьмы. Пролёты мелькали, и глухо звучали колёса. Чёрные отсечки отмеряли пространство, создавая аквариумы. Если посчитать эти аквариумы, можно было понять, когда мост кончится. Стасик схватился за первую перекладину и подтянул тело. Ступня встала косо и чуть скользнула вниз. Сердце в груди ухнуло. Стасик помнил ощущение, когда на полном ходу соскальзываешь с тарзанки и плашмя падаешь на землю. Сердце перестаёт стучать и проваливается в бездну. Дыхание останавливается, и ты не знаешь, раздастся ли следующий удар, будет ли следующий вздох. Перекладины хватать было неудобно: четырёхгранные, они давили на ладонь. Стасик сжал перекладину крепче: вчера прошёл дождь, и она была чуть влажной. Главное, не смотреть под ноги. Он тянулся рукой, цеплялся, подтягивался, переставлял ногу, потом ещё одну. Стасик сказал себе, что он повторит так несколько раз, прежде чем посмотрит вниз. Про себя он повторял отцовскую мантру.

Змеёныш сидел в пещере и боялся выйти на свет. Когда лучи солнца пронзали мрак, змеёныш забивался всё глубже, пока не почувствовал, как холодная влажная стенка подпёрла хвост. Змеёнышу больше некуда было отступать. Тлалок, бог с совиными глазами, пролетал мимо. Он увидел змеёныша и втянул носом его страх. Он бросил камень в воду, и из моря поднялась волна

и обрушилась на пещеру. Вода всё прибывала и прибывала. Змеёныш... Нога Стасика соскользнула, но он удержался на руках. Криво сгрызенный ноготь с черной каймой оцарапал кожу. Стасик посмотрел вниз: он уже был высоко. Длинный забор, через дырку которого ребяшня просачивалась на стадион, выглядела, как деталь Лего. Стасик прижался к перекладине. Он обхватил её руками и почувствовал, что задыхается. Пацаны постоянно лазали на площадку, и он знал, что там схрон спиртного и сигарет. До чёрного люка было рукой подать.

Волна ударила змеёныша в грудь. Тело его стало невесомым, и потолок стал ближе. Волны били змеёныша в грудь, и ему приходилось преодолевать сопротивление. Потолок становился всё ниже. Чёрное пятно неумолимо приближалось, и у змеёныша остался только один путь — вперед, к просвету. Змеёныш сделал рывок. Стасик подтянулся, поставил две ступни косо, на перекладину, так, что они чуть сползли. Он перегнулся через бортик и вывалился на площадку. Подтянул ноги к груди. Ладони были красными, и Стасик сжал их в кулак. Первым делом полез в коробку, сорвал плёнку с пачки, вытряхнул сигареты. Верблюд был ему знаком: реклама сигарет торчала при входе в метро, откуда всегда вырывался тёплый воздух. Стасик почиркал колёсиком, которое приятно жужжало, и высек огонь.

Стасик отвинтил от бутылки крышку, она побежала куда-то вниз и полетела с обрыва. Стасик отхлебнул. Он утёр рот, и на свитер потекла водка. Стасик согрелся и окреп. Он поднялся на ноги, оперся о высокий бортик, который ограждал площадку. Он разглядел звёзды, и, хотя он не знал, как называются созвездия, звёзды казались ему близкими и знакомыми.

Стасик тихо крикнул: «Вояджер!» Он заметил, как внизу старушка с внучкой, что каталась на трёхколёсном велосипеде, подняли голову. Стасик схоронился. Он присел, рассмеялся и отпил из бутылки ещё раз.

Он сидел долго, пока не прикончил водку. Стасик стал петь песню, одну из тех, что пел на костре Дрон. «Гул мотора разорвал ночной покой / По дороге мчится рокер молодой / Чёрной краской разукрашен гермошлем/ Этот парень был знаком везде и всем». Стасику становилось то холодно, то жарко, и он понял, что нужно спускаться. Он поднялся на ноги и покачнулся: тело не слушалось. Он сбросил пустую бутылку вниз и не услышал, как она упала.

Когда он высунулся посмотреть, где разбилась бутылка, он

увидел у проезжей части людей: старушку, ребят, дядек и тётек: все они смотрели вверх. Он услышал рёв пожарной машины. Стасик опустил ботинок на косую перекладину, и нога поехала. Уцепившись за выступ, он выбросился на площадку, как кит на берег.

Поднялся на ноги. Он видел зелёный круг стадиона, тёмные трибуны, чёрный лес, ажурные балкончики бывшего общежития и дорогу, по которой сновали огни. И тогда он вспомнил про бога Тлалока, который затопил пещеру, чтобы вытолкнуть аспида на свет. Тлалок, бог воды, хотел показать змею, как красив мир. Увидев восхищение змеёныша и осознание собственной ничтожности, бог дунул на него, и тот полетел к солнцу. Врезавшись в солнечный диск, аспид затмил звезду и вышел по другую сторону — птицей с яркими крыльями. Вспомнив это, Стасик прыгнул. Нет. Конечно, он не прыгнул.

Светлана Дымшиц

Родилась и **выросла**
в Санкт-Петербурге.
Занимается созданием
интеллектуальных игр.
Страстно **любит** читать,
ведёт книжный блог.

Алин август

Август, 2008-ой. Жаркий, кризисный, только-что-футбольный.

Але девятнадцать, у неё первая стажировка. Теперь Аля работает в винном бизнесе и в ответ на ироничные взгляды шутит, что это не эвфемизм к слову «алкоголичка». Она выполняет дурацкие поручения: бронирует отели, заказывает такси, доставляет приглашения известным людям, попадает за кулисы городских премий.

Однажды, честно-честно, Але нужно было утвердить багет для дегустации. В таких случаях она всегда вспоминает «Дьявол носит Prada». В её офисе тоже есть свой дьявол. Елена Афонина, Елена Владимировна, женщина с неподвижным лицом и неуёмной жаждой унижать всё, что видит. Никогда не знаешь, какое у неё настроение — наорёт или похвалит. Аля до сих пор чувствует стыд, когда на собеседовании Афа, как её зовут за глаза, высокомерно поправила Алю: «У нас тут не фирма, а компания».

И всё-таки девушка наслаждается: пьёт это лето — лето первой собственной зарплаты, первой свободы — большими глотками, составляет список «успеть до».

Аля с детства больше всего любила лето и меньше всего — август, потому что знала, что обязательно впадёт в спячку в сентябре. Август значит для Али печаль, август всегда её торопил, подгонял, шептал первыми упавшими листьями: «вот и всё». Алин август копил силы и обещал вернуться следующим летом, Алин август готовился терпеть долгие месяцы темноты и морозов, Алин август замирал перед прыжком в осень.

И Аля себе торжественно клянётся: этот август она не упустит.

* * *

Из Москвы приезжает Дин. Они дружат со школы, Дин и Аля. Иногда кажется, что каждый просто не решается сделать ещё один шаг. Дин — Денис Иванович Носов — широко и неловко улыбается (давно не виделись) и заполняет эфир историями о том, что днём он учится, вечером подрабатывает, ночью ходит по клубам — а утром всё начинается заново.

Аля хорошо помнит эту его улыбку, с тех самых пор, как они, ещё будучи школьниками, шагали от метро по белому снежному полю. Квартира Дина была в новом районе, которого тогда и не было. Были только трамвайные пути, приходившие в никуда.

А сейчас август, солнце целует кожу и заставляет щуриться, и

волосы Али уже успели выгореть.

Аля с Динем идут в бар, берут по пиву и почему-то бутерброды с селёдкой и луком. Смеются. Аля рассказывает, как однажды ей пришлось встать в четыре утра, чтобы забрать из офиса Очень Важную и Дорогую Бутылку, забытую начальником, и везти её ему, чуть ли не задержав вылет. Неужели так ощущается взрослая жизнь?

— Хочу в следующий раз привезти Соню, она тебе понравится.

Аля замирает на мгновение — случайно коснулась ледяного стакана:

— Почему же сразу не сказал? Где познакомились? Расскажи всё!

— Сразу! Говорю! — рапортует Дин сулыбкой, — познакомились... в кафе. Потом расскажу, обыкновенная история...

— А я в Европу собралась! — выпаливает Аля, — ты же знаешь, я нигде и не была ещё.

Аля и правда никуда не уезжала из родного Питера. В детстве было слабое здоровье, потом начались девяностые, и семье стало не до поездок.

— Вот и правильно, Алька, молодец! — Дин легонько толкает сидящую рядом Алю плечом, — слушай, а погнали вечером в клуб?

— А погнали! — Аля шутливо кладёт голову Дину на плечо.

Танцпол ослепляет стробоскопами, превращает белый в фосфорно-зелёный. Капельки пота блестят на плечах, ноги ноют, но Аля танцует, забыв обо всём, прерываясь только на очередной шот текилы, когда диджей включает новый медляк. Дин танцует рядом, но не вместе, Аля это чувствует и оттого танцует ещё неистовее.

С рассветом они выходят из клуба. Аля стаскивает туфли, крутится на месте, подпевает сама себе. Дин предлагает идти до дома пешком. Так они и идут, босиком, в мокрых от пота футболках, шатаясь от выпитого. Аля чувствует себя героиней банального ромкома: девушка, город, несчастная любовь. И понимает: так и есть — и упивается этим, и решает ни за что не заплакать.

* * *

На следующий день Аля, мучаясь головной болью, идёт в первую попавшуюся турфирму и покупает самый дешёвый автобусный тур по «жемчужинам Европы» с финальной точкой в Париже. Мать отговаривает, «куда одна собралась, а вдруг чего», но Алю не

удержать. Аля кричит, что ей всё надоело, что она возьмёт кредит, но уедет в своё первое путешествие, что ей 19 лет, а она нигде не была. Мать сникает и просит писать.

Дин пишет Але смс: «Привет, проводишь меня?» Аля отвечает, что не может, много дел, прости, ещё чемодан собирать.

Хельсинки, Стокгольм, Копенгаген, Кёльн. Наконец, Париж. К этому дню Аля так вымотана, что, когда вдалеке становятся видны (так и думала!) огни большого города, у неё не остаётся сил даже смотреть в окно. Аля клюёт носом, а когда автобус останавливается, с разочарованием обнаруживает себя в одном из множества спальных районов Парижа. Глупо было мечтать об отеле в центре, ведь верно?

Париж встречает летними ливнями, но Але всё равно. За два парижских дня она, с постоянно вьющимися от дождей волосами, исхаживает центр вдоль и поперёк.

Уи, мерси, бон-ньюи, юн вер дё ван блан, сільвупле.

Монмартр, Сакре-Кёр, Нотр-Дам, кафе Де флор — Аля так долго мечтала об этом, что сейчас ей почти плевать на то, что никого нет рядом. Каждый день она пишет маме: «У меня всё хорошо».

* * *

Возвращается Аля в конце августа, под самый занавес лета. Разбирает вещи, выкидывает испорченные парижскими дождями кроссовки. Садится за стол и пишет список дел на осень.

Иллюстрация: Анна Боронина

№6 (октябрь 2023)

Ева Зорина

Лингвист-переводчик
с английского и немецкого
языков, прозаик. Выросла
на Сахалине, окончила
РГПУ им. А.И. Герцена

в Санкт-Петербурге, живёт
в Будапеште.

Публиковалась в журналах
«Северо-Муйские Огни»
и «Пашня».

Возвращение на Итаку

В начале был суп.

Сытный суп, пряный суп, вкусный суп. Суп всех супов — мамин. Суп со вкусом улыбки. С запахом безмятежности. С жирными пузырьками на поверхности, сверкающими, как само счастье. Архисуп, прасуп, основополагающий суп. Всё в нём было прекрасно и гармонично: шарики тефтелей, треугольнички моркови и кубики картофеля кружат в золотом бульоне, заправленном хмели-сунели. Это — первобульон нашей семьи.

Именно с него всё началось. Он был всегда: до первого сентября, до пластилиновых поделок, прописей с помарками и классиков на асфальте. До жвачки по рублю и мороженого в вафельном стаканчике — ванильного с шоколадной крошкой. До того, как розовый вечер сменялся синим и соседские дети уходили со двора. Суп был в начале начал, до первого слова, до моего рождения, до того, как мама впервые меня почувствовала. До того, как встретила моего отца.

102

Суп как основа мироздания. Красная строка. Ключ на нотном стане жизни.

Моё первое ясное воспоминание: дверной звонок заливается соловьиной трелью. Я бегу в коридор. Старый замок на засове — тяжёлом, скрипучем, давно его не смазывали — приходится отворачивать двумя руками. За порогом бабушка с дедушкой, а рядом холщовый мешок ему по пояс: картошка. Деда хватает меня на руки, отрывает от земли — его куртка пахнет сырым погребом. А бабушкины поцелуи — пудрой и красной помадой. Мамин голос с кухни в поисках папы: «Эдик, родители твои пришли! В магазин за фаршем, срочно!»

И тут начинается. Начинается общее. Супа не было без семьи, семьи не было без супа. У каждого своя партия, своя роль, свой ингредиент. Бабушка вырастила морковь. Дедушка привёз в багажнике картошку. Папа взял список и пошёл в магазин с двумя чёрными пакетами в кармане. Мама поставила воду. Я учусь чистить картошку, хотя нож меня не любит и пальцы вечно меня не слушаются. Даже Реки, наш остроухий доберман, и та косится на меня с ухмылкой. А сама караулит миску со взглядом, какой бывает только у голодной

собаки: знает, что перепадёт.

Но главная во всём этом оркестре, конечно, мама: она дирижирует ножом и поварёшкой, и разноцветные кусочки сами прыгают в бульон. Над кипящей водой радостно барабанит крышка. Я поглядываю на доску: слежу, чтобы мама не вздумала добавить лук. Она и так не добавляла: знала, что меня не проведёшь, и встретить я в супе хоть одну мерзкую, скользкую медузу, он тотчас разольётся между нами океаном обманутого доверия.

И вот время к двум. Мама склоняется над кипящим бульоном. Её волосы завиваются от пара и блестят на солнце — золотым, оранжевым, красным. Все замирает: пылинки в воздухе, валик тополиного пуха на жестяном подоконнике, беспокойная собака, секунду назад маявшаяся у миски. Безмолвное, тягучее мгновение, когда слышно только мерное тиканье часов. Мама набирает воздух, дует, подгоняя лужицу к самому берегу ложки. Осторожно снимает пробу. Медленно кивает. На весь дом раздаётся звонкое: «Готово!»

Все снова приходит в движение — вращающиеся пылинки, тополиный пух, обрезанный хвост Реки — мимо плывут ложки и тарелки, солонка и салфетки, кухня сменяется гостиной. Длинный стол заправлен хрустящей скатертью, а на ней — подставки из деревянных бусин. У меня самая большая ложка: моя любимая, идеально круглая и глубже других. Помню первую похвалу, первую победу, лучики у маминых глаз: на дне пустой тарелки солнечный блик. «Добавки?» — спрашивает она. И я, надутый, как резиновый шар, с блестящими от жира губами, вытираясь рукавом, икаю и верчу головой: «Не влезет».

Мама с папой даже познакомились за порцией супа в строительной столовой. Местные щи были настолько скверными («баланда, даже костей для жиру не бросали», — так они говорили), что мама пригласила папу на правильный суп, который она варила по воскресеньям. А он пообещал привезти продуктов. Так у них появилась первая общая цель.

Узнав, что сын повстречал женщину, которая могла как следует его накормить, бабушка дала благословение. «Не то что все эти артистки, феминистки, эгоистки, и ещё чёрт-те какие -истки», — добавила она. Да и дед, знавший толк в домашнем

обеде, сразу согласился. И не прогадал: помню, как-то раз после тарелки маминого супа он танцевал — подпрыгивал и крутился на новеньком протезе, как циркуль. Вы когда-нибудь видели, чтобы полуглухой старик, всю жизнь бывший кузнецом на заводе и потерявший ногу, танцевал? А мой дед танцевал, и Реки, резвясь, хватала зубами его штанину и подскакивала на задних лапах, будто тоже танцует, а бабушка смеялась так, точно ей было двадцать.

Оттого я так любил этот суп. За ним царил мир, за ним забывали обиды, говорили только о добром. Так было долгие годы.

И лишь однажды за столом всё-таки поссорились. Папа сказал, что не голоден — и отказался обедать. Мама разозлилась и выпалила, что он ест в другом доме.

Но я знал: стоит доест суп, как всё наладится — такова уж была его сила: как у приметы или заговора. Родители молчали, а я черпал бульон, стуча любимой ложкой, которая едва влезала мне в рот, и черпал, черпал, как черпают воду из шлюпки, пока ведро не ударится о дно. И мои щёки горели от перца и кориандра, и глаза слезились; а я всё хлебал и хлюпал, хлебал и хлюпал — пока не заболел живот — и всё равно попросил добавки.

Но в тот день магия супа рассеялась. Мама с папой не помирились.

Неделю спустя, когда бабушка с дедушкой по обыкновению приехали на обед, за столом молчали.

А потом папа ушёл. Бабушка выругалась, что к какой-то артистке. Позже выяснилось, что у них тоже был сын.

Наш дом опустел: остались только я, мама и Реки. Помню, я стоял в коридоре, глядя на дверь снизу вверх, и ждал, что соловей запоёт снова. На кухне гремели кастрюли, мерно стучал по деревянной доске нож. А потом наступила тишина. Мама закрылась в комнате, оставив кастрюлю кипеть. Я вошёл в кухню, выключил плиту; синее пламя удивлённо свистнуло. Вулканчики на поверхности воды разгладились. Реки поглядела на пустую миску, дёрнула обрезком гладкого хвоста. Заскулила. Поплелась к маминей комнате, стуча

когтями, и легла, уткнувшись носом в зазор между дверью и паркетом в попытке уловить что-нибудь в тянувшем по полу сквозняке. Я сел рядом, припал ухом к двери. Из спальни не доносилось ни звука. Тогда я тихо повернул ручку, приоткрыл дверь и увидел: мама застыла на краю кровати, глядя в пустую тарелку.

Она не выходила из комнаты три дня.

На четвёртый её забрали. Забрали в пасхальное воскресенье, волоча за локти, обмякшую, обмаравшуюся, растрёпанную. Реки и рычала, и лаяла, и выла, будто не знала, как лучше. А мама так и молчала, вцепившись в пустую тарелку. В конце концов и тарелку у неё отобрали.

А потом — дымка, муть, илистое дно. Помню, как я переехал к бабушке и как мы иногда навещали маму. Со временем её след начал путаться: то переводили из лечебницы в лечебницу, то реформирование, то по направлению к другому врачу, пока не увезли за четыреста километров от города. И однажды нить из красного клубка, который катился вдаль за моей мамой, оборвалась. Больше мы к ней не ездили. Старики сдались.

Я мучил их вопросами, и они пытались эту историю оправдать, пригладить, местами подправить — и получилась летопись, много раз пересказанная, местами путанная, некоторые страницы смялись, другие раскрошились или вовсе выпали. Я так и не узнал, где оказалась мама и где именно теперь жил отец. Во всём этом сбивчивом рассказе суп остался единственной истиной — ослепительной, достоверной, с запахом и вкусом. Блестящее стёклышко в жестяной коробке пыли.

И вот, пятнадцать лет спустя, я снова вижу её перед собой: маму. Слишком рано старенькую, в очках. Ручки, высохшие и свернутые, как птичьи лапки, и жест, кольнувший мою память — как она складывает одну в другую, поджав под грудь, совсем как раньше.

— Суп уже готов.

И я вздрагиваю: её голос тот же.

Сажусь на скрипящий стул, впервые ногами достаю до

пола. И понимаю: бабушки с дедушкой больше нет. Реки тоже. У отца другая семья, и, наверное, они тоже варят суп. И всё же я беру ложку, как весло, — и надеюсь переплыть Ионическое море маминого супа, и вернуться домой, на Итаку, и снова оказаться в том дне, когда дедушка танцует, собака заливается лаем, и звучит бабушкин смех.

Мама берёт поварешку и черпает из кастрюли воздух. Ставит передо мной тарелку.

Лучики у её пожелтевших, больных глаз.

— Папа сказал, вкусно.

И я киваю. Беру ложку, размешиваю пустоту. И мне мерещатся острые уши Реки за обрывом стола, стук часов, зависшие в воздухе пылинки.

САЖУСЬ

НА СКРИПЯЩИЙ СТУЛ,

ВПЕРВЫЕ

НОГАМИ ПОСТАЮ ДО

ПОЛА

Евгений Барановский

Родился в городе
Кохтла-Ярве, в 2019
окончил ВГИК,
сценарную мастерскую
Юрия Арабова, написал
несколько сценариев
для сериалов и кино.
Печатался в журналах
«Искусство кино»,
«Россия без нас».

ТЕРПИЛЫ

ПРИНЦИП

§101 — Абстракция есть методично преследуемое ничто. Арифметический ноль есть его знак [sign]. Воспринимать [perceive], мыслить и делать ничто. Быть ничто [To be nothing]. Один ноль — в его бесконечных соединениях [formulations] — достигает избавления от страдания/зависимости от страдания. Единица [presence] равно действию [action]. Время [time]. Время существует только для наблюдателя [observer]. Мир аксиоматичен и неподвижен [rest point]. Жизнь — процесс избавления от страдания/зависимости от страдания, растянутый во времени.

§102 — Абстракция в себе [in itself] есть суверен негативной/позитивной определённости [determination], и никогда не может впасть [fall under] в формальное отношение. Она не противопоставляет себя конкретному, за исключением тех условий, ключей [clue], которых зашифрованы в реальности [reality].

ПРОЛОГ

ТЕРПИЛЫ

— Нет я не буду говорить ничего, что вам понравится. Всё это хрень и лицемерие! Просто набор слов! Который утекает в слив этой тупости и привычки. Вы просто терпилы. А я не буду терпеть! Не буду свыкаться с тем, что мне не нравится! Не дождётесь! Нет у меня в этом интереса. Ясно вам?

Я повернулся и побежал. Во мне бушевала буря эмоций, а слова будто отразились от стен коридора и ударили меня по ушам. Так сильно, что мне показалось, будто я оглох, как в кино, когда фоном идёт пронзительно тонкий писк, а прочие звуки еле пробиваются, будто через толщу воды. Я бежал в этом вакууме, а эти кретины стояли и пялились на меня. Я улыбался своей такой дерзости. Меня прямо распирало, так я был горд собой. Не знаю, что это — эгоизм или тупость — но мне плевать.

Бежал я, наверное, целую вечность. Мимо проносились двери, дома, деревья и люди. А я всё бежал. Моя дурацкая улыбка постепенно стиралась с лица. С каждым шагом я всё отчётливее ощущал, что на меня уже давит не только тупость и невежество этих людей, но и вся моя одежда будто начинает стягивать ноги, руки, шею.словно весь мир прижимает меня к земле. Вот ещё один-другой шаг — и я сам стянусь. Превращусь в какой-нибудь простой предмет, типа шара. И буду катиться себе куда подальше.

Это ощущение возникло, видимо, от моих ног. А точнее от кроссовок. С недавних пор я их перерос, и они стали давить на пальцы. Не то чтобы я рос в бедной семье. Я мог позволить себе новые, просто мне как-то было неловко говорить об этом родителям. Это было теми границами, за которые не следовало выходить. Вообще у нас в семье было какое-то негласное табу на всё физиологическое типа взросления. И мне как-то стыдно и унижительно было лишний раз упоминать, что я расту и тело моё развивается. Когда-нибудь я, конечно, перерасту весь этот детский сад и тогда я покажу всем, как правильно жить и не ставить ложные барьеры. Все узнают моё имя. Скончаюсь я где-нибудь на фоне выжженного поля моей обиды. Но это будет уже в какой-нибудь другой жизни...

Короче, когда я просто ходил, было ещё терпимо, но бежать было уж совсем не в состоянии. Попробуй радоваться жизни, когда из твоих ног собран картонный домик! И остановиться я не мог: тогда домик непременно рассыплется, и я проиграю в этом нелепом соревновании с окружающим миром. Я так и бежал, сливаясь с этой тупой болью, и именно тогда я отчётливо осознал, что я уже переживал все эти эмоции, и мир прост до дурноты, и, видимо, раз за разом тупо повторяет один-единственный день и одни и те же эмоции. Это сраный день сурка, в котором нужно рано или поздно сделать какой-то выбор и отказаться от привычного. «А что будет, когда выбор будет сделан?» — спросите вы, мои наивные воображаемые друзья. Ну тут уж я вам не подсказчик. Наверное, полетите вы вместе с разноцветными пони в космос ваших надежд и прочей хрени от коучеров. Короче, я не знаю, что будет, но знаю, как мне кажется, тот день, который и стал моим персональным чистилищем.

Я тогда впервые заговорил. Мне было года два, и я бегал по квартире, врезаясь во все углы, и даже чуть не выпал с балкона. Мама замоталась по всяким своим делам, и я, понимая это, ещё больше выводил её из себя, тем самым получая эти крохи сдержанных эмоций больших людей. А вечером мама, обессилив, передала эту эстафету отцу. У него были какие-то свои взрослые дела, типа пива и сериалов: я донимал и его. Тогда он решил меня уложить и наконец обездвигнуть, как назойливую муху, прилепленную клейкой лентой. Мне, естественно, спать ну совсем не хотелось, и я активно бойкотировал все его попытки меня усмирить. И тогда отец просто замотал меня одеялом так основательно, что я не мог

шевелиться. А рот просто заткнул, вставив соску. А я уже тогда не любил, когда затыкают рот. На мой натужный плач он совсем не реагировал и тогда я впервые стал что-то придумывать и кое как вытолкнул соску изо рта. После этого я сказал своё первое слово, которое отец так часто повторял. Я сказал: «НЕТ». Отец как-то замер, выключил звук у телека, подошёл и уставился на меня, будто я только родился. А я, кажется, в этот момент понял ну просто всё. Я могу не просто существовать как растение, как амёба, я могу проявлять свою волю и желания. Конечно, воля проявляется всегда как-то через жопу, и как спрогнозировать, к чему она приведёт не знал ни я, ни кто-либо ещё. Так случилось и тогда: отец отвесил мне оплеуху и постарался быстренько прикрыть дверь в комнату матери. Во мне же начало разгораться неведанное доселе ощущение несправедливости. Я стал кричать «нет, нет, нет» до тех пор, пока не прибежала мама и родители не ввязались в какую-то свою перепалку, совершенно позабыв про меня. Я же тихо наблюдал за созданным мною инцидентом. В меня вливалось понимание той немислимой силы, которую несёт в себе слово.

Так мне казалось тогда. И вот теперь я походу повторяю ту же самую схему, и каждый раз, когда я решаю выйти за рамки какой-то привычной нормы, происходит что-то важное, но непременно наперекосяк, как-то по-своему. Типа как сейчас. Тогда была ссора с отцом, сейчас конфликт с учителями и одноклассниками. И всё из-за слов.

Вообще я не совсем неадекват и конфликт начал не на пустом месте. Мы сидели с одноклассником и играли в «виселицу». Главная идея этой игры — отгадать слово и вписать его в несколько обведённых ручкой тетрадных клеток. Ну а с каждой ошибкой рядом рисовалась небольшая чёрточка, из них потом вырастали целые опоры, столбы и, наконец, петля, постепенно стягивающаяся на моей шее. Такая вот весёлая игра. Пока мы играли препод постоянно делал нам замечания — то не так, это не так. Меня это жутко бесило. Ещё и одноклассник мухлевал, подменяя буквы и в итоге просто смял лист, чтобы не привлекать лишнего внимания. Он считал, что нужно терпеть глупые правила и только таким образом учиться. Я сидел и внутреннее напряжение во мне росло. И вот тогда все и случилось. А всё потому, что мне захотелось запустить в класс голубя. Он сел на подоконник, смотрел на всех нас — и никто, кроме меня, его не замечал. Представляете?! За окном шёл

ливень и вообще было довольно мерзко, а у нас в классе было тепло и светло. Ну и в итоге я поднялся и пошёл открывать окно.

А эти кретины стали в меня тыкать — «типа чо встал, почему ходишь без разрешения?» Ну а как по-другому, когда на улице дождь? Короче они меня совсем достали. Встали вокруг и стали перекидывать мячик своих глупых претензии целясь мне в голову. Я, естественно, уворачивался, ну и в итоге понял, что нужно валить из этого инкубатора для идиотов куда подальше. Я крикнул своё привычное «нет» и выбежал из класса.

У меня всегда так выходит: типа оп! — и нарвался на одних. Оп! — ещё на одних. И так пока тебя не уложат, и не замотают покрепче... Блин, эти кроссовки, наверное, уже до крови стерли мои многострадальные ноги. «Многострадальные ноги» — так говорила моя бабушка. А потом она умерла. Просто перестала вдыхать воздух, поставила барьер между собой и миром. А я ещё живу и продолжаю этот бессмысленный бег. Это бултыхание в бесконечности. Я, конечно, могу остановиться, но эти дебилы наверняка смотрят мне вслед. К тому же, тогда придётся снимать ботинок, чем-то заматывать мозоль. Только вот чем? Да и что потом надевать обратно? Ну уж нет, всё это адски больно и неприятно. Я лучше потерплю.

112

Если что-то надоедает или начинает давить со всех сторон, то можно не замечать боль, и рано или поздно она пройдёт. Я называю это стоицизмом. Стоик — это не терпила. Ясно? Не путайте! Это разные вещи. Стоицизм — это когда ты типа усмиряешь своё тело, как когда-то сказал Сократ или какой-нибудь там Эпикур. Ну вот сидел он в своей бочке и смотрел на мир через маленькую дырочку, а когда надоедало, оттуда лилось вино — и ничегошеньки ему больше не хотелось. Пил вино днём и ночью и философствовал, глядя на мир через узкое отверстие. Проще простого отгородиться от всего абсурда и бреда вокруг и что-то там выдумывать. А пусть бы он попробовал пожить по нормальному. А вот и всё! Чем он вообще тогда лучше какого-нибудь Толи-Базы — нашего местного алкаша? Иногда он притаскивает откуда-то дряхлый баян и играет свои старые песни. Типа «наплевать, наплевать, надоело воевать». Окружающие правда обычно крутят у виска и прогоняют его, чтоб не шумел под окнами. Но мне он всегда нравился. Он всегда весёлый, хотя жизнь его такая себе. Рассказывали, что как-то зимой он отморозил себе все пальцы на ногах. Поэтому и переваливается,

как неваляшка, когда ходит. Такие дела.

Короче, я не об этом. В этот раз я решил тоже залезть в бочку и убежать от проблем. Конечно, вы скажете, что это как-то по-бабски — просто свалить и всё. Но это не так. Я убеждён что мир так велик, что если стены, или люди, или машины, или учителя, солдаты, военные, врачи, военкомат, бабушки и дедушки, сёстры и братья, дети, деревья, растения, животные и земля давят, то можно убежать. Куда? Да всё равно: если долго бежать вперёд, то уж точно куда-то да прибежишь. Это как у самураев: типа цель нужно ставить недостижимой, типа стать бабочкой или птицей — и тогда важным становится сам путь, а не его финал... Финал у всех один, как говорится. Все мы умрём. Типа как в «виселице»: всю жизнь отгадываешь слово, которым можно её, эту жизнь, обозначить, и в финале обязательно проигрываешь... Потому что ведущий — дурак, которому закон не писан, и всё постоянно перестраивает, и в любой момент может поменять пару букв, изменяя смысл и значение прожитого... Вообще, если бы не эти кроссовки, то я давно бы уже слился со своими мыслями и улетел бы куда-нибудь к млечному пути. Типа тело моё бежит, а я сам думаю себе и не парюсь.

Вы, наверное, заметили, что я не всегда последователен в своих словах. Да просто так интереснее жить. Ясно вам? Интересно быть не одним человеком, а многими разными... И тобой тоже, мой воображаемый приятель. Ведь пока я не выбил в золоте своё имя, я и есть всё: маленькая девочка, которая идёт по тёмному лесу, боясь каждого шороха. Мальчик, что лезет в драку от обиды за невозможность выразить себя по-другому. Собака, что срывается с поводка и уносится куда-то за гаражи. Демон, который пытается убить того, кто его полюбит. Подросток, обзлётный на весь мир...

Сранные кроссовки, как же они достали меня. Жить бы где-нибудь в Африке без одежды и обуви. Вообще без ничего и ходить голым. Или летать по миру духом бестелесным, как говорил мой дед. И не думать ни о ботинках, ни о ногах. Ведь если есть ноги, которые болят, то есть и всё остальное. Я сам, бегущий именно здесь. Значит, нужно что-то совершать этим телом, а не только расплёскиваться мыслью. Такой вот замкнутый круг. На самом деле я уже и не помню толком, куда бегу. Иногда кажется, что бегу я по кругу. Деревья сменяются просеками и опять деревьями. Мимо проносятся дома и лица, а ты всё бежишь. В один момент вообще перестаёшь отделять проносящиеся объекты друг от друга — да это уже

и не нужно. Особенно сейчас, в сумерках. Просто бежишь себе от просвета к просвету, и всё. Или думаешь, что бежишь. А на самом деле бесцельно валяешься, например, в горячей ванне. Или на полу школьного коридора... И всё из-за ног этих. Будь они неладны.

* * *

Ещё лет с пяти я понял, что всё увиденное и пережитое нужно увязывать в историю, иначе оно быстро исчезнет из головы, но как бы не до конца и будет колоть тебя иголками в самое неподходящее время. Да и вообще, если не пытаться себе как-то объяснить происходящее вокруг, можно умом тронуться. Когда я это понял, я начал пытаться объяснять ну просто всё вокруг. Родители поначалу смеялись на мою такую причуду, но время шло, а я продолжал «пороть горячку» — как они порой выражались. Ну а я что? Мне всегда казалось, что реальность вокруг какая-то ущербная и её нужно как-то достраивать. Типа доводить до равновесия. Все эти алфавиты, математики, вставания ни свет ни заря, зарядки, уроки. Всё то, что заставляет думать какими-то тыщу лет назад придуманными правилами. Типа снег белый, потому что ассоциируется с молоком, которое тоже белое, а не с запахом муки или мягкостью шерсти соседской белой собаки... ну, и прочие тупые логические схемы. Вы ведь наверняка понимаете, что всякие там колыхания занавески или блики на стене или то, как рассыпанный сахар собирается на полу, намного важнее всего вот этого. Ну, то есть, окружающее — что-то настолько несерьёзное и абсурдное, что, если это всё как-то не додумывать, можно рехнуться.

Ну вот сами посудите: мой отец, когда едет на тачке, старается мизинцем дотронуться до иконы каждый раз, как поворачивает вправо. Он внутренне считает, что, дотрагиваясь до иконы, он как бы соединяется с богом, который его хранит. Ну бред. Но ни одной аварии за лет сто его вождения не было. Мама, если не почистит зубы, начинает представлять, что по дёснам ползают мелкие жучки, которые как бы разъедают кожу. Вы думаете, это ерунда? А вот и нет! Как-то, когда она была очень уставшая и не почистила зубы, то, проснувшись наутро, ощутила во рту вкус крови. Дёсны кровоточили. Конечно, возможно, у неё был какой-нибудь зубной камень размером с планету или что-то типа этого. Ну это уже не так важно, важно, что она нашла подтверждение своей личной теории. И вот у каждого есть какой-то подобный бред, я точно вам говорю. Мы всегда достраиваем реальность до того, что нам удобно. И реальность подчиняется. И тут не важно, в какую сторону это работает.

Главное, что работает.

И вот я так же. Короче с детства я решил постоянно играть с окружающим миром: мне говорят выкинуть мусор, а я беру пакет и выбегаю из квартиры на выжженную землю данного момента. Каждая вторая ступенька — это пропасть, каждая третья — лава. Если случайно наступил не туда, можно по-быстрому убрать ногу и типа норм. На улице, к примеру, можно ходить только по квадратам, если наступаешь на щель между, тогда всё — каюк. Нужно будет дом по кругу обойти или пройти мимо двора с собакой. Следующий этап — это дойти до мусорки и, отсчитав три шага, размахнуться и кинуть пакет. Обязательно не коснувшись краёв урны. Конечно, это жесть, если промазать и потом весь этот разваленный шлак и пакеты с пакетами собирать. Притом не только свои. Ну, в общем, как-то так. Но самое интересное, что и мир как-то стал и сам со мной в ответ заигрывать. Ну, то есть, типа играю я в свою игру «в бунтаря» в школьном коридоре, и, послав всех и всё, убегаю, и уже почти всю лаву оббежал, и передо мной уже дверь во двор — спасение из этого цирка уродцев, но тут мне нужно преодолеть последний отрезок и перепрыгнуть на пришитый кусочек линолеума, который года два назад приклеили взамен обгорелого. И вот я уже собираюсь прыгнуть — и тут понимаю, что никак не могу сдвинуть ни ногу, ни руку, да к тому же не могу вздохнуть. Ну совсем как бабушка перед смертью! Я поворачиваюсь и вижу Степана Михайловича, Аньку, Кирилла, Соню и придурка Егора. Передо мной ступени и пролёты, и я кубарем качусь по ним, всё ниже и ниже. Одноклассники, как зомби, окружают меня. Темнота стягивается, и свет как будто становится плотным, а я наблюдаю, как рушится этот мир. Стены рассыпаются, люди разваливаются: руки и ноги отваливаются от туловища, а головы, как шары для боулинга, стучаются друг о друга и раскатываются в стороны. Их рты смеются надо мной, а мои ботинки так отчётливо сжимают сначала мои ноги, затем всего меня, что я сворачиваюсь в огромный шар. Пробую-пробую вздохнуть и только сиплю. И тогда я опускаюсь на пол, в самую-самую лаву, и тихо-тихо закатываюсь по воронке в этот тёмный лес. В общем, эта история начинается как-то так...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ВРАЧА

ХАРАКТЕРИСТИКА

УЧЕНИК ШКОЛЫ №3 МОСКВА

Полунин Иван Владимирович по заключению областной комиссии №7 (F033).

Ученик воспитывается в семье опекуна — Родитель. Физическое развитие Ученик соответствует возрасту. Мелкая и крупная моторика достаточно развиты. Обучается мальчик по классно-урочной системе обучения общего плана. Программу 8-го класса Ученик усваивает удовлетворительно. Мир воспринимает скорее математически. Основные арифметические умения и навыки сформированы. Но мальчику необходим постоянный контроль и дополнительные инструкции. Фронтальное объяснение он не воспринимает, так как не может сосредоточиться. По русскому языку пишет под диктовку с ошибками. Правила правописания знает, но на письме не умеет применять. Читает бегло, осмысленно, способен пересказать прочитанное, но по-своему, зачастую надевая прочитанное ложным смыслом. Словарный запас достаточно мал. Арифметические действия выполняет с интересом. Числа и уравнения перекладывает на происходящее с ним. В этом видится патология.

116

Особенности функционирования нервной системы — гиперактивность. Речь не выполняет регулятивной функции. Основные процессы памяти развиты слабо. Присутствует кратковременная память. Характерна сниженная активность мыслительного процесса при выраженных недостатках внимания: малая устойчивость, трудности распределения внимания, замедленная переключаемость. Объём внимания составляет 5–10 минут, потом Ученику надоедает данный вид деятельности, и ребёнок начинает раздражаться, полностью перестаёт контролировать своё поведение: злится на ребят, у которых все получается и которые дают правильные ответы; задевает детей; делает им замечания; обзывает тех ребят, кто сделал ему замечание; может на уроке спровоцировать драку. Работает исключительно по настроению. Быстро теряет интерес к делу, неадекватно реагирует на замечания учителя, склонен к бурным эмоциональным проявлениям: пререкается, сквернословит, нарушает дисциплину, швыряет школьные принадлежности, может бросить работать и лечь на парту до конца урока. Отсутствует мотивации к учению. Большое количество детей является для Ученика сильнейшим раздражителем.

К концу учебного года Ученик в контакт вступает неохотно, держится скованно. Социальную дистанцию не удерживает. Очень импульсивен, двигательно беспокоен, так что создаётся впечатление, что ребёнок не контролирует свои действия и высказывания. В общении с детьми и взрослыми либо молчалив, либо резок, несдержан. Допускает фамильярно-грубое общение. В играх правил игры не принимает, выстраивает свои. В классе друзей у Ученика очень мало, дети избегают общения с ним.

В последнее время у Ученика резко усугубилось поведение: стал раздражительным, в ответ на малейшую обиду или запрет импульсивно возбуждается. Стали наблюдаться признаки девиантного поведения: систематические уходы из класса, использование ненормативной лексики, ложь, дерзость в общении со взрослыми и сверстниками. В состоянии аффекта способен нанести вред своему здоровью и имуществу школы. Несмотря на выраженность агрессии, отношение к проступку у Ученика отличается поверхностно и бездумностью. Ученик отвергает любую критику, отказывается признавать свои очевидные промахи, ничего не делает для их исправления. В отношении отдельных указаний со стороны взрослых Ученик может проявить необычайное упрямство, длительно бессмысленное сопротивление разумным доводам, непреодолимое стремление сделать наперекор тому, о чем его просят. Любыми средствами пытается добиться своего, манипулирует взрослыми: вызывающий тон, попытки к побегу. Понятия «надо» и «нельзя» в нравственном плане не сформированы. Делает только то, что хочет он, игнорируя требования педагогов и нарушая устав школы.

117

Эмоциональный фон у Ученика в последнее время нарушен окончательно: отмечается резкая и частая смена настроений без особых на то причин. Наблюдаются невротические симптомы: беглый взгляд, невротический тик головы, суетливость и вспыльчивость. Параллельно с этим, напротив, порой впадает в состояния полной отрешённости от мира. В подобных состояниях избегает людей и любого контакта.

Личностные качества: завышена самооценка и уровень притязаний, критичен к окружающим, не умеет самостоятельно оценивать свою работу, не замечает своих ошибок.

Методики, направленные, на исследование личностных установок, обнаруживают демонстративность, стремление к самоутверждению через любые действия: ссоры, обвинения в несправедливости.

Финальной точкой принятия решения об ограничении ученика от общения с нормальными детьми стал поступок 11 ноября. Ученик сначала начал оскорблять одноклассников, а затем разделся догола, сжёг свои ботинки и упал на пол в судорогах и конвульсиях. На все фразы отвечал «нет». Подошедших родителей и одноклассников не узнавал и в целом вёл себя крайне неадекватно: изображал животных, пародировал разные звуки.

Считаем, что вся учебная и коррекционно-развивающая работа должна проводиться на фоне медикаментозного лечения. Только в этом случае можно ожидать положительную динамику в формировании и развитии учебной деятельности и личности в целом.

Директор школы *****

ИНКУБАТОР

15.11

Дорогой дневник, сегодня идёт дождь, а я больше не люблю этот мир, потому что он заставляет меня терпеть весь окружающий дурдом. Да, кстати, я и есть в дурдоме.

118

17.11

Дорогой дневник, теперь я мучаю не только себя, но и тебя. Эти крысы заставляют вытягивать весь мой внутренний бред наружу. Интересно, что они хотят найти? Наверное, боятся стать такими, как я.

07.12

Дорогой дневник, сегодня я понял, что солнце — это дырка в небе. Через неё на нас смотрит бог или, возможно, я сам. Оно же — вот это отверстие, проткнутое моим средним пальцем в листе, на котором я и пишу.

27.01

Дорогой дневник, очень хочу, чтобы меня любили.

* * *

Вот не нужно меня жалеть! Себя пожалейте! Это моя жизнь и мне в ней норм! И вообще, я давно привык к этому кирпичному, пропахшему мочой зданию, окружённому ржавым поломанным забором, нужным скорее для формального обозначения границы. Теперь мой мир ограничен скрипучей кроватью, потрёпанной мебелью у изголовья и скорлупой выцветших от времени стен. Длинные ряды кроватей, тихий монотонный бубнёж и постоянные мысли о еде — вот моя новая реальность. Сначала это место показалось мне лабиринтом, в центре которого непременно должна быть волшебная комната, в которой спасение. Но постепенно я понял, что единственное спасение в этом перекрестии тёмных коридоров и спутанных тропинок — это тот, кто тебя заметил...

Короче, лет в 15 я влюбился. Я тогда уже целый год жил в коррекционной школе, куда меня заточили все эти «пиджаки». Я стал их так называть после собрания, когда решалось, куда меня отправят. Я сидел в окружении, наверное, десятка мужчин и женщин. Они что-то говорили, говорили, говорили. Мне дел до их болтовни особо не было, но я заметил, что все они были одеты в эти самые пиджаки и повторяли позы друг друга. А потом как-то и говорить стали похоже, таким тихим грудным голосом. Мне потом рассказали, что это какой-то их трюк. Типа подстраиваться друг под друга — и в итоге выходило, что передо мной сидел ну просто целый ряд инкубаторских идиотов. Но я не об этом. Девчонку, в которую я влюбился звали Ада. Типа как Ад только с А на конце. Она тоже была в том «инкубаторе для идиотов» куда эти пиджаки меня и отправляли. Наша школа находилась в небольшом городке, где-то в глуши. Там вообще-то было достаточно лафово: за нами особо не следили, и мы даже выбирались за территорию. Многие из нас тупо содержались по своей воле. Ну, чтобы разобраться со своей головой и всё такое. Поэтому не было особого строгого присмотра, да и валить-то особо некуда было: вокруг лес и железнодорожная станция километрах в десяти. Мы, короче, с этой Адой как-то поцеловались и потом стали постоянно это проворачивать и всё такое. Очень она мне нравилась. И вот настал момент, когда у моей ненаглядной закончилась программа коррекции и ей надо было валить обратно в нормальную жизнь. Мы, конечно, жутко посрались, когда она мне это рассказала. Ведь что такое нормальная жизнь? Пустота. Бессмыслица. Абстракция.

Я с ней несколько дней вообще не разговаривал. Все-таки мне

казалось, что у меня только она есть в этой дыре из близких по духу, и вот она меня бросает. Мы не общались до дня её отъезда. Тогда я не спал всю ночь и утром перелез через забор и пришёл на остановку, от которой и должен был отходить автобус до вокзала. Рейс был всего один, часов в 11–12.

На остановке я ждал около получаса. Точного расписания я не знал, а то, что было приклеено на жестяную стенку остановки, так истрепалось, что невозможно было разобрать... Я ждал и наворачивал круги вокруг остановки. Руки мёрзли, и я пошел в супермаркет погреться. В магазине я решил купить маленькую бутылку коньяка, ну прямо как взрослый. У меня были накопленные деньги, какие-то я выиграл в «царя темноты». Это когда в тёмном коридоре, во всеобщей куче-мале, расталкивая всех и врезаясь в колени и локти, пробиваешься до балкона. Ещё какие-то деньги я получал за работу. Мы собирались в тёмном подвальном помещении, где нам нужно было укладывать в коробки разрезанные на белые квадраты полупрозрачные салфетки. Потом этими салфетками подтирали носы и жопы. Короче, я держал в руке эту холодную бутылочку и думал, что я совсем как отец. Пока мы жили вместе, бутылка не отлипала от его рук... Пить мне не особо хотелось, поэтому я просто открыл крышечку и немного вылил в белый снег, который шерсть белой собаки. Затем просто убрал бутылочку в нагрудный карман.

120

С Адой мы встретились на остановке. Она сказала: знала, что я приду — и смущённо опустила глаза. Она была очень красивой. Мы стояли и молчали. Я всё ждал, что она скажет что-то важное. То есть думал: «Нет, не говори, мне это ни к чему». Я боялся откровенности. Ну, то есть тупо не знал, что с этим делать. И вот она, видно, уже собиралась что-то такое сказать, но тут подъехал этот чёртов автобус, и магия разрушилась. Мы сидели и молча ехали к нашему расставанию. Чувствовалось дикое напряжение. Я молча достал бутылочку коньяка и сделал глоток. Огонь полился куда-то к желудку, хотелось кричать, но я сдержался. Ада опустила глаза, видимо, в знак солидарности с моим состоянием. Мой план сработал. Я предложил бутылочку Аде, и она тоже сделала несколько глотков. Закашлялась. Алкоголь разрушил ту преграду, которая была между нами.

И вот мы уже немного пьяные (или играющие в пьяных) идём в сторону её поезда, пританцовывая и постоянно останавливаясь, чтобы поцеловаться. Говорим почему-то обо всём, кроме самого важного. Я постоянно улыбался и смеялся, но не помню уже, поче-

му. Потом я посадил её в вагон. И вот мы уже машем друг другу. Я думаю, что поезд уедет вовремя, но поезд задерживается, и я стаю, как дурак, продолжая улыбаться и махать. Ада уже сама от неудобства спрашивает, когда тронется поезд, получает своё «да уже, уже» — так мы и стоим и просто смотрим друг на друга. Я чувствую, что к глазам подступает то самое, что нельзя проявлять, и внутренне молюсь, чтобы уже наконец двинулся этот чёртов поезд. Молюсь я, конечно, очень своеобразно, типа: «Бог, который на небе или вокруг, помоги мне не заныть». А Ада сама чуть не плачет, стоит с покрасневшимися щеками, очень красивая. И вот наконец поезд трогается, и внутри у меня всё трогается. Я поднимаю руку, но как-то даже ей не машу, а просто держу так. Я думал, что, как поезд уедет, расплачусь, но почему-то не смог выдавить слёзы. Хотел, но не смог. Как будто стал плоским белым листом. Я сел на лавку на вокзале и стал смотреть на проходящих людей. Люди спешили то слева направо, то справа налево. А я никуда не спешил. Зафиксировал свое тельце именно в этой точке...

Шёл обратно и думал, что живу в этом инкубаторе, как будто запертый в телефонную будку. Совершаю однотипные действия, говорю одинаковые слова, и ничего не меняется. И именно в этот момент я понял, что должен непременно сбежать. Просто так решил. Сразу. Я остановился, и развернулся в сторону леса, и побежал просто вперёд, через снег, деревья, грязь, поля. Через какое-то время я перестал ощущать мокрый снег, холод и прочие неудобства. Я просто двигался в неопределённости, постоянном давлении и ватности. Вот самое подходящее словосочетание: ватность. Ватность окружающего мира. Я боролся с этой ватностью, и она побеждала. Нахлёстываясь на меня, заполняла изнутри. Я просто слился со своим желанием оказаться как можно дальше от этого места. Так я и бежал, и бежал, пока не потерял сознание.

* * *

Тогда меня достаточно быстро нашли. Ведь что может быть проще: найти человека, который, как идиот, бежит через снежное поле, когда вокруг ни души? Вытаптывая единственную тоненькую тропинку в этом непроходимом снежном потоке. Меня нашли примерно в 20 километрах от станции. Не слабо так прогулялся, да?

Вернули в интернат, и какое-то время ко мне особо не приставали. Осуждали лишь неммым укором. В один из дней меня просто подняли посреди ночи и повели в кабинет, в котором с нами обыч-

но занимался психолог. Там уже находился низенький мужичок с изрядной залысиной и засаленными кругами под мышками. Окна были задёрнуты, и в комнате практически не было света. Но я давно привык к темноте и разглядел всё, что мне было нужно. Мужичок уставился на меня своими буравящими маленькими блестящими в темноте глазками, затем кивнул на стул, и я сел.

— Закрой глаза и представь, что ты в уединении и спокойствии. Вокруг нет ничего раздражающего или мешающего тебе. Полный комфорт и умиротворённость.

Очень хотелось спать, и я с трудом пересиливал себя. Я старался не слушать этого идиота и представлял холодный колючий снег и себя, который, как тупой нож, прорезает дорогу в промозгом лесу. Если человека формируют поступки, то это именно он. Глупый и нелогичный поступок, за которым явно проявляется моя основная цель. Убежать...

— И вот уже начинают проступать очертания твоего спокойствия. Ты понимаешь, что оно окутывает тебе не просто так. Каждая вещь вокруг шепчет о спокойствии. А ты отдаёшься этому шепоту и засыпаешь.

Если честно, хочется смеяться в лицо этому клоуну. Он что, правда думает, что я так просто вырублюсь от этого монотонного бреда? Полная хрень.

Мужичок поднялся и, подойдя ближе, затараторил:

— Дорога была достаточно витиеватой и неопределённо длинной. Тем интереснее было встретить на ней человека... Первый из них был сухой старичок неопределённого возраста. Он представлял собой пучок стянутых жил и пары вечно повторяющихся мыслей. Проходя мимо пустых домов, он что-то бормотал себе под нос. Это было заклинание его жизни, придуманное им ещё в детстве: «Терпеть — всё равно что в окно смотреть». Эта подсознательная установка заставляла его выпутываться из любых ситуаций, случившихся на пути. Так он и дожил до ста одного года. Перетерпел жизнь. Никакой родни у него не было. Он родился один и умрёт один. Проходя мимо горы, он поднёс пустую ладонь ко лбу и отдал честь невидимому божеству. Божество это называлось инерцией. Было заметно, что на тыльной стороне руки у него написано: «Жить — всё равно что воду лить». Так и продолжал он ступать бесцельно и неопределённо, становясь самой выжженной землей, по которой шёл. И вот через полтора километра появился ещё один человек.

Человек что-то выкапывал в нескольких метрах от дороги. Это был невысокий мужичок лет сорока пяти. Вскоре стало заметно, что он не выкапывает, а закапывает. Он закапывал в землю слова, им сказанные и написанные. Стирал понимание и значение. Хоронил своё проявление под сыпучей землёй настоящего. Закопав всё до последней буквы, он насыпал сверху ещё немного земли и в наступившем страхе и пустоте стал озира́ться, ничего уже не понимая и не замечая более ничего, на чём мог бы остановиться взгляд. Всё утратило смысл, и лишь солнце продолжало светить в наступившем безмолвии.

Мужичок подошёл ещё ближе, я практически различал его злобное дыхание.

— Выход за территорию школы — запрет. Грубить учителям — запрет. Нарушения правил распорядка — запрет. Запрет несёт за собой последствие. Твои ноги каменеют, руки не слушаются, а язык немеет. И в таком состоянии ты находишься до момента, пока тебя не находят учителя.

После этих слов Мужичок хлопнул в ладоши, и я открыл глаза. Хотелось всё ему высказать и послать куда подальше. Но язык меня не слушался. Я зло смотрел на него и думал: что же он со мной сделал? После этого меня повели обратно. И когда утром я поднялся, то не понимал, приснилось ли мне это или нет. Никто из преподавателей не упоминали о данном визите.

С этого дня мне стали выдавать бром, один из самых сильных подавляторов. Потом мне рассказали, что эта штука убирает сексуальную энергию. Я тогда уже понимал, что эти мерзкие взрослые всё через свой секс воспринимают. Я, закинувшись бромом, как-то уж совершенно не хотел ни сбегать с территории, ни вообще как-то проявлять излишнюю активность. Я закрывал глаза и оказывался в своём холодном лесу. Я бежал мимо деревьев, не чувствуя ни холода, ни боли. Мимо меня проносились кресты, и низенький мужичок, смотрящий куда-то внутрь, задавал мне один лишь вопрос.

— Кто ты?

— Я Иван Полуни́н! — хотелось кричать. Но язык меня не слушался, а ноги тяжелели. И я проваливался в темноту. И передо мной так отчётливо проявился тот городок, который окружал меня с детства.

* * *

Я шёл по этому городу и ловил свои текущие, словно из открытого крана, мысли в жестяную кружку реальности. Я смотрел на перистые облака и на людей, кутавшихся в свои лохмотья, на ржавые машины и потрёпанные панельные дома. Все надежды этих людей когда-то рассыпались. Они ведь тоже верили, любили, копили деньги на вот этот свитер с красноносим оленем или быструю машину, лежащую сейчас ржавой трухой около 39-го дома. Всё это оказалось на свалке времени, и я, идущий по этой протоптанной тропинке, что ведёт куда-то к горизонту, так отчётливо это ощущаю. В школе мне говорили, что время существует только для наблюдателя. Каждый человек наблюдает из своего уголка за какой-то гранью этого противоречивого мира в надежде что-то понять. Строит планы и пытается направлять жизнь. Но как это — строить планы, когда вокруг хаос и никогда не известно, в какой момент тебя рассечёт надвое пьяный казак? И если отец «бьёт всякого сына, которого принимает» — значит, и судьба каждого такого сына заранее определена. Его будут бить, а он будет страдать. Почему цветку никто не указывает, когда нужно распускаться, а гусенице — когда стать бабочкой, — а человека постоянно учат жизни?

124

Я иду дальше и смотрю, как солнце бликует на грязных окнах, и не могу понять, зачем этому миру нужен именно я. Я иду мимо домов, выбивающих в голове воспоминания: вот за этим домом я разбил себе нос, вот там попробовал сигарету, которую нашёл в подъезде. В этой трубе в первый раз отхлебнул из банки с пивом.

Отец-военный привёз нас с мамой, как мне казалось, в место, совершенно не пересекающееся с моими желаниями. Мне казалось, что эти кусты, через которые нужно было пробиваться к спортивной площадке, давно покрывает огонь зафиксированного навсегда отрицания. И куст этот полыхает, как и всё внутри меня. Вот стоят одноклассники и посмеиваются, тыкая друг в друга пальцами. А потом появляюсь я, и все пальцы направляются в мою сторону. Каждый раз, когда я выходил из кустов к первому уроку и становился в общий ряд, то с внутренним нетерпением ожидал звук свистка: тогда наконец появится возможность просто бежать вперёд. От всего и всех. Это давало ощущение свободы, избавления от замкнутости в чугунное неприятие. Взрослые структурируют реальность определённым образом, формируют вязкое время. И это то время, в которое они выбрасывают нас, не умеющих плавать, и мы обречены барахтаться в нём до тех пор, пока не собьём ещё

сильнее, уплотнив до твёрдой определённости. В итоге получается, что каждый из нас достоин того времени, в котором живёт.

И так я бежал мимо этих многоэтажек и деревянных домиков из чёрных бревен, и думал о том, что никогда ещё память не играла со мной такую злую шутку, как сейчас. И что всё проходит, и это когда-нибудь закончится.

* * *

Я лежал в комнате, и пялился в потолок, и порой казалось, что моей головой думает кто-то другой, потому что мне голова ну совсем незачем. Это был полный абсурд: нас регулярно пичкали таблетками, ограждали от мира, погружая в прошлое – и при этом раз в неделю, как ни в чём не бывало, выводили на обязательную прогулку. Обычно она проходила по четвергам, когда к нам приезжал директор школы. Ему приятно было наблюдать за тем, что его детище функционирует. Директор всегда сначала общался с учителями, а затем, становясь в центре двора, смотрел на притихших детей, говорил какие-то общие слова про «социализацию и адаптацию». В тот день я, как всегда, тащился за всеми в ожидании, когда кончится этот цирк и я снова вернусь к своим красочным снам. И тут увидел машину директора, припаркованную во дворе школы. Окно на одной из дверей было открыто. Внутри меня стала нарастать напряжённость: окно ведь открыто, и почему-то только я обратил на это внимание. Я оглянулся: никто не смотрел, все просто занимались своими делами. Я отпросился в туалет и вместо того, чтобы идти в дом, побежал к машине и, оглянувшись, шмыгнул внутрь. Просто залез в эту четырёхколесную повозку через окно. Зачем я это сделал, объяснить не могу. Но внутренняя напряжённость исчезла. В машине было так удобно и тепло, что я почти сразу провалился в сон.

Проснувшись, ощутил, что нахожусь в желудке у кита. Вокруг было тепло, а окружающее пространство как бы вибрировало. Через щель между сидениями я увидел Директора и рядом с ним нашего координатора Елену Алексеевну. Они смеялись и держали друг друга за руки. Я резко привстал и врезался в потолок. В ту же секунду услышал крик, и через мгновение пространство заколыхалось и закрутилось всё сильнее и сильнее, и затихло после нескольких ударов. Тишина длилась вечность. Через выбитое окно я видел, как к обочине, где мы лежали, подъехала полиция. Потом я потерял сознание.

КАРЦЕР

Меня поместили в карцер на неделю. Но не для того, чтобы наказать, а типа для того, чтобы обезопасить меня от себя же. Так они сказали. Вот ведь бред, я сам с собой нахожусь всегда, как можно меня обезопасить от меня же? Положим, физически я ничего с собой не сделаю, но ведь мысленно я могу всё!

Короче, в карцере, кто не знает, есть жёсткий распорядок. Нас в нём было около десяти человек, но мы не могли общаться с другими, потому что за нами тщательно следили, выводили вперёд и били резиновой палкой каждый раз, как мы пытались заговорить друг с другом. В общем спальном зале у каждого было место, кровати располагались вдоль стены в паре метров одна от другой. Нам давали таблетки, которые погружали в ватную неопределённость, способствовали сонливости и отрешённости от окружающего мира, отчего во время тихого часа хотелось только лежать с улыбкой идиота на лице. Да и вообще ни говорить, ни взаимодействовать с кем бы то ни было не хотелось ну вообще никак. Прямо как у буддийских монахов, давших обет молчания. День на пятый я вообще окружающих перестал воспринимать как людей. То же самое, что стул или стол. Я лежал и изучал отвратительную зелёную стену. Воспитатели ходили вдоль кроватей и ругали тех, кто не спал, поэтому приходилось притворяться. Мне никогда поначалу не хотелось спать днём, но под мерное сопение окружающих я невольно и сам засыпал.

А когда просыпался, то осознавал, что снова вошёл в некую цикличность и однообразие. Иногда дни сливались, и я пытался вспомнить, что было вчера или позавчера, и не мог вспомнить ничего, кроме этой стены, звуков мытья эмалированных мисок, в которых нам давали еду, и тихого поскрипывания металлических пружин кровати, на которых мы лежали. В такие моменты я просто отворачивался к стене и изучал неровную поверхность, плотно залитую даже на вид тягучей зелёной краской. Все неровности, видимые на этой стене, я обыгрывал, представляя своё будущее. Вот эта веточка, застрявшая в краске, — это моя машина, я еду на ней куда-то к вот этой выбоине, она море, которое я никогда не видел. Вот мой друг Стас, он немного косит на правый глаз, но это ничего, зато он утверждает, что видит всё у себя за спиной. Мы несколько раз проверяли: действительно видит. Эти трещины на краске — это интернат, а вот это дорога до дома. Мириады трещин, и я вожу по ним пальцами, переходя с одной на другую и все они — это просто линии. Они просто есть, без начала и конца. В школе учили, что

если есть линия, то это непременно линия между точками А и Б. Но это всё обман, никаких начальных и конечных точек нет, линии никуда не ведут и неоткуда не исходят. Линия — это всего лишь возможность занять себя, пока кто-то из руководства не выдернет тебя из этой нелепой игры или не замотает в простыню и не заточит в очередной карцер.

И лежал я на этой скрипучей кровати, и представлял всё это, и думал: вот были бы у меня маркеры, я бы непременно дорисовал у этого треугольника из тягучей краски ножки — и убежал бы он отсюда куда подальше, чтобы жить и веселиться, а не сидеть в этих четырёх стенах, ожидая освобождения, которое может дать лишь невиданная сила больших людей. Игры меняются, а зелёная стена с воображаемыми дорогами преобразуется в такую же, как и она, жизнь. И дальше придётся жить в ожидании, что рано или поздно придёт кто-то, кого нельзя осмыслить, и непременно заберёт тебя, нарушив все те замысловатые и увлекательные игры, которые смог придумать детский разум.

В карцере, короче, меня крыло не по-детски, и когда я из него вышел, потребовалось несколько недель чтобы я просто снова стал нормальным человеком. Ну как нормальным? Таким, какой есть. Через какое-то время у входа в школу меня уже ждала чёрная машина. Сообщили, что лежащий в больнице директор снова собрал «пиджаков» по поводу меня и что-то там придумал. Тогда же мне сообщили, что в той аварии умерла Елена Алексеевна. Что я почувствовал? Да ничего особенного. Мне она никогда особо не нравилась. Меня решили отправить в другое место. Более строгое и закрытое. Сваливать я, конечно, никуда не хотел и просто лёг на пол, притворившись пластиковой куклой. Меня взяли под руки и волоком потащили к машине.

МЕЖСЕЗОНЬЕ

17 лет. Очередное лето. Хотя это название уже давно стало условным: просто период, временной отрезок. Одинаково душное время. Уже вечер, темно. На стекле отражение моего лица, по нему проносятся машины, всполохи фонарей. Уже полчаса я сижу в кресле на общей кухне с выключенным светом. Я, пожалуй, потерял счёт времени. Только цветные огоньки от сетевого фильтра, кнопки чайника и зарядного устройства слепят бликами мои глаза. Освещённая взлётная полоса кухонного порта для путешествий во времени — вот единственное, что спасает от того, чтобы окончательно провалиться в сон. Лёгкое облачко тумана, созданное боль-

шой чашкой остывающего чая. Режим ожидания. Через следующие полчаса белая светящаяся точка на кнопке чайника превращается в мощное свечение фонаря. Я выглядываю с крыши туда, где под уличным фонарём блестит снег. Вдали темнеет крупная вывеска, поблекшая от времени, на ней написано «Все дороги ведут сюда». Глухо проезжают машины за колючим забором. В центре двора застывший фонтан, а через забор обшитое пластиком здание. Где-то сверху тёмное небо и звёзды. Они здесь, и никто их от нас не спрячет. А ещё над высокими домами красные лампочки горят, чтобы пилоты самолётов видели, как им лететь, огибая дома, ну или как-то так. Мне всё это хорошо видно. Чёрт знает сколько я торчу в этих стенах. Теперь-то я отчётливо понимаю, что убежать никуда нельзя, и от одного инкубатора ты непременно придёшь к другому.

С определённого момента люди видят сон, в котором исчезают из привычной им жизни и оказываются в длинном-длинном и высоком здании на побережье. Они оказываются в маленьких комнатах с окнами во всю стену, из которых виден светлый берег. Всё, что есть там, — это чувство пространства и ничего более. В прямом смысле. Потому что никто не может выйти из этой комнаты. Люди видят краем глаза другие окна, другие лица, те кажутся им бесконечно далёкими, замысленными, равнодушными. Проходит много времени, ты смотришь через окно, видишь круги на воде и думаешь, как всё изменится, когда сможешь отсюда выйти. И настает момент, когда выйти становится можно: можно идти по светлым улицам, читать вывески, смотреть по сторонам, наблюдать за редко проходящими людьми. Но всё это ничем не отличается от окна в комнате. По-прежнему главная характеристика — чувство пространства. Логика сна забывает дальнейшее, но оно легко предсказуемо.

Родители последний раз приезжали ко мне года полтора назад, а теперь лишь присылают всякую ерунду типа вязанных носков и овсяных печений. Видимо, так и не справились с позором: «Ах, это у них сын псих?» А мне уже как-то всё равно. Однако, несмотря на равнодушие, которое я в себе воспитал за долгие-долгие годы мытарств, я всё ещё хочу отомстить. Я хочу вернуться в свой городок, и спалить к чёрту свою школу, и уничтожить это дрянное место, где выращивают идиотов. Мне кажется, это тот центр зла, из которого выросли все эти зомбаки в пиджаках. Вы меня, конечно, спросите: как я это сделаю? А я отвечу, что для начала мне просто нужно сбе-

жать. И что всё уже подготовлено, и что всего-то нужно — сделать шаг. Побег. Нужен побег, как в туповатых шпионских фильмах. Я буду бежать, скрываясь от погони, а сотня полицейских будет меня преследовать, и в конце я непременно их всех обведу вокруг пальца. Ну, или, скорее всего, меня снова запрут в этой дыре, ну, или убьют. В этом то и есть трагедия или радость жизни: она непрогнозируема и никогда не заканчивается одинаково.

* * *

Я стою на крыше этого дурацкого здания, в моей руке не менее дурацкая пластиковая бутылочка то ли с кровью, то ли с красным вином. Её ещё пару месяцев назад притащил один мой безымянный приятель и всё это время я прятал её в ящике с грязным бельем. Вы спросите, что за безымянный приятель, и я отвечу. Мы живём с ним в одной комнате все эти годы. И несмотря на то, что тут все странное, он, пожалуй, выделяется среди остальных. Говорят, его нашли в лесу с абсолютно пустой башкой: ни имени, ни прошлого, ничего. Кто знает, как этим «пиджакам» пришло в голову подселить нас друг к другу. Это, наверное, какие-то их странные психологические схемы. В итоге я с ним как-то сдружился, а потом мы вместе стали ходить в шахматный кружок: ведь нужно чем-то занять себя. От нечего делать шахматы стали нашим самым большим увлечением. Шахматы. Когда ты знаешь все свои возможности и тупо комбинируешь их не в пространстве неопределённости окружающего мира, а относительно хода врага. Опять же, это тупо способ контролировать неконтролируемое. Говорят, Гоголь перед смертью много рубился в шахматы сам с собой. Ну и совсем свихнулся. Вообще, мир так очень упрощается и становятся крайне понятным. Каждый твой шаг несёт в себе лишь два направления: первое — прервать атаку противника и второе — найти его слабое место, чтобы закрепить свою позицию. Очень жизнеутверждающая, надо сказать, система. Но нам, шестнадцати-семнадцатилетним, она вполне подходит. Вообще Безымянный нормальный такой парень: есть в нём какая-то загадка. Он как будто подстраивается под всех нас, постоянно ищет себя в окружающих. Он будто распутывает сложный шифр. Для него даже сходить умыться — это какая-то сложная игра. Помните, что я рассказывал про плитку, которая лава? Ну так вот: всё это ерунда, у этого паренька похлеще будет. Для него реальность не лава, а целый апокалипсис из огня, преодоления и конфликтов. Всем этим он мне жутко нравится, потому что вполне подходит под мою систему.

Кстати, я давно придумал свою систему разделения людей, которые мне нравятся и не нравятся. Я разделил их по шахматным типам: пешки — те, кто ничего из себя не представляют, живут себе спокойно в своей простой жизни, и ничего им не нужно. Но у них есть суперспособность: когда нет выхода и им нечего терять, они могут стать кем угодно. Такая типичная история из уроков по литературе про «маленького человека». Слоны идут, не сворачивая, это типа такие дуболомы: не свернут даже под дулом пистолета. Если дорога прямая и без преград, то они быстро добиваются цели, а если нет, то любой тупик или неудача для них смертельны. То же самое с офицерами, только вот они хитрят, всегда ходят как-то наискосок и всегда ожиданию. Но самые коварные — это кони, от которых никогда не ожидаешь, что вывернут. А даже если ожидаешь, они всё равно тебя удивят. Ну а ферзи — это те, кто ни перед чем не остановятся: они идут к своей цели вопреки всему. Протаптывают свой путь ценой жизни остальных фигур. И в этом их самая большая опасность и противоречие. Но есть ещё одна персона, которой подчиняются ферзи. Это король — та же пешка, но наделённая диким авторитетом. Без возможности перевоплощения. Все его защищают и слушаются просто по факту иерархии. Это роль без особых преодолений, отыгранная от начала до конца. Ну так вот, с Безымянным всё сложно: он как будто сразу и пешка, способная на чудо, и ещё в нём есть какая-то внутренняя сила, которую не сбить с пути, типа ферзя. Да он в принципе и сам может о себе неплохо рассказать.

130

БЕЗЫМЯННЫЙ

Я помню тот период. Это как, знаете, строить мост через океан. Нужно сначала найти твёрдую часть почвы и выстроить сваевую опору. И далее тянуть остальное от этих опор. Если нужно вбивать дополнительные сваи в грунт и всё в таком духе. И только когда в этом море неопределённости появятся опорные точки, только тогда можно уже крыть полотно. Пока нет полотна, проявляются лишь разные обрывочные воспоминания, никак не связанные друг с другом. Но чтобы история и человек слились в одно, нужно личным усилием соединить эти точки и дать им направления. Чтобы построенный мост не вёл по кругу. Потому что в таком случае ты так и будешь бегать по этому кругу и тихонечко там себе сходить с ума. Если же это будет мост от чего-то к чему-то, то, вероятно, этот путь будет вести к чему-то важному, и после тебя им, возможно, кто-то ещё воспользуется.

Вообще я не особо много помню, ну, до того, как тут оказался. Не то чтобы это меня сильно напрягало, но всё же. Это всё равно что сразу родиться в период, когда можно ухаживать за девчонками, мастурбировать и пускаться во все тяжкие своей телесности. Все думают, что это великолепно — проплыть период, когда мочишься под себя или проглатываешь монеты, и вынырнуть сразу, в момент, когда всё, в принципе, про этот мир понятно и кажется, что существует-то он, по большей части, лишь для тебя и ни для кого больше.

Судя по записи в моей карточке, нашли меня где-то в лесу. То есть вышел я просто из леса и ничегошеньки не понимал. Был полным овощем, и только потом, постепенно, во мне начал пробуждаться разум. Мне потом говорили, что разум — это что-то вне меня, а внутри меня всего лишь приёмник. И этот приёмник у меня поломался. Но они делают всё, чтобы более-менее починить его, а заодно и меня. Я вообще быстро прокладывал свои сваи и снова стал читать и писать. Как сказал психолог, всё это я умел и прежде, но по какой-то причине забыл подчистую. Типа мне сломали антенну. В итоге меня отправили в эту дыру. Тут в меня втыкали намагниченные иглы, сверкали световыми шарами перед глазами и вели непрекращающийся диалог, активизируя на теле точки и связывая их с воспоминаниями. С учётом того, что я постепенно прихожу в норму, видимо, всё это работает. Но, походу, не так, как думают эти дураки. Меня тут все называют Безымянный. И я бы не сказал, что меня это напрягает. Мне как-то даже пофиг. Но есть здесь и плюсы. Я подружился с пареньком. Забавный он малый. И мы с ним решили устроить побег. Куда? Да куда угодно!

* * *

И вот я стою тут, на крыше, откуда открывается отличный вид на этот странный городок. Красиво. Смотрю во двор: около фонтана сидит Лиза. Это её место: она любит сидеть рядом с этой бетонной могилой. Мы эту шутку придумали давненько. «Фонтан без воды». Интересно, если название какого-то предмета противоречит его функции, он перестаёт быть этим предметом? Или этим названием? Не знаю. Есть же такие слава, как свобода, равенство, справедливость, мир. И попробуйте мне доказать, что их значение не меняется! Короче, Лиза просто сидит у фонтана и о чём-то там себе думает. Застывшая и неприспособленная к этой жизни. Фонтан без воды. Красота, направленная ни на что. Зато, когда мы выглядываем во двор, всегда ею любуемся: она очень красивая и,

наверное, потому и сидит здесь. Я закрываю один глаз рукой, и расстояние до Лизы будто бы сокращается. У меня астигматизм, врач говорил, что это нормально. Я смотрю на свою руку и понимаю, что весь трясусь, то ли от холода, то ли от страха перед решающим шагом. От моей тряски вино иногда выплёскивается, и в тех местах, куда оно попадает, немножко тает снег. Значит, я помогаю весне и растапливаю весь этот белый снег. Всю эту вату... Я стою и пытаюсь вспомнить, что же меня сюда привело, но никак не могу. Мысль блуждает. В голове много обрывочных воспоминаний, которые непременно когда-то сольются в общий котёл и дадут смысл моей жизни. Вопрос лишь в том, когда это настанет и что тогда будет со мной? Наверняка это уже буду какой-то другой я. Один из сотни тех, кем я могу стать. Не знаю. Я делаю несколько глотков из бутылки и подтягиваю привязанный к антенне канат из стянутых вместе простыней. Канат в ответ несколько раз тянет вниз, от того места, куда он уходит, я слышу тихий глухой выкрик, похожий на птичий. Это Безымянный даёт понять, что проверил узлы. Отличный он малый.

132

Я ещё раз проверяю на прочность узел у антенны и, перевесившись через край, опускаю сначала одну ногу, затем вторую — и вот уже весь целиком парю в воздухе. Сначала ощущаю лёгкость, но постепенно на руки наваливается свинцовая тяжесть и они немеют. Когда проходит страх, я неспешно качусь вниз. Из окон высовываются ребята: вот Сом, Киря, Анвар, Линок, Бокби, Коржик, Псина, Соня. Я им улыбаюсь и понимаю, что на их лицах застыл ужас, что-то идёт не так, как я планировал. Я как бы зависаю в воздухе и продолжаю висеть. Почему?

* * *

Вокруг темно, как в гробу: ни одной блестяшки, отражающей свет. Будто в глаз светанули фонарём, и остался огромный чёрный след, оградивший от меня весь мир. Короче, нифинга нет, только темнота. Я тру и тру свои глаза, но ни черта не вижу. И вот я падаю и куда-то качусь. Боль растекается по всему телу, от макушки до пяток. Темнота уплотняется так сильно, что я начинаю различать более плотные места и менее плотные. И снова маячат деревья. Одно за одним. Одно за одним. И снова нет ни времени, ни пространства. Темнота всё уплотняется и уплотняется, и луна опускается к моей макушке, и тихо тухнет в омуте моих глаз, и тогда я уже окончательно погружаюсь в темноту. Растворяюсь без остатка. Темнота уплотняется так сильно, что я начинаю различать

более плотные места и менее плотные. И вот в этой темноте маячит огонёк света. Я цепляюсь за этого светлячка и подхожу ближе. Это череп, изнутри освещённый чем-то типа свечи. Он клацает зубами и ухмыляется.

Я спрашиваю: «Кто ты такой?»

— Я твой давний предок. Ты обязан повторять мою судьбу, потому что она выбита на полотне мира, где нет никаких норм и правил, миром привит абсурд, но только свободный разум сумеет найти в нём логику. Мы никогда с тобой не общались. Но ты часть меня и нет, между нами нет границ.

— Чего вы от меня хотите?

— Я был начальником отряда, который поставил точку в прошлом привычного мира. Когда ты, сын мой Иван Полунин, берёшь наши муки в аду на себя и проживаешь их за нас на земле, мы получаем некоторое облегчение.

— Что это за бред?

— Ты умер, но не до конца. Тебе дарована важная миссия. Ты станешь почвой, удобряющей новую жизнь. Сплетённую другими судьбами и восставшую из темноты. Как каждый пробудившийся становится на шаткую тропинку неопределённости....

Я молчал и хмуро смотрел куда-то перед собой.

— Так велик огонь, среди которого мы находимся, палимые отовсюду. При этом мы не можем видеть лица друг друга. Когда же ты говоришь, мы видим немного друг друга, и это служит нам некоторым утешением. Слова — это заклинания, способные воскресить нас хоть на мгновение.

— Но почему я?

— Это всего лишь цикл переходов. Ты не человек, а набор всего, что тебя держит, что собирает, связывает и укрепляет твою личность. Тебя ожидает ещё долгий путь распутывания этого клубка. Но это не главное. Главное, что ты принёс в жертву свою судьбу. И теперь она обязательно даст ростки новой жизни.

— Я умер, да? Что я должен делать?

— Ты ничего не должен делать. Тебе нужно разделить своё сознание на фрагменты и больше не собирать его. Растворится в беспредметности.

— А как же мир, в котором я жил?

— Он остался. Тебя уже нет, а он есть. Тебе это уже знать не

нужно. Твой мир распадётся, но останутся миллионы других. Ты просто будешь магическим словом, пробуждающим какие-то части себя. Те, что обретут плотность и прочность в других...

Я замираю и понимаю, что нет больше ни темноты, ни черепа, ни моих глаз, есть лишь плотный бред неустанно говорящего голоса в моей голове. Он повторяет: «Сей же есть суд, яко свет прииде в мир, и возлюбиха человецы паче тму, неже свет: беша бо их дела зла».

Голос будто складывает мои мысли в определённую логику. Возможно, что говорю вовсе не я. Возможно, говорят мне. И кажется, я не помню ни единого слова и не могу вымолвить ни звука. Сам не понимаю, как. Понимаю лишь то, что тишина вокруг и есть этот мир, и я часть его.

Справа от меня что-то хрустит, и я, вздрогнув, открываю глаза. Поднимаюсь и оглядываюсь. Зыбкий призрачный свет звёзд кажется мне яркими лучами рампы, что делают меня заметным для любого, кто прячется в темноте.

В воздухе, прямо передо мною, внезапно мелькает белый маленький мотылёк, точно появившийся из ниоткуда. Он двигается рывками, словно летучая мышь. Трепеща крылышками, он стремится в темноту леса, почти мгновенно пропав из виду. Я смотрю ему вслед, но не вижу более ничего.

Я делаю несколько шагов, потом снова останавливаюсь, всматриваясь во что-то впереди. Да, наверное, это действительно огонёк: небольшой язычок оранжевого пламени где-то в сотне шагов от меня. Замерев, рассматриваю пламя, пытаюсь собраться с мыслями и понять, значит ли это что-то — плохое или хорошее?

Лес вокруг кажется полным мрака: страшно понимать, что эта глухомань тянется на сотни километров. Такой лес я уже видел, и именно так представлял себе смерть. Что-то типа дороги, через которую пришлось перебираться купцу из «Аленького цветочка». Я вспоминаю, как в детстве любил один далеко ходить в лесок у дома, любил это сладкое ощущение жути от первых шагов вглубь темноты и неопределённости. Разум достраивал реальность страшных сказок с монстрами, волками и прочей нечестью. Но я шёл, пытаюсь осознать и принять этот страх.

Я оглянулся. Повсюду сверкали эти огненные блики. Это люди, сотни людей. Что им нужно? Я побежал. Они будто залавливали меня, отсекая от меня выходы. И вот я попадаю в какие-то липкие сети и пытаюсь выбраться, но лишь больше запутываюсь в них.

Вконец обездвиженный, я поднимаю глаза и вижу склонившегося надо мной человека. Он светится. Он касается моего плеча, и я погружаюсь в темноту.

ОБРЕТЕНИЕ ИМЕНИ

«Тебе нравится? Тебе нравится это всё? Посмотри, как хорошо! Ну хорошо же?...»

«И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над зверями, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их».

Хаос. Хаос. Обрывочные мысли наконец начали складываться в картинку, на ней проступила дорога и окружающие меня панельки.

Я бежал по дороге. Перед глазами снова возникло тело Полунина. Я тряхнул головой и побежал вперёд, передо мной открывались несколько многоэтажек окраины города с тусклым светом окон. Они, как несуразные скалы, пробивались среди степного пейзажа, обрамлённые тёмным лесом и серыми полями. Первое, что я увидел, — это несколько механических машинок которые расчищали дорогу. Говорят, они работают без людей, по заложенной в них программе. Я притаился, и когда они проехали мимо, побежал к одному из домов и юркнул в приоткрытую подвальную дверь. Внутри было тепло и сыро. Через какое-то время меня нашла старушка. В подвале жили несколько котов, которым она приносила еду. Она жила в этом доме, и только коты скрашивали её одинокую жизнь. Теперь она приносила еду ещё и мне. Это был странный период: я жил в подвале и выходит только по ночам. Я понятия не имел, куда дальше бежать и что делать. У меня не было ни денег, ни понимания, как жить эту жизнь. А чувство, которое разлилось надо мной, заполняя все уголки было страхом. В тот день я увидел через небольшое подвальное окошко процессию, которая неспешно тянулась куда-то к линии горизонта и тихо-тихо напевала какую-то очень заунывную песню. Я еле различал слова:

— И вечно будем мы собирать наше прошлое, ведь покуда мы сами будем и будем мы в этих земных светочах мелькать, будет у нас шанс на спасение, и воскреснем мы хроникой на страницах и

цифрами на мониторах. И будем мы живыми вне тела.

Пение это напоминало гул электростанции. Прохожие пропускали шествие, считали венки и светили фонариками. Когда эти люди скрылись, казалось, что песня продолжалась в шуме автомобилей, в топоте ног и дуновении ветра. Этот гул как-то проник и в меня. Постепенно он стал выкристаллизовываться в голоде. Тогда я тихонько выбрался и стянул ящик консервов из стоящего неподалеку киоска. Мне так хотелось есть, что я пожирал их одну за другой, пока не грохнулся в обморок. Старушка откачивала меня, поила странной фиолетовой водой и растолчённым углём.

Потом она мне рассказала, что по городку ходили слухи про разбившегося подростка и его друга, который будто бы сбежал не просто так, а прихватив с собой какие-то деньги. Это, конечно, полная чушь. Говорили, что разбившийся прыгнул, но руки будто бы не подчинились ему, и он просто упал вниз, ну, или что-то типа того. Старушка сказала, что его даже хоронить толком не стали: просто закинули тело в общую могилу, на территории кладбища, предназначенной для нашего концлагеря. Походу, он и теперь там лежит — примерно в трёх километрах отсюда.

136

Меня так возмутила эта история, что я решил: хватит отсиживаться. И отправился в путь. Я выбрался, как всегда ночью, и пошёл. Шёл, наверное, около часа, минуя дома и дворы, освещённые тусклыми огнями. Затем перелез через забор и стал ходить мимо простых деревянных табличек. На одной из них красовалась имя «Иван Полунин». Я взял камень и стал отбивать табличку.

Через какое-то время раздался громкий свист, и ко мне побежали несколько человек из охраны. К тому моменту я уже отбил табличку и спрятал её в ботинок. Когда меня схватили, я даже не сопротивлялся.

* * *

Конечно же, меня вернули обратно в интернат. И вот я снова в окружении этих мрачных стен, где время течёт с мучительной медлительностью. Это было, пожалуй, финалом, на который частично надеялся мой беспокойный дух, ведь мир вокруг казался огромным и пугающим, полным непонятных и неуловимых контуров. В этой череде дней и ночей интернат стал местом, где я начал постепенно собирать свою новую сущность. На двери своей комнаты прикрепил табличку с надписью «Иван Полунин»: создал свою собствен-

ную реальность внутри пустых стен.

Поначалу окружающие только крутили у виска, не понимая, что происходит с этим существом, что когда-то было мной. Но я твёрдо стоял на своём, с каждым днём создавая новую идентичность себя. Удивительно, как простая замена имени могла поколебать мою реальность и изменить мою жизнь! Как магический ключ, открывший новые двери. Серые коридоры интерната переплелись с контурами действительности, а я постепенно наполнялся какой-то силой. И тут, как судьба, играющая свою загадочную игру, на горизонте возникли перемены. Меня решили усыновить, открыв новую главу в этой дрянной сказке.

То есть, даже не так. В интернат частенько приходили посетители, они, конечно, приковывали к себе наше внимание, как редкие звери в зоопарке. Ведь вполне вероятно, что у них была одна цель — усыновить кого-то из нас. У-сыно-вить — свить сына из пустоты. И вот одна довольно миловидная женщина в спортивном костюме привела в интернат свою дочку. «Они» это иногда так делали, типа запугать, что ли, мол, будешь себя плохо вести — отправишься к этим. И вот эта хмурая девчонка как-то отпочковалась от процессии и прохаживаясь по нашим коридорам. И неожиданно указала на меня пальцем, и громко сказала: «Вот он». В её словах была какая-то неясная магия, и кажется, она уловила внутри меня что-то такое, что даже я сам не замечал.

— Как его зовут? — спросила женщина директора. Тот немного подумал и ответил:

— Иван Полунин.

В этот момент мои старые убеждения окончательно рассыпались, всё сильнее засыпая гроб с моим прошлым. Это было мгновением, когда моё имя наконец зазвучало, а мир вокруг начал менять оттенки и контуры.

БОЛЬШОЙ МИР

Это была странная парочка: Алла и Анатолий Коппины. Их дочку звали Полиной, и она отгораживалась от мира похлеще меня. Поэтому семья и решила взять ещё одного ребёнка-ровесника, подумав, что, замкнутая в одно пространство с парнем, девочка будет адаптироваться к постороннему и начнёт наконец общаться. Девочка и мальчик с полным непониманием как жить эту жизнь. Единица и ноль, которые должны высечь искру и разжечь всё более сворачивающуюся внутрь себя систему. Забавно, что с самого

начала «они» стали называть меня «сын», а я их — «папа» и «мама». Но семейных отношений у нас так и не выстроилось. Да я особо и не старался. Но к Полине начал присматриваться. Выяснилось, что она не просто избегала людей, а скорее их не любила. Да, такое бывает.

Как-то в день своего рождения Полина ушла с праздника и тупо просидела пол дня во дворе. Я тоже избегал гостей и решил за ней понаблюдать. Выяснилось, что она сидит рядом с мёртвой мышью, которую принёс соседский кот, и просто смотрит на неё. Тогда мне стало интересно, что вообще происходит и я наконец сел рядом. Полина рассказала, что так она пытается понять природу смерти. Каждый день нужно замечать смерть, не забывать, что сам когда-нибудь умрёшь, и только так жить. Тогда я посмотрел на веранду, на которой сидели и громко смеялись гости, и представил всех этих людей мёртвыми. Что они, как эта мышь, постепенно разлагаются, становясь песком. В тот момент я, кажется, впервые стал понимать эту странную девочку. Она повела меня по лабиринтам своего мира. А я показал ей свой блокнот: записывать свои мысли давно стало для меня необходимостью. Теперь же мы стали делать это вместе, дополняя окружающую реальность тем, что скрывали внутри себя:

138

«Разорванные от различных аспектов бытия, образы сейчас слились в одном бурлящем потоке, где утрачено прежнее единство жизни, невозможное к восстановлению. Реальность, разглядываемая через призму отдельных частей, теперь предстаёт перед нами, как своя собственная целостность, видимая как особый, независимый псевдо-мир, доступный только для наблюдения. Весь мозаичный мир окружающих образов собрался в отдельной сфере образов, насыщенной игривой фальшью. Игра в целом, как конкретное отрицание привычной жизни, представляет собой собственное движение неживого, но в то же время, несущее в себе искру нового».

Мы с Полиной любили обмениваться своими записями, сравнивая, кто как понял ту или иную фразу. Мы создали группу единомышленников, в которой спустя время насчитывалось уже с десяток различных фриков. Мы устраивали что-то созвучное нашей безумной природе. Бывало, что по ночам мы выбирались в заброшенные деревни и поджигали полуразваленные деревянные дома. Так мы боролись с «ветхой стариной, проросшей тут и там». Так начали создаваться «сходки». Полина общалась с кучей людей. Выяснилось, что почти каждую ночь она сваливает из дома через окно.

Потому весь день ходит сонная и мрачная, избегая людей.

СХОДКИ

Было скучно, и мы решили достраивать происходящее до абсурда, тем самым как бы реагируя на окружающий нас бедлам. Самым странным симптомом того времени было невероятное количество людей, решивших, что перед ними новый духовный лидер, миссия, демиург... Не имея возможности за что-то зацепиться, они поднимали на эту роль каждого мало-мальски выделяющегося человека. В итоге новые бого-человеки появлялись чуть ли не каждый год — и так же быстро исчезали. У каждого были свои апостолы и ученики. Это и стало нашей игрой. Собрание новых мессий было организовано в центре луга неподалёку от нашего города. Мы все, одетые в белые простыни, вставали в огромный круг. Каждого окружали почитатели и ученики. Затем мессии направлялись к середине поля, а их апостолы создавали беспорядок, давку, столпотворение. Это был триумф алчности и гордыни. В конце сходок мы устроили кулачные бои, после которых с кровоподтеками и улыбками обнимались под взглядом понаехавшей полиции.

Короче, весь этот нонконформизм скоро улетучился. Как флаг, потерявший ветер и бессильно повисший на флагштоке, гигантские волны, одно время сотрясавшие нас, улеглись, растворились в тусклой повседневности будней. Со страной снова начали происходить метаморфозы. Центральный политический вектор неожиданно качнулся от созидания будущего к прошлому. И тут я нашёл своё истинное призвание. Это был момент, когда мы поссорились с Полиной, и она вылезла через окно, и больше не появлялась. А мне нужно было жить дальше.

* * *

Именно тогда отец впервые привёл меня в архив. Мерзкое место, пропахшее табаком, но заинтересовавшее меня одной простой истиной. Это место — конструктор окружающего мира. С его помощью можно собрать и себя. Я устроился в «Центральный архив», и моя жизнь впервые обрисовала хоть какие-то цели. Меня стали учить собирать прошлое. Я продолжал вести свою тетрадь, классифицируя всё и всех. Это был склад идей, который формировал меня прежде. Ведь когда тебе чуть больше двадцати, то кажется, что отдёрнешь занавеску, а там — солнце, что встаёт только для тебя, подгоняя к действию. И кажется, что стоит протянуть руки — и солнце осветит тебе дорогу, и подскажет следующий шаг. И вот тут возникает главный вопрос, которым наконец задался и я: куда

к сорока годам деваются бесчисленные орды тех, для которых был создан весь этот мир?

Бывает такое, что невидимая рука словно переключает рычажок, и человек входит в какое-то пассивное, лишённое звучания состояние. В одно мгновение перестав жить, он схлопывается, как замкнутый сам на себе алгоритм, замерший в ожидании солнечного луча. Свет, что когда-то даровал цвет и оттенки дням, становится исчерпавшимся ресурсом, а окружающие превращаются в монохромные силуэты с тусклым взглядом, лишь ожидающие нового утра, которое, возможно, сможет восстановить ту мелодию, которую никогда не слышал, но отчётливо знал.

Продолжение следует.

Иллюстрация: Валерия Жданова

Литературный журнал «Нате»

Виктор Михайлов с дочерью Машей

Виктор Михайлов

(1901–1990 гг.)

Доктор технических наук,
ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ член Академии
архитектуры и строительства СССР,
член Американской академии
железобетона, заслуженный деятель
науки и техники РСФСР.

ЖИЗНЬ В БОРЬБЕ

(продолжение)

Глава 12. Миша стал членом нашей семьи

В 1908 г. у мамы родился третий сын — Коля. Серёже было уже 3 года, и он развивался с особой прытью, то есть был очень энергичным и подвижным существом. С ним было очень трудно сладить. И Люля просто отказалась смотреть за ним.

— Нет, Мария Викторовна, что хотите, а с Серёжей я никуда не пойду. За ним не усмотришь. Того гляди в яму угодит, голову проломит. Нет, увольте меня лучше. Не возьму грех на душу.

И бедной мамочке приходилось бегать за Серёжей всюду. Слушался Серёжа только отца, который был с ним строг и непреклонен. Поэтому мама, когда только могла, перепоручала Серёжу отцу. Папа никогда от занятий с Серёжей не отказывался, и Серёжа любил и признавал отца беспрекословно.

Я учился во 2 классе и по-прежнему дружил с Мишей и сидел рядом. Он благодаря моей помощи выдвинулся в отличники и имел три четверки, остальные — пятёрки. Меня он любил, как и прежде, и считался у нас в доме своим человеком. Второй год мы брали его с собой на лето, которое в этот раз провели в Железноводске¹, недалеко от Пятигорска². Железноводск считался детским курортом, и ежегодно там отдыхало много детворы. За лето ничего примечательного не произошло. Ходили на экскурсию на гору Бештау³, Змеиную⁴ и Развалку⁵. При восхождении на Бештау маме стало плохо, и её везли обратно на лошадях. Я стал уже достаточно взрослым, славился по-прежнему способностями сказочника, но все считали меня немного замкнутым и безмерно самонадеянным. Наверное, это не очень положительное качество, но его поддерживал и развивал дедушка. Он говорил:

— Если человек не уверен в себе, если он не старается быть лучше, более знающим и более способным, чем другие, — грош ему

¹ Железноводск — курортное поселение близ Кавказских Минеральных Вод. Статус города получил в 1917 г. (здесь и далее прим. М.В. Михайловой).

² Пятигорск — город-курорт. Название получил в 1830 г. по имени горы Бештау («Пять гор»).

³ Бештау пятиглавая гора-лакколит, высочайшая из 17 останцовых магматических гор Пятигорья

⁴ Точнее, гора Змейка — одна из самых известных гор Ставропольского края. Её высота составляет 994 метра, но известна она прежде всего своей площадью.

⁵ азвалка — останцовая магматическая (палеовулканическая) гора в Пятигорье, на Кавказских Минеральных Водах. Высота 926 м. Является памятником природы.

цена. В него никто не будет верить, никто не будет ему подчиняться, и никто не будет его слушаться.

Не знаю, насколько он был прав, однако названные недостатки были у меня на самом деле и в моей дальнейшей жизни и, как ни странно, оказались мне полезными и много способствовали моему росту как учёного и изобретателя. С Мишей я не раз начинал разговор на политические темы. Стал читать газеты. И, хотя они меня мало занимали, я стал понимать события, происходящие в мире. Я уже знал, кто такие народовольцы. Но о них всегда писали неодобрительно, как о смутьянах. Миша объяснил мне, что наш строй не народный и что многие очень культурные люди не только не одобряют его, но и работают втайне против него. Однако он упрямо ничего не говорил о том, кто его отец, какой тайной политической деятельностью занимается. То, о чём он сказал в прошлом, по дороге в Абастуман, когда на нас напали политические, он никогда не вспоминал и на мои вопросы не отвечал.

Мы заканчивали учёбу во втором классе и готовились перейти в третий. Отметки у меня, как всегда, были отличные, у Миши — хорошие. Никаких препятствий к переходу в следующий класс не было. Наша классная наставница предупредила, что с третьего класса у нас будут изучаться уже два языка — французский и немецкий, — и старалась выяснить, знаем ли мы какой-нибудь из них. Миша не знал никакого. Я сказал, что знаю оба этих языка, и особенно хорошо — французский. Воспитательница пристально посмотрела на меня, и я сконфузился, как будто что-то сказал не так, и покраснел. Эта манера краснеть без всякой причины долго доставляла мне неудобства, потому что люди привыкли считать: раз человек покраснел, значит что-то не так или он соврал. Из всех сил я старался не краснеть, тем более без причины. Однако никак не мог избавиться от этой напасти.

Оставалось 10 дней до каникул, когда Миша не пришёл в школу. Я сильно заволновался и никак не мог дождаться конца урока. Наконец я побежал домой и застал Мишу у нас в доме.

— Мишенька, дорогой, что случилось? — воскликнул я и бросился к нему. — Я так беспокоился за тебя. Всякие мысли лезли мне в голову. Я думал: может быть, ты заболел или упал и разбился.

Тут я увидел, что глаза у Миши красные, заплаканные, и ещё больше заволновался.

— Ты не приставай к Мише, — сказала мама, — у него большое горе. Знай, но молчи. Мишиного отца сегодня ночью арестовали, а

квартиру опечатали. Миша теперь будет жить у нас. Будет членом нашей семьи. Мы его любим и никому не дадим в обиду. Дедушка сказал, что теперь мы должны любить Мишу особенно сильно. Сказал также, что узнает, в чём дело, и постарается помочь. Но главное — просил никому ничего не говорить.

Я подошёл к Мише, сел около него, и так сидели мы молча долгое время. Каждый думал о своём. Я думал о том, чем я могу помочь Мише, как отвлечь его от горя, чтобы он скорее привык к новой обстановке. Прошло два дня. Вместе с Мишей мы ходили в гимназию. Там об аресте его отца ничего не знали, и поэтому учёба продолжалась, как будто ничего не произошло. Дедушка пришёл как-то очень мрачный и на все расспросы отделивался короткими, ничего не значащими ответами. Вечером он заперся с мамой в её комнате и о чём-то говорил с ней. Потом мама мне сказала, что дело Мишиного отца скверное, ему угрожает ссылка, и что дедушка, несмотря на свои связи и личное знакомство и даже дружбу с губернатором, ничем помочь отцу Миши не может. Самое главное, что на требование прекратить революционную деятельность и порвать со своими единомышленниками отец Миши ответил отказом. Дедушка сам хочет с ним поговорить. Для этого ему дадут свиданье. Но будет ли от этой беседы толк, дедушка не знает. Тут она добавила:

— Ты пока ничего не говори Мише. Он только разволнуется. И это ему ни к чему. Ты сам видишь, какой печальный он всё время. Ничто его не радует. Вера старалась как-нибудь развеять его тоску. Но ничего из этого не вышло.

Нас распустили на летние каникулы, но ничего насчёт нашего отдыха не было ещё решено. Мама была в положении и должна была летом рожать четвёртого ребенка. Кто это будет — девочка или мальчик? Мама хотела девочку, я — мальчика. Это было первое лето, когда все растерялись и не знали, что предпринять. Дедушка советовал отправить всех детей — меня, Веру и Серёжу — на Зелёный мыс к Витушинским. Кстати, там тоже произошло прибавление семейства, и детей у Елены Викторовны стало пятеро.

Пока мы с Мишей осваивали наш сад, начала поспевать клубника, наливались плоды черешни. Вот-вот можно будет их рвать и наслаждаться их вкусным соком. Клубника удалась в этом году на славу, и каждый день Пётр приносил на стол сочные ягоды, мы ели их с сахаром и сливками. Однако разрешалось это делать только после обеда. Ни за что перед ним.

Много времени с нами проводила Ирочка, Верина подруга. Она стала совсем взрослой барышней, ей стукнуло уже 12 лет... Однако она по-старому благоволила ко мне, маленькому мальчику, и по-прежнему любила слушать мои рассказы. Как ни странно, она не любила читать и практически ничего не читала, а мои рассказы о прочитанном слушала затаив дыхание. Я продолжал зачитываться книгами самого разнообразного характера: от серьёзных повестей Достоевского и Тургенева до бульварной и криминальной литературы. От Агаты Кристи^б до Жюль Верна — всё я проглатывал в самое короткое время.

Любил я также пересказывать прочитанное и делал это мастерски. Вот этими рассказами и упивалась Ирочка, слушал их и Миша — по-видимому, с удовольствием. Забирались мы, по старой привычке, на мушмулиновое дерево, и там я разливался в рассказах, но очень точно придерживался авторского текста. Память у меня была прекрасная, и пересказывал я со всеми сочными, иногда даже не очень приличными деталями. Но мне всё сходило с рук. Ирочка сидела как зачарованная, и мне доставляло особое удовольствие ощущать её близко от себя. Пока никаких физических чувств я не испытывал... был ещё очень молод, но уже зарождалась во мне какая-то чувственность, и было приятно взять Ирочку за руку, нежно её пожать и крепко держать, продолжая рассказ. Ирочка ничего не подозревала, она вся парила в мечтах, вслушиваясь в мой рассказ. Иногда к нам присоединялась Вера, но она была очень практична, постоянно требовала рассказывать быстрее, скорей к концу. Она требовала развязки и этим разрушала то напряжённое очарование и интерес, которые возникали от пересказа деталей. Кончалось тем, что я прерывал рассказ и переходил на другую тему. Вера нам, безусловно, мешала, и мы не любили её присутствия. Между мной и Ирочкой, несомненно, была какая-то неуловимая, но прочная связь, и мы радовались, когда были одни. Ирочка, к слову, была очень красивой девочкой, и на неё уже определено засматривались молодые люди. Однако она ни на кого не обращала внимания.

Глава 13. Отдых в Кобулетах, или Явление Любы

Шло время, и надо было что-то решать. Утром мама объявила: — Дети, настало время для летнего отдыха. Я приняла реше-

^б Как уже указывалось: ошибка памяти. Скорее всего, он читал серию книг про сыщика Ната Пинкертона.

ние: своих старших детей, Веру и Виктора, отправить на Зелёный мыс. Я списалась с Лёлей и получила её согласие пригласить вас в гости на берег моря. Она пишет, что море в этом году такое голубое и спокойное, как никогда. Она рада будет видеть у себя моих старших детей. Серёжу, как ещё маленького и беспомощного, я оставлю с собой. Папа тоже приедет на Зелёный мыс, но позже. Вы же поедете с Люлей через два дня. Надо подготовиться. А ты, Витюша, собери книги, которые там будешь читать. Я знаю тебя, без книг — ни шагу из дома. Миша должен остаться здесь, всем понятно почему. Но я буду заботиться о нем по-матерински. Он знает, что я полюбила его и буду любить всегда.

Миша, который сидел здесь, поднялся, подошел к ней и нежно поцеловал руку. Действительно, в нашей семье он нашёл свой новый дом и новую семью. Мне было грустно, что я должен с ним расстаться, но что делать? Такова, видно, судьба, которую не сломаешь. Больше всех огорчена была Ирочка, которая последнее время почти все дни проводила у нас. Ей было особенно, как она уверяла, грустно расставаться со мной, и в доказательство своих слов она нежно обняла меня и поцеловала в щёку. Скажу откровенно: мне это было очень приятно, но, к моему ужасу, я весь залился краской. Я не разучился пока краснеть и на этот раз покраснел не без причины.

Расстояние до Зелёного мыса было небольшое, и поездом мы преодолели его за 8 часов. В Кобулет⁷ мы пересели на дачный поезд, в открытый вагон, так как на платформе Зелёный мыс останавливались только дачные поезда, и так добрались мы до тёти Лёли. Нас на платформе никто не встречал и не должен был встречать, поскольку было неизвестно, на какой дачный поезд мы попадем. Мы погрузили на себя немногочисленные вещи и пешком поднялись на дачу Бялусских. Ходу было не более 20 минут, но все в гору. Шумными приветствиями встретила нас ватага детей Бялусских. Все ждали нас и были рады нашему приезду. Елена Викторовна и Никодим Антонович уже давно переехали на дачу. Они предоставили нам две просторные комнаты на втором этаже. Помнится, я уже описывал многокомнатную дачу моей тёти. То, что нам предоставили комнаты на втором этаже, т. е. на уровне верхней спортивной площадки, особенно обрадовало меня. Я буду ближе к спорту, ближе к теннису, по которому так скучал. Как ни странно, дедушка в нашем Кутаисском саду не создал ни одного теннисного корта, хотя там можно было организовать даже два или

7 Кобулет — курортный город в Аджарии, в 21 км. от Батуми.

три — например, в районе Рионской набережной.

Мы разместились так. Я вместе с Люлей, Вера в другой комнате одна. Она теперь была взрослой барышней, и ей оказали почет. Вскоре нас позвали ужинать. Тетя Лёля объявила, что принятые у Бялусских журфиксы⁸ продолжаются. Первый журфикс состоится в воскресенье через три дня. На нем мы послушаем новые стихи, которые сочинила Светлана, и рассказы Котика, который только что вернулся из Тифлиса, где он гостил у Анны Викторовны Апель⁹, третьей дочери дедушки.

Я страшно обрадовался, что выбор не пал на меня. Мне совсем не хотелось сразу выступать с повествованиями, хотя я и был силён в рассказах, и было их у меня заготовлено на все лето и даже с излишком. Разошлись рано, не пошли гулять по саду, отложили это на утро, а сейчас надо спать, спать. Утром мы с Верой поднялись чуть свет и помчались к морю. Погода стояла солнечная, ясная, однако солнце ещё не показалось из-за гор, и на берегу было тенисто и холодно. Но нас ничто не могло остановить, мы быстро разделись и бросились в волны. Всё тело как бы отдалось ласковому прикосновению воды. Мы поплыли в море, не думая, что первый раз надо купаться осторожно. Первой вспомнила об этом Вера, когда мы были уже далеко от берега. Наверное, заплыли метров за 600. Теперь горы не затемняли солнце, и оно ласково светило нам и радовало ранним утренним теплом.

— Витюша, плывем обратно. Первое купание не должно быть продолжительным. Наверное, мама рассердилась бы на нас. Да и Люля, если бы была с нами, запретила бы сразу заплывать так далеко.

Я повернулся на спину и медленно поплыл к берегу. Вера последовала моему примеру. Мы плыли рядом медленно, слегка подгребая под себя воду, и разговаривали о том о сём, а больше ни о чём. Основной темой разговора было море. Как мы его любим. Как хорошо, что мы приехали сюда отдыхать. Наверное, это будет прекрасный отдых, и, главное, мы сможем ещё лучше научиться плавать. Наверное, тот ненастоящий человек, который не умеет

⁸ В дореволюционной России определённый день недели в каком-либо доме, предназначенный для регулярного приёма гостей.

⁹ Речь идет об Анне Викторовне Витушинской, которая была женой, по всей видимости, Александра Вильгельминовича Апеля (31.03.1870 – после 1916), о котором известно, что он был военным. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба, участник русско-японской и Мировой войн. Был награжден многими орденами. Дослужился до чина генерал-майора.

хорошо плавать.

Беседуя так, мы незаметно доплыли до берега и разлеглись на гальке. Море на Зелёном мысу очень хорошее, но берег покрыт крупной галькой и по ней больно ходить. Говорят, в Кобулетах берег — какого нет нигде... Там очень мелкая мягкая галька, прямо как гречневая крупа, и песка очень мало. Поэтому даже в бурю вода не становится мутной, а остаётся чистой и прозрачной в течение всего шторма. Надо побывать там и проверить это самим. От долгого пребывания в воде, пока ещё утренней и холодной, губы у нас посинели, и мы поняли, что в таком виде являться на дачу нельзя. Мы оделись и пошли домой медленно, стараясь по дороге согреться. Появилось солнышко, мы посидели под ним на верхней спортивной площадке, совсем согрелись и заявили на дачу к утреннему чаю.

Тетя Лёля сделала нам замечание, что утром так долго нельзя пропадать на море, а надо заниматься гимнастикой и спортом. Но для первого дня — амнистия, только предупреждение на будущее. После завтрака мы провели время со старшими детьми тёти Лёли, которые были почти нашими сверстниками. Старшая, Светлана, была высокая, по-мужски сложенная девушка, ей свободно можно было дать 14 лет, в то время как ей было всего 12 лет. Котику было 10 лет, но он тоже выглядел старше своих лет. По-видимому, они все пошли в отца, Никодима Антоновича, высокого рослого мужчину весом на все 100 кг.

Черешня, клубника и ранняя вишня были в самом разгаре, и мы могли их есть, как говорится, в своё удовольствие, «на все сто». Однако были новости: если прежде можно было лазать свободно на все деревья и там лакомиться фруктами, то теперь это запрещалось, и ягодами и фруктами можно было наслаждаться только с блюд, которые стояли на веранде в огромном количестве, без всякого ограничения. Фрукты собирали слуги, а иногда и сам Никодим Антонович. Конечно, лакомиться фруктами прямо с дерева куда более приятно, чем с блюда, но что поделаешь. Запрет есть запрет.

Днём я играл в теннис со Светой. Долгий перерыв отразился очень сильно на моём умении играть в теннис, и я позорно проигрывал сет за сетом. Ничего, стенка во дворе дачи стояла на месте по-старому, и я упорно бил в неё мячом, отрабатывая свой драйв и тренируя бэкхэнд¹⁰. Что касается подачи, то её можно было усовершенствовать только в игре на корте. Потом мы игра-

¹⁰ Особые удары в теннисе, выполняемые с неудобной стороны, с отскока.

ли «дубль»: я со Светланой против Веры с Костей. Победили мы, но заслужили победу благодаря Светиной игре. Всё-таки теннис — очень хорошая, полезная и благородная игра. Она тренирует бег, ловкость, рефлекс и делает человека ловким, изящным и мужественным. Я должен в совершенстве научиться играть в теннис, и я добьюсь этого во что бы то ни стало.

Воскресенье доставило нам большое удовольствие, я даже не предполагал, что Светлана настолько талантлива и сочиняет такие прекрасные стихи. Позже я списал многие из её стихотворных новелл и красовался, читая выдержки из них на наших литературных вечерах в гимназии. На этом журфиксе Светлана прочитала новеллу о безумной любви американского юноши к голливудской звезде экрана¹¹. Юноша приехал в Лос-Анджелес и случайно познакомился со звездой — прекрасной девушкой-артисткой, сводившей с ума всех мужчин города. Она обратила внимание на юношу и была любезна с ним всего один вечер, а потом она забыла его и закружилась в вихре голливудского безумия. А юноша сразу влюбился в звезду и уже ни о ком другом не мог думать. Перед его глазами везде и всюду стоял её образ — образ той, которая теперь просто не замечала его; бедный юноша не нашел ничего лучшего, как застрелиться у неё на глазах. Тема была весьма тривиальная. Я читал подобное во многих комиксах, однако Светлана нашла для новеллы такие слова, сочетания и рифмы, что все просто заслушалось. Когда она кончила читать, я подбежал к ней и поцеловал её прямо в губы. Света сначала ничего не поняла, потом громко рассмеялась и, в свою очередь, расцеловала меня, вызвав во мне ещё больший восторг. Я не замедлил заявить ей, пока все ещё молчали:

— Ты, Светик, как светлячок во тьме, осветила нам дорогу возможного, но потерянного счастья, и я благодарю тебя за радость, которую ты нам доставила.

Сказал — и весь залился краской. Вот эта ужасная напасть, данная мне природой. Как она меня подводит! Все были поражены моей тирадой и с удивлением смотрели на меня. А тётя Лёля сказала:

— Витя! Да ты стал совсем большим! И вырос, и возмужал. Это ты здорово сказал о Свете. Действительно, она талантливая писательница и, наверное, станет знаменитой.

Все наперебой хвалили Свету, но она продолжала задумчиво

¹¹ Рассказанная «Голливудская история» — свидетельство позднего написания мемуаров «по памяти». Кинопроизводство в Голливуде и система экранных звезд только начали складываться в 10-е гг. и достигли расцвета в 1920-е. Первый голливудский фильм «Муж индианки» был снят в 2014 г. История явно навеяна какой-то немой «фильмой».

смотреть на меня, удивляясь тому, что я сказал о её выступлении. Затем Костя рассказывал о Тифлисе, какой это замечательный город и как весело в нем живётся. Наши кузены Кися и Витик — очень славные дети, но они ещё очень маленькие и с ними скучно. Зато Костя посещал театры. Слушал оперы «Евгений Онегин», «Пиковая дама» и «Садко». Для меня всё это было пустой звук, так как я всего два раза ходил в Кутаиси в театр на детские представления, которые мне, правда, не очень понравились. Прimitивные действия, ничего не имеющие общего с интригами прочитанных и перечитанных мною комиксов, которые я крепко держал в памяти и которыми собирался поразить всех на предстоящих журфиксах.

На следующее утро мне вдруг пришла мысль, что следует написать письмо Ирочке и поделиться с нею впечатлениями о первых днях отдыха. До сих пор я никому писем не писал, и меня поразила сама мысль о письме. Я сразу сел за стол и написал: «Ирочка! Прямо тебе скажу, что часто думаю о тебе и вспоминаю, как мне было хорошо, когда ты приходила к нам и мы сидели вдвоём, а ты с интересом слушала мои рассказы. Здесь, вдали, мне особенно не хватает тебя. Как было бы хорошо и чудесно, если бы вдруг ты оказалась на Зелёном мысу вместе с нами, и я вновь мог бы держать тебя за руку и рассказывать тебе всякие небылицы. Если у тебя найдётся время и ты тоже соскучилась по Вере и по мне, черкни пару слов. Твоё письмо было бы большой радостью для нас. Жму крепко и целую ручки. Твой Витя».

Я сразу запечатал письмо в конверт, надписал адрес — конечно, мамин — для передачи Ирочке и бросил письмо в ящик у ворот нашей дачи. Позже я много думал, что заставило меня написать Ире это письмо, что означало оно для Ирочки и какие могло иметь последствия. Раньше я об этом никогда не задумывался. Просто Ирочка меня непонятно притягивала к себе, и я думал о ней как-то по-особенному. Не прошло и недели, как пришло письмо Верочке. Это было Ирочкино послание, где она писала, что соскучилась по ней, и ей очень хотелось бы на недельку приехать в Зелёный мыс в гости к тётке Лёле, если, конечно, она пригласит её в гости. Она писала, что Мария Викторовна сама высказывала эту мысль, зная, какая её сестра Лёля гостеприимная. В письме обо мне не было ни слова, и я решил, что мое письмо до неё не дошло, и на этом успокоился. Тётя, которой Вера показала письмо, сразу заявила, что любая Верина подруга для неё желанный гость и что она с радостью примет её в наше общество. Так Вера и написала ей в ответном послании.

На воскресенье был назначен очередной журфикс, на котором предстояло выступить мне с рассказом по моему усмотрению и затем исполнить на рояле какую-нибудь вещь, также сделав произвольный выбор. Музыкой я занимался очень прилежно. Грасильда Вячеславовна была мной довольна, считала занятия успешными и пророчила мне славное музыкальное будущее, во что я, конечно, не верил, так как предназначал себя для другого. Здесь, на даче, перед обедом я аккуратно играл на рояле, и мне было не трудно выступить официально на вечернем журфиксе. Но вот о чём рассказать вечером так, чтобы все заинтересовались, я никак не мог решить. Все думал, думал, но решения не было. Может, что-нибудь из Тургенева? Приближалось воскресенье, а я ещё ничего не решил и волновался всё больше и больше.

Наконец наступило воскресенье. Утром все пошли на пляж. Я много плавал с Костей. И мне всё хотелось спросить его, о чём мне сегодня рассказывать. Но не решался и всё молчал. Подошел час сбора на журфикс. Кроме своих, на журфикс пришли две девицы с дачи Барятинского¹² — той, что стоит на скале прямо над берегом. Я никогда раньше их не видел. Тётя Лёля открыла журфикс, как всегда, сообщением о том, как прошла неделя, что интересного произошло, кто отличился или провинился и что об этом все думают. Потом она объявила, что вечер начинается моим выступлением, что не следует думать, будто я ещё очень молодой и мои выступления неинтересны. «Наоборот, — продолжила она, — вы сами убедитесь, что Витя не по годам развит и его по-настоящему можно заслушаться». Я не ожидал таких похвал и сразу сообразил, что это мне не на пользу. Поэтому я встал и попросил разрешения сыграть сначала на рояле. Мне разрешили. Я сыграл этюд для левой руки Скрябина и ноктюрн Шопена. Мне поаплодировали, но было видно, что я никого не изумил. А я думал, что, играя одной рукой столь трудное произведение, я вызову восторг и удивление. Настал момент рассказа, и только в эту минуту мне стало ясно, что рассказать надо обязательно о трагедии одной семьи артистов Голливуда, и я начал так:

— В прошлый раз мы слушали трагическую повесть о любви молодого человека к знаменитой голливудской кинозвезде, гордой,

12 Владение ею приписывается князю Александру Ивановичу Барятинскому (1815–1879), наместнику на Кавказе, главнокомандующему Кавказской армией, взявшему в плен Шамиля. Но, скорее всего, она принадлежала его племяннику Александру Анатольевичу Барятинскому (1846–1914), военному губернатору Дагестанской области. Она действительно находилась на краю обрыва и обычно её называли «дача Баратова».

своенравной и равнодушной к его любви. Молодой человек покончил с собой на глазах у любимой. Печальная история. Но в Голливуде произошло другое, ещё более страшное и жестокое происшествие.

Один молодой человек задался целью сделаться знаменитым героем кино. Он пришёл к известному режиссёру Петерсу и заявил ему, что желает сниматься в его боевиках. Петерс ответил, что одного желанья мало, нужен талант, это, во-первых, и, во-вторых, необходима подходящая роль, которой ни сейчас нет, ни в ближайшем будущем у него не будет. Все роли уже отданы достойным и опытным актёрам. Молодой человек сначала просто настаивал, а потом стал грубить и угрожать. Режиссёру пришлось применить силу и выгнать дерзкого претендента из помещения студии. Вечером, придя домой, Петерс рассказал всё своей молодой жене, известной кинозвезде, снимавшейся во многих фильмах, но сейчас отдыхающей в ожидании потомства. Молодая женщина должна была скоро родить.

— Напрасно ты был груб с молодым человеком. Наверное, он был в отчаянии. Надо было хотя бы пообещать ему что-либо в будущем. Так он хотя бы жил с надеждой.

Через два дня режиссёр вылетел в Париж на очередные съемки. Дома с женой он оставил свою сестру и её молодого сына. Дом, где они жили, был расположен в саду недалеко от побережья и находился под охраной сторожа. Жена режиссёра не скучала, к ней каждый вечер приходили гости, занимались музыкой, пением и танцами. Так было и в этот роковой вечер. Банда из четырёх мужчин ворвалась в дом в девять часов вечера. Так установил шериф, производивший расследование. Сначала они связали и заперли в сторожке у ворот сторожа. Затем вошли в дом. Приказали всем встать лицом к стене. Всего вместе с гостями было семь человек. Никто не имел оружия, и всем пришлось подчиниться приказу. Бандиты связали всех по рукам и ногам, затем заклеили лейкопластырем рты и начали по очереди ножами убивать одного человека за другим. Жене режиссёра вспороли живот так, что все внутренности вывалились наружу. Когда всё было кончено, один из мужчин, по-видимому главарь шайки, сказал:

— Так я отомстил Петерсу! Жаль, что он оказался в отъезде. Но ничего, месть не заставит его ждать.

Кровью своих жертв он написал на листах бумаги: «Мечь! Мечь! Мечь!» Уходя, они убили и привратника. Только на

следующий день, когда пришёл молочник и увидел убитого сторожа, всё открылось. Шериф, производивший расследование, не мог смотреть без слёз на прекрасную женщину, лежащую в луже крови. Он задал себе вопрос, кто мог совершить такое страшное злодеяние. Врагов у пострадавших не было. Они славилась добротой и готовностью помочь всем, кто нуждался в помощи. Славилась они и благотворительностью. За что же «месть»?

Режиссёр, который прилетел сразу из Парижа, сначала тоже не понял, за что «месть», кто мог мстить и по какому поводу. Он был убит горем: потерять сразу любимую жену и так и не родившегося сына (в чреве оказался мальчик)! Только на следующий день ему пришла мысль, что с убийством, возможно, связана его встреча с молодым человеком — претендентом на роль. И чем больше он думал об этом, тем вероятнее казалась причастность этого человека к убийству жены и всех её гостей. Он сразу рассказал обо всём шерифу. Но сколько ни искали преступника люди шерифа, они не могли напасть на его след.

Прошёл месяц, происшествие стало забываться. Как вдруг к шерифу пришла женщина легкого поведения и сказала ему, что она сидела с одним молодым человеком, который под воздействием большой дозы наркотиков рассказал ей о совершённом им преступлении и о том, что он расправится так со всяким, кто встанет у него на пути или будет против него. Услышав это, женщина испугалась и решила всё рассказать шерифу, чтобы спасти свою жизнь, так как, несомненно, преступник не оставит её в живых как невольную свидетельницу его признания.

Вооружённый отряд полицейских сразу направился к указанному месту и действительно застал там преступника в совершенно невменяемом состоянии. Молодой человек был схвачен. Он сразу выдал своих сообщников. Но удивительнее всего было то, что он не испытывал никакого раскаяния и пошёл на казнь вместе со своими сообщниками, насвистывая весёлую песенку¹³.

Я кончил, но все сидели молча с широко открытыми глазами, и мне стало не по себе. Зачем я рассказал такую страшную трагическую историю? Первой заговорила девушка, пришедшая с дачи Барятинского:

¹³ Эта «голливудская история» представляет собою контаминацию разных детективных сюжетов с наделавшей много шума истории с убийством беременной жены режиссера Романа Полянского Шэрон Тейт членами секты «Семья Мэнсона», о которой отец узнал в 1969 г. Травестийно-пародийный вариант событий представил Квентин Тарантино в фильме «Однажды в Голливуде» (2019).

— Ой, какой ужас! Разве можно рассказывать такие страшные истории?! Да ещё так образно. Я всю ночь не буду спать.

Сразу заговорили все. Напали на меня, зачем я рассказываю такие страсти. Тетя Лёля подошла ко мне, потрепала по плечу и сказала:

— Ты рассказываешь здорово, но лучше таких страхов не касаться вовсе. Я запрещаю рассказывать такие ужасы. В следующий раз мы ждем от тебя чего-нибудь более радостного и приятного.

На всех мой рассказ произвел тяжёлое впечатление, и все решили, что на сегодня хватит, и заторопились разойтись. Я был, конечно, огорчён, что мой рассказ вызвал у всех такое мрачное настроение. Лучше было бы рассказать что-либо с хорошим концом. Даже Вера осталась недовольна моим рассказом и попросила ничего подобного больше не рассказывать.

Значит, люди стремятся ко всему хорошему, светлому, а горе, боль и страдание они хотят обойти стороной, и это, конечно, правильно. У меня в запасе историй с хорошим концом сколько угодно, вот и буду рассказывать такие именно истории. Я окончательно пришёл в хорошее настроение, когда девушка с дачи Баратинского подошла ко мне, похвалив за умение образно и захватывающе рассказывать, и пригласила прийти к ним в гости и побаловать их компанию хорошим рассказом. Я решил заранее осторожнее выбрать тему.

Жизнь на даче шла своим чередом. Много времени я уделял теннису, а когда не было партнеров, бил мячом в стену (такое полезное занятие). На неделе пришло письмо от Ирочки, адресованное прямо мне. Вот новость. Письмо принесла Люля, которая каждый день ходила за газетами и почтой. Улыбаясь, она повертела письмо перед моим носом и сказала:

— Вот тебе первое письмо, прямо на твой адрес. Не рано ли? Интересно, от кого?

Я взял письмо, повертел его, осмотрел со всех сторон — обратного адреса не было. Письмо едва-едва пахло духами. Меня это очень заинтересовало, и я вскрыл его. Письмо было от Ирочки — длинное, очень нежное и дружеское. Она писала: «Я обо всём рассказала маме, то есть о тех чувствах, которые я питаю к тебе, о том, что мне приятно быть с тобой, радостно, когда ты держишь в своей руке мою руку, и как восторженно я воспринимаю твои рассказы. Мама сказала, что отношение моё к тебе нездоровое и вообще девочке в 12 лет так чувствовать не полагается, слишком

рано. И маленькому мальчику тоже. На это я ей сказала, что, во-первых, мы с тобой одинакового роста, ты плечистый и спортсмен, главное, что ты развит физически и умственно не по годам... И потом я сказала, что, наверное, люблю тебя, очень люблю. Мама засмеялась и сказала, что не пустит меня на Зелёный мыс, и что всё это надо отложить на 6-8 лет. «Ведь не замуж же ты собираешься выходить за Виктора? Это просто, — говорит, — комедия. Наверное, Витя об этом пока и не помышляет. Вот потеха! Ты хорошенько подумай, как это всё смешно и несерьёзно». Витя, я и подумала. Всю ночь не спала и полагаю, что мама не совсем права, хотя всё обстоит так, как она говорит. Между нами разница в три года, и она останется на всю жизнь. Захочешь ли ты иметь жену старше себя? Наверное, нет. Обо всём рано ещё и думать. Наверное, нам лучше не встречаться, и все покажется иным. Конечно, я к вам не приеду. Но, когда ты вернёшься в Кутаиси, разреши мне приходить и слушать твои рассказы. До свидания, целую тебя в щёчку. Твоя Ирочка».

156

Я перечитал письмо несколько раз, стараясь понять его действительное содержание. В прочитанных мной романах любовь описывалась по-разному. Однако любовь я относил всегда к другим людям и отношениям. Свою любовь к маме, Вере, Люле, папе и к дедушке я понимал как чувство преданности и большой дружбы. Вне всякого сомнения, что к Ирочке я подсознательно чувствовал нечто совсем иное, но не понимал, почему это чувство надо откладывать на 6-8 лет. Разве оно станет другим? Конечно, мысли об Ирочке отнимали время от учёбы, занятий, музыки и спорта, от чтения книг. Наверное, сначала нужно научиться всему, а уже затем думать о любви к женщине. Что же, наверное, Ирочка права. Надо сначала сделаться образованным взрослым мужчиной, а уже потом отдаваться любви к другому существу. Я поцеловал почтительно полученное письмо, аккуратно его сложил и спрятал в одну из прочитанных книг. Никому это письмо не покажу, а буду держать и хранить его бережно, пока не вырасту. Тогда я приду к Ирочке и скажу: «Вот я стал взрослым, но чувства к тебе не изменились. Давай будем всегда вместе. Выходи за меня замуж...» И я возьму её за руку, уже с полным правом на это, и поведу её по жизни к счастью. А пока буду ждать и, главное, совершенствоваться.

* * *

Начались уроки по языкам, и тут сразу выяснилось, что мне на этих уроках делать нечего, так как языки я знал хорошо.

Француженка, которая преподавала оба языка, французский и немецкий, сказала, что я должен ей помочь в преподавании и взять на себя неуспевающих. Мне не особенно нравилось возиться с оболтусами, которые не хотят изучать язык. Но выхода не было, и я возился, раздражаясь и огорчаясь от выполнения столь трудной задачи.

Мой братец Коля, в противовес Серёже, был чрезвычайно спокойным ребенком. Он никогда не плакал, даже когда у него болел животик. За ним неотлучно следила Люля, которая изменила мне совершенно. Не то чтобы она разлюбила меня, нет. Её привязанность ко мне осталась прежней, но у неё не оставалось времени для меня.

Неизменной была привязанность ко мне дедушки — как и моя к нему. Мы часто вспоминали Тамару, которая так внезапно исчезла из моей жизни. Что случилось с ней — осталось тайной, которая так и не раскрылась. Дедушка думает, что её быстро увезли из Кутаиси и она никак не могла сообщить нам об этом. Трогательной и интересной была моя встреча с Ирочкой. Она пришла буквально на следующий день после нашего приезда. Встретила меня очень ласково. Поцеловала в щёчку, но ни словом не обмолвилась о письме, как будто его и не было. Мы провели время в саду вместе с Верой, которая ничего не знала. Были веселы, как будто ничего не произошло. А может быть, ничего и не было? И я просто не понял её письма и вообразил бог знает что. Это и к лучшему, пусть всё будет, как было. Когда Ирочка уходила, она пристально посмотрела на меня и сказала:

— Я жду, что ты будешь опять рассказывать интересные истории, как раньше. Кроме того, ты должен рассказать мне о себе, как ты провёл отдых, чему научился, что приобрёл в спорте. Я приду в воскресенье. Расскажи что-нибудь. У тебя ведь, Витенька, припасён такой богатый багаж разных историй, и все они, наверное, отменные. До свидания.

Итак, жизнь пошла по проторенному пути. Осложнилась она только в результате появления малышей Серёжи и Коли, за которыми надо было зорко следить и охранять от падения.

Пришло наконец письмо от Миши. Он писал, что живут они вместе с отцом совсем свободно. Отец должен только ежедневно являться на пункт регистрации. По-прежнему отец сапожничает, и это дает ему приличный доход. Миша устроился в ремесленное училище и учится хорошо. Очень скучает по мне. Но мы уже, видимо, никогда не увидимся. Отец выслан на 15 лет. Это огромный срок.

Что произойдет за это время, никто не знает. Миша всем клянется в любви и благодарит за ласку, которой он никогда не забудет.

Год прошёл почти незаметно. Зима была мягкая и теплая. И вот как раз в такую тёплую зиму я простудился и сильно заболел. До сего времени я ничем не болел, даже лёгкой простудой или насморком. И вот поди же ты, заболел воспалением обоих лёгких в самой сильной степени, затем обнаружилось воспаление среднего уха, и в довершение началось воспаление мозга. Всё в доме перевернулось. Температура поднялась до 40° С. Доктор нашего дома Топоров, лучший врач Кутаиси, разводил руками, не зная, что ещё предпринять. Банки, компрессы, уколы чередовались один за другим, но температура не спадала. От меня остались только кожа да кости. Мама потеряла голову, плакала, папа ни с кем не разговаривал, только вопросительно смотрел на доктора. Дедушка сидел у моей кровати и не хотел уходить. Он доставал какие-то редкие, безумно дорогие лекарства и тоже с надеждой смотрел на врача. Топоров не прятал глаза, потому что был уверен, что я умру.

Так между жизнью и смертью я провел 10 долгих дней. И наступил кризис. Температура упала до 35,4° С. Я лежал без сознания мокрый, дедушка сидел рядом и закутывал меня, чтобы не продуло и чтобы как-нибудь согреть. Топоров пришёл и сказал:

— Он будет жить. И, наверное, долго. Но его надо сейчас поддерживать. Первое, надо купить отжимку и выжимать сок из сырого парного мяса.

Отжимка появилась мгновенно, парное мясо тоже, и эту гадость мне пришлось пить несколько раз в день. Так, день за днём ко мне возвращались силы, появился аппетит, и мне было разрешено всё расширять и расширять ассортимент блюд. Когда мне разрешили встать, я был так слаб, что ноги подкашивались, и я падал. Потом я учился ходить. Доктор Топоров сказал, что меня надо повезти на море для восстановления сил. Было ещё рано выезжать на отдых, но совет врача был для нас законом, ведь именно доктор Топоров спас меня от смерти.

И вот, в апреле мы выехали на море в Кобулеты. Дедушка заранее поехал туда и снял нам двухэтажную роскошную дачу — наверное, лучшую в Кобулетах. С нами на дачу выехали Люля, повар и служанка. Для них отвели комнаты при кухне. Именно в Кобулетах я узнал, что такое хороший пляж с изумительной, совершенно мелкой галькой — такой, как гречневая крупа, которая перемешалась с залежами крупного песка. По берегу, покрытому

такой галькой, можно было спокойно идти босиком, не устать и не повредить ноги. Но главной ценностью берега было то, что в этой гальке на каждом шагу встречались слёзки прозрачного камня всех цветов. Сиди себе, перебирай рукой гальку и разноцветные слезинки разного размера и цвета — розовые, красные, жёлтые, зееленые и даже голубые.

Каждый день мы сидели подолгу на берегу и собирали камушки всех цветов и оттенков. К концу лета набралось несколько жестянок таких камушков. Одну из них я предназначил Ирочке. Когда я был болен, она ежедневно приходила к Вере, сидела у неё и старалась поточнее узнать о состоянии моего здоровья. Когда мы уезжали, она пришла на вокзал, принесла большую коробку печенья и долго стояла на платформе, смотря на удаляющийся поезд. Здоровье моё быстро шло на поправку. Мне уже разрешали плавать — правда, не далеко и в основном вдоль берега. Однако я чувствовал, как силы вновь возвращаются в моё тело. Аппетит стал замечательный. Повар баловал меня вкусными блюдами. А Люля ходила на базар и приносила мне раков, которых я так любил. Все радовались моему выздоровлению. Однажды я сказал маме, что всё здесь хорошо, все заботятся обо мне и ухаживают за мной.

— Но, мамочка, мне скучно, нет Миши, с которым я привык проводить время и беседовать. Может быть, Вера пригласит Ирочку или кого-нибудь из Бялусских? Ведь они здесь под боком. Всего два часа езды. Мамочка, ведь дача у нас огромная. Смотри, сколько комнат.

— Конечно, я подумаю о тебе. Но посмотри, весь берег усеян людьми. Почему ты ни с кем не познакомишься? Такие хорошие девочки и мальчики. Ты приглядишься к ним получше. Может быть, найдёшь друга или подружку.

А ведь и правда: мы на даче, кругом дети, дети и дети. Ведь Кобулеты — детский курорт. Надо осмотреться. Когда плаваешь — не трудно познакомиться с хорошим пловцом. Вере я тоже наказал присмотреться к девочкам её возраста или немного меньше. Мне мои однолетки, наверное, не подойдут, учитывая мое развитие и образованность. Вера посмотрела на меня и улыбнулась. Затем сказала:

— Витенька, я вижу, ты совсем выздоровел. Вот и без девочки уже не можешь жить. Я для тебя как путеводная звезда: готовлю, подбираю тебе подружек. Что бы ты делал, если бы меня у тебя не было?

Сказала — и засмеялась. Верочка — верная сестра и очень меня любит, с ней не пропадёшь. Я подбежал к ней и крепко её поцеловал. Вера совсем растаяла и пообещала завтра же познакомить с интересными девочками. Их там на берегу много.

Назавтра я сам устроил «охоту» на девушек. Плыл вдоль берега и внимательно осматривал купающихся. Но ничего интересного не обнаружил. Все больше дети 6-9 лет, плещутся на прибое, не плавают. Плавающих встретил только трёх парней 12-13 лет. Это не для меня. Вернулся обратно. Смотрю, Верочка лежит на берегу, а рядом с ней девочка её лет. Вера увидела меня, вскочила и кричит:

— Куда ты уплыл? Мы тебя ждём. Вот Люба из Тифлиса, живут здесь, через дом от нас. Скучают, так как кругом мелюзга, ничего интересного. Я говорила ей о тебе как о хорошем рассказчике. Она не верит, смеется, говорит, что маленький, хоть и рослый. Покажи Любе, как ты плаваешь, она тоже умеет, так что вы будете отличной парой. А главное, заговори ее, чтоб она в тебя поверила.

— Вера, ты всегда преувеличиваешь! — сказал я и обратился к Любе:

— Однако я очень рад с Вами познакомиться. Давайте начнём с плавания. До сих пор мне не разрешали заплывать далеко. Но ради Вас я готов дерзнуть и проплыть в море, ну, хотя бы на 100 метров! Это считается для меня разрешённым пределом. Но я могу проплыть и километр.

Болтая таким образом, мы вошли в воду. Вера последовала нашему примеру, и мы втроём поплыли вперёд. Заплыли довольно далеко, этак метров за 300. Вера заявила, что не разрешает мне плыть дальше, и мы повернули назад. Пока плыли, я успел рассказать Любе о нашем Кутаисском саде и, по-видимому, описывал его так красочно, что Люба сказала:

— О, как мне хотелось бы посмотреть ваш сад! — и уже ласково посмотрела на меня.

— Ловлю Вас на слове! Я приглашаю Вас в гости к нам в Кутаиси. Мама подтвердит сейчас же это приглашение. Только вчера мы говорили о Вас, ещё не зная Вас. Вы увидите сад и будете очарованы им. Я нисколько не преувеличиваю!

— Что это вы, ребята, выкаете? Молодые люди нашего возраста говорят друг другу — ты! Ты не возражаешь, Люба, чтобы Витя говорил с тобой на ты?

— Ну, конечно, согласна!

— Витя, учти замечание и говори с Любой на ты, как это нам полагается!

Я посмотрел на Любу и понял, что от прежнего, слегка покровительственного тона и отношения ко мне не осталось и следа. Она сидела прямо и внимательно и доброжелательно смотрела на меня. Вера пригласила её зайти к нам познакомиться с мамой и, если родные разрешат, пообедать с нами и поиграть в волейбол. Мы как раз только-только натянули на спортплощадке сетку. Все вместе пошли сначала на Любину дачу. Там нас встретила нарядно одетая женщина, мать Любы, с которой мы познакомились и у которой попросили разрешения Любе у нас пообедать. Мать Любы посмотрела на нас внимательно, как будто хотела отгадать, подходящая ли для них наша семья. Звали мать Любы Татьяной Васильевной. Чтобы заполнить возникшую паузу, я сказал:

— Татьяна Васильевна, конечно, вы видите нас в первый раз. Наверное, колеблетесь, отпустить или не отпустить дочь к нам в гости? Я заверяю вас, что наша мама была бы счастлива познакомиться с вами, и я от её имени приглашаю вас прийти к нам сегодня за Любой. Вы посидите у нас, попьёте чай и убедитесь, какая у нас замечательная мама. Я сам приду после обеда за вами и провожу вас до нашей дачи. Она через одну от вашей.

— Ах, так это вы живете в том большом белом доме в саду? Говорят, что это лучший и самый богатый дом в Кобулетах. Я согласна отпустить Любу к вам на обед, но после она должна вернуться домой, так как ей предстоит заняться музыкой. Что касается вечера — посмотрим. Может быть, придём к вам. А вы, молодой человек, придёте за нами.

Радостно побежали мы к себе домой. Я был в восторге, что так скоро нашли девочку, с которой, по-видимому, будет интересно проводить отдых. Подумать только, ещё вчера я изнывал в одиночестве и жаловался на скуку. А сейчас появились интересные люди и вся жизнь озарилась их присутствием. Сердце сжалось каким-то предчувствием. Я ещё не понимал, что это такое, но было интересно и как-то спокойно и радостно!

После долгого одиночества я был возбуждён и даже немного развязан. Мы пришли, когда стол уже был накрыт. Пока Вера представляла Любу маме, я быстро поставил лишний прибор прямо рядом с моим. Наверное, если бы прибор ставил кто-либо другой, он поставил его с прибором Веры.

— Мама, — сказал я, — без твоего разрешения, но зная напе-

ред, что согласие твоё будет, я пригласил мать Любы Татьяну Васильевну и Любу к нам вечером на чай. Правильно ли я поступил? Я должен буду за ними зайти перед чаем.

— Ну конечно, — ответила мама, — ты поступил совершенно правильно. Я буду очень рада познакомиться с Татьяной Васильевной и подружиться с её семьей.

— Мамочка, раз ты такая добрая, я должен сознаться, что пригласил Любу приехать к нам в Кутаиси и посмотреть наш сад. Люба не дала пока согласия, так как не говорила ещё со своей матерью. Ты, мама, поддерживаешь это приглашение? Места у нас много, а сад такой, что стоит его посмотреть.

— Правильно, правильно, Витюша, — сказала мама. Мы приглашаем, Люба, не только тебя, но и твою маму. Места у нас действительно много, и встретим мы вас как родных. А теперь за обед.

Весь обед я настойчиво ухаживал за Любой, передавал ей закуски, наполнял бокал пенистым квасом, убирал использованную посуду. Я расхваливал нашего повара и его умение готовить вкусные блюда. А на сладкое был роскошный пудинг с кремом, который я очень любил. Любе пудинг понравился, и я радостно положил на тарелку ещё кусочек. После обеда мы посидели немного на балконе, и Люба заторопилась домой. Я вызвался проводить её. По дороге говорил ей о новой книге, которую только что прочитал, — о «Консуэле»¹⁴ Жорж Санд. Люба её не читала, и я бегло изложил содержание. Мы стояли у калитки дачи Любы, и я упоенно рассказывал наиболее напряжённые сцены из приключений героев романа. Люба внимательно слушала меня и не торопилась уйти. Так простояли мы у калитки минут 20, кто-то окликнул Любу. Это была её младшая сестра, которой было всего 6 лет. Люба как бы очнулась, быстро поблагодарила меня за проводы, сказала, что рассказываю я очень интересно.

— Вера правду сказала о твоём таланте, — добавила она. — Я теперь буду ждать завтрашнего дня, когда ты доскажешь содержание романа. А сегодня заходи к нам в 7 часов вечера. Я буду ждать тебя.

И задумчиво отправилась в сторону своего дома. Я смотрел вслед и думал, какая она стройная и красивая. С ней не стыдно показаться в обществе и на людях. Не дойдя до дома, Люба обернулась, увидела, что я смотрю ей вслед, и заспешила к лестнице на веранду. Конечно, дачу, которую они снимали, нельзя было даже

¹⁴ «Консуэло» — роман Жорж Санд, написанный в 1842–1843 годах.

сравнить с роскошным домом, который занимали мы. Это было деревянное строение в один этаж с широким открытым балконом-верандой на две стороны. Вокруг была поляна с несколькими редко стоящими деревьями. Забор и калитка были деревянные, но всё это мне понравилось, потому что здесь жила Люба, эта славная и такая уже знакомая мне девочка. Невольно в уме я сравнил её с Ирой и нашёл, что милы мне обе эти девочки. Вот было бы здорово, если бы сюда приехала ещё и Ирочка. Я побежал домой, доложил маме, что проводил Любу прямо до дома.

— Что-то ты уж очень долго провожал эту славную девочку. Она мне понравилась. Такая воспитанная, выдержанная. Хорошо что вы познакомились с ней. Мне тоже будет приятно общество интеллигентной семьи. Не забудь, Витюша, зайти за ними в 7 часов.

Было ещё очень рано, и я уткнулся в «Консуэлу». Надо было быстро полистать страницы, чтобы завтра с блеском пересказать наиболее интересные места книги. То, что Люба заинтересовалась книгой, явилось залогом нашей будущей дружбы. А дружить с ней мне хотелось всё больше и больше. Откровенно говоря, я не совсем ясно понимал, почему меня тянет дружить с девочками. Женственного во мне ничего не было. В своих движениях, действиях я был несколько грубоват, а вот, поди ж ты, меня определённо тянет к девочкам, мне нравится их нежность, женственность. Быть с девочками, сидеть с ними рядом, может быть, даже прижавшись к ним, доставляет мне огромное удовольствие и радость. Наверное, во мне сидит что-то ненормальное, непривычное, не принятое в обществе. Я чуть было не пропустил назначенное время. Однако не опоздал и ровно в 7 часов стоял перед Любиной дачей. На балкон выглянула Татьяна Васильевна и сказала:

— Мы уже готовы! Сейчас выйдем. Ты немного подожди.

Татьяна Васильевна была в нарядном платье, такая молодая, совсем как Люба. Любочка тоже приделась и понравилась мне ещё больше. Она заметила мой любопытный взгляд, каким я на неё посмотрел, и улыбнулась. Улыбка была дружеская, приятная и вселила в меня присущую мне уверенность. Не приходится сомневаться: я не ударю лицом в грязь. Мама тоже приделась, взбила себе причёску и стала совсем молодой и прелестной. Я ужасно гордился своей мамочкой, видя, что она совсем не уступает Татьяне Васильевне. Чай был накрыт на террасе. Повар с общей помощью напёк пирогов и тортов и обильно украсил стол закусками. Обслуживал стол повар со своей помощницей. И всё было...

Мне не удалось сесть рядом с Любой. Мама посадила её с Верой, почти прямо против меня. А у нас не было принято разговаривать через стол. Поэтому я с нетерпением ждал, когда гости напьются чаю и встанут из-за стола. За столом говорили преимущественно взрослые. Вера о чём-то шепталась с Любой, но по движению губ нельзя было угадать суть разговора. По тому, как они часто поглядывали на меня, улыбались и часто смеялись, можно было догадаться, что это что-то нелестное для меня, и я злился на Веру. Почему она высмеивает меня? Чтобы не стать общим посмешищем, я уткнулся в тарелку и бесконечно ворошил что-то лежащее на ней.

Тут мама обратилась ко мне и громко сказала:

— Татьяна Васильевна заинтересовалась нашим садом. Ты ведаешь делами сада, он на твоём попечении. Расскажи гостям о достоинствах нашего сада. Ты сделаешь это лучше и полнее меня.

Поручение было неожиданным, но я сразу обрёл спокойствие. Уж о саде я могу говорить хорошо и много. Тут мне нет равных. Я взглянул на Любу и заметил, что она сразу как-то насторожилась и приготовилась слушать меня. Это ещё больше воодушевило меня. Не стану излагать мой рассказ о саде. Выше я уже описывал его достоинства во всех деталях. Я говорил воодушевленно, детально и образно. Все слушали с вниманием, пока мама не прервала меня.

— Витюша может говорить о нашем саде без конца. Его не остановишь! Вообще, Витя большой фантазёр и мастер рассказывать разные истории. Но наш сад действительно хороший. Витя и дедушка называют его зачарованным. Наверное, в нём есть элемент очарования. Но это заслуга дедушки и главного садовника Петра, который всецело отдаёт ему себя. Вам, Татьяна Васильевна, надо приехать с Любочкой к нам погостить несколько дней в Кутиси. Мы вас примем с распростёртыми объятиями, и вы не будете скучать.

— Это не так просто — вырваться из порядка обычной жизни. Ведь Любочка учится, и никто не разрешит ей пропускать уроки, — разве что на каникулы. Но ведь сад надо смотреть летом.

— Вот и хорошо, выедем отсюда неделей раньше вместе. И вы увидите сад в его лучшем виде. Не отказывайтесь сразу, подумайте. У нас есть много времени. Витя, сыграй нам что-нибудь на рояле. Например, твой замечательный этюд для левой руки Скрябина.

— Мамочка, — вставил я, поднимаясь со стула, — прелюд и этюд, их надо играть вместе, один за другим.

Я сел за пианино и блеснул исполнением Скрябина одной левой рукой. Рекомендуются не смотреть, как быстро скачет рука, а слушать, закрыв глаза, и тогда будет полное впечатление, что пианист играет двумя руками, используя всю клавиатуру инструмента. Я посмотрел на Любу и заметил, что именно так она слушает мое исполнение. Когда я кончил, мама сказала, что дети могут встать со стола и идти играть в сад. Взрослые же останутся пить ликёр. Наконец-то я смог пообщаться с Любой.

— Ну как, Любочка, — спросил я. — Понравился ли тебе Скрябин? Композитора этого многие не любят. А я в восторге от него. А его «Божественная поэма» и «Поэма экстаза» — верх музыкального совершенства. Я могу слушать их без конца. Слушала ли ты их когда-нибудь?

Нет, она об этих произведениях ничего не знает и не слышала их. Ей надо их послушать обязательно.

— Знаешь, Витенька, — сказала Люба, — ты так красиво рассказал о вашем саде, что мне очень захотелось увидеть его своими глазами.

— Знаешь что? — воскликнул я, — у меня идея! Давайте завтра пойдем на Зелёный мыс к Бялуским. У них тоже прекрасная дача с большим парком. Мы начнём изучение садов Грузии с их сада. Мамочка, — крикнул я, подбегая к террасе, — почему бы нам не отправиться в гости к Бялуским, посмотреть их дачу, парк? Не правда ли, блестящая идея?!

— Твоё предложение хорошее, но можно это сделать в другой день. Не обязательно завтра. Мы обсудим с Татьяной Васильевной твоё предложение, а ты иди играть с детьми.

Я был так взволнован возникшим у меня предложением, что не мог никак успокоиться и всё думал о деталях поездки. Вера прервала меня и сказала, что взрослые решат, как поступить. Однако она полностью согласна со мной. Ведь будет неправильно, если мы, находясь рядом с Зелёным мысом, не побываем там, не навестим тётю Делю и её детей. Таким образом, у меня был союзник. Мы начали кататься на велосипеде. Но велосипед был один, а нас трое, поэтому ждать очереди приходилось довольно долго. Однако это было и хорошо. Когда ехала Вера, я назначал ей наиболее длинный маршрут, чтобы дольше оставаться наедине с Любой. Мы были с ней одного роста и, наверное, одного веса, поэтому нам было очень удобно, стоя на доске, качаться на ней с большим заносом — так, что дух замирал, когда оказывались в самой высокой точке.

Беседовали мы обо всём. Люба рассказывала про свою жизнь: она уже в 5 классе, учится хорошо, но есть и четверки, дружит с одной девочкой, тоже Любой, мальчиков не особенно любит, они назойливые и драчуны, занимается пением (говорят, у неё хороший голос), часто ходит в театр, большей частью с подругой.

— Если я не люблю мальчиков, то это не значит, — говорила Люба, — что так же отношусь и к тебе. Тебя я совсем не знаю, но ты мне нравишься. Думаю, что ты очень талантливый: в твоём возрасте играть на рояле одной рукой, да ещё левой, так, что кажется, будто играют двумя руками, — это кое-чего да значит. Я, наверное, буду дружить с тобой. Хотя ты на три года и моложе меня, но мне кажется, что мы однолетки. А вот едет Вера, теперь моя очередь проехаться на велосипеде. А умеешь ли ты ездить на велосипеде без рук? Я пробовала, но ничего не выходит. Даже раз упала.

— Я научу тебя ездить на велосипеде без рук. Это очень легко, все повороты ты делаешь корпусом. Вот увидишь, у тебя получится!

— О чём вы здесь говорили без меня? — спросила Вера, когда Люба поехала.

Я вкратце рассказал ей о содержании нашей беседы. Вера поделилась со мной, что я очень понравился Любочке. И что она всё время только обо мне и говорит.

— Видимо, тебе судьба всё время ухаживать за моими подружками. Ты только не увлекайся и не кичись очень собой.

В этот самый момент, когда мы беседовали, Татьяна Васильевна позвала Любу с террасы и сказала:

— Время идти домой спать.

Все распрощались, и гости ушли. Мама осталась очень довольна новым знакомством и заявила:

— Такими знакомыми надо дорожить. Интересные люди. Надо настоять на их приезде в Кутаиси, чтоб закрепить знакомство. Возможно, что мы поедem в Тифлис. Будем жить в гостинице, но время проводить с ними. Они покажут нам достопримечательности Тифлиса. Говорят, там построили фуникулёр, то есть наклонную железную дорогу на Давыдовскую гору, откуда открывается прекрасный вид на всю долину Тифлиса. Но посмотритём, что даст нам будущее. Что касается мысли поехать в гости к тётке Лёле — это хорошая мысль. Ещё в Кутаиси я думала об этом и решила, что та-

кое путешествие будет возможным, если Витя полностью оправится от тяжелой болезни. Как видно, Витюша уже в полном здравии, и, может быть, в следующее воскресенье мы совершим эту поездку вместе с Татьяной Васильевной и Любой. Надо только сегодня же написать тёте Лёле о наших планах, чтобы не застать её врасплох.

Я был в восторге, всё же иногда в голову мою приходят полезные мысли. Но было уже поздно, надо было идти спать, чтобы скорее наступило утро с его морем и Любой на берегу. Утром проснулись рано, но времени сбегать на пляж не было, сразу после умывания сели завтракать. Мама была в хорошем настроении, вспоминала Татьяну Васильевну, опять повторила, что обязательно возьмет её с собой, когда поедет в Кутаиси. Сказала, что написала тёте Лёле о нашем приезде в ближайшее воскресенье и что она привезет с собой свою приятельницу Татьяну Васильевну. Надо только съездить — здесь она посмотрела на меня — и бросить письма, это можно быстро сделать на велосипеде.

Я сообразил, что это несколько задержит мой выход на берег, но что поделаешь, письмо же надо отправить как можно скорее. Я вскочил из-за стола, схватил письмо, которое мама уже заранее приготовила и положила на стол. Я схватил письмо, вскочил на велосипед и поехал на почту. Поездка на почту и обратно отняла у меня минут 25. Вернувшись домой, я сел за рояль. Вера же начала читать какую-то книгу, но вскоре захлопнула её и заявила, что идёт на пляж.

— Кончишь играть, — приходи к нам. Мы будем где вчера.

Как ни старался, но менее часа на проигрывание всего, что было задано на сегодня, затратить не удалось. Когда я пришёл на пляж, девочки лежали на вчерашнем месте и загорали. Люба даже не повернулась в мою сторону и только сказала:

— А я здесь уже более часа, ждала тебя, хотела уйти, но пришла Вера. Теперь мы загораем, не мешай нам.

Чувствовалось, что она сердится, — может, и сама не знает за что. Я поспешил сказать, что играл на рояле. Наверное, Вера ей об этом сказала. Однако на моё заявление никто не отозвался. Я растянулся на своём месте без подстилки прямо на песке и стал думать.

— Может быть, это даже хорошо, — думал я, — что она рассердилась. Значит, помнит обо мне и хотела скорее повидаться, а я, как на зло, замешкался.

Тут на меня навалились разные мысли. Я соображал, о чём будет уместно заговорить, чтобы снять возникшую натянутость, и вдруг меня осенила мысль!

— А знаете ли, что в следующее воскресенье мы едем на Зелёный мыс к Бялуским? Не правда ли, здорово?!

— Ни на какой Зелёный мыс я не поеду, — воскликнула Любочка, — что это вы за меня всё решаете?! Знакомы не более суток, а распоряжаетесь мною, как какой-то вещью.

Она вся как-то дёрнулась от обиды и уставилась носом в небо. Вера постаралась разрядить обстановку:

— Любочка, ты напрасно сердишься на Виктора, он тут ни при чем. Мама говорила с Татьяной Васильевной об этой поездке и заранее пригласила твою маму и тебя к Бялуским в гости. Тётя Лёля очень гостеприимная и с удовольствием нас примет. У неё 5 детей, один лучше другого. С ними весело, а их журфиксы в каждое воскресенье — прямо событие на фоне отпуска. Тебе понравится у них, уверяю тебя. А ты посмотри, каким убитым выглядит Витя, он не ожидал такого гнева и не заслужил его.

Люба приподнялась, посмотрела на меня и рассмеялась:

168

— А я на него и не сержусь... За что же сердиться? Витя, ты не думай так. Я вовсе не сержусь на тебя. Просто сегодня я какая-то несуразная и растерянная. А почему — сама не знаю. Чтобы между нами воцарился мир, я спою вам песенку, которая мне очень нравится и всё сидит у меня в голове. Только подвиньтесь ближе, я спою вполголоса, чтобы не привлекать публику.

Мы подползли к Любе вплотную, и она сразу замурлыкала песенку. Я закрыл глаза, щекой я касался её плеча, его теплота передавалась мне, и было так приятно, спокойно и замечательно, что я сильно зажмурил глаза и весь отдался звукам песенки. Голос у Любы был низкий (контральто, наверное), очень чистый, и она владела звуками в совершенстве. Ни одной фальшивой ноты в её пении не было. Молодец! Когда Люба кончила, она пошевелила плечом, к которому я так легко прикоснулся, но не отняла его, а только спросила:

— Витюша, песенка тебе понравилась? Правда, какие хорошие слова?

Она опять повела плечом, но и сейчас его не отняла... Так лежали мы вместе, тесно прижатые друг к другу, и такая волна признательности за доверие и чувство благодарности за дружбу

охватили меня, что я ответил ей:

— Ты очень славно поёшь, Любочка, прямо дрожь охватывает меня всего, когда голос твой становится таким низким, низким... Не сомневаюсь, что тебя ожидает большой успех и слава!

Потом мы ещё долго лежали так, не двигаясь, пока Вера не сказала:

— Что же мы не купаемся? Посмотрите, какое сегодня спокойное море! Так и манит к себе. Люба, Витя, пошли купаться, в глубину. Вода, наверное, теплая, пошли!

Мы встали, вошли в море и поплыли... Вода была чуть прохладной. Маленькие, совсем маленькие волны покачивали нас из стороны в сторону. Лёжа на солнышке, мы порядком нагрелись, и теперь охлаждение было только приятно. Я лёг на спину, это любимый мой стиль плавания, и заглянул в лицо Любы. Сейчас оно было очень спокойным и необычайно красивым. Особенно хороши были её глаза, такие же голубые, как небо, а может быть, ещё более...

— Люба, — сказал я, — глаза твои голубее неба. Уж не русалка ли ты, сознайся, право!

Вдруг Люба и Вера рассмеялись, а Вера сказала:

— Это он подмасливается к тебе, чтобы ты передумала и согласилась ехать на Зелёный мыс вместе с нами. Если ты почему-то не поедешь, Вите будет очень грустно, потому что он необыкновенно быстро привязывается, особенно к девочкам. Ты, видимо, произвела на него впечатление при первом знакомстве, и он уже считает тебя своей лучшей подружкой, а он влюбляется во всех моих подруг — сразу и бесконечно сильно. У меня есть одна очень хорошая подружка Ирочка! Так представь себе, она приходит в гости не ко мне, прямо к нему. Вот видишь, какой он у нас пряткий.

Я прямо обмер от её слов. Ну зачем было говорить здесь, в присутствии Любы, об Ирочке? Да, Ирочка хорошенькая девочка. Но зачем говорить о ней сейчас, здесь?! Неужели нечего было сказать более важного, делающего меня более положительным, чем я начинаю представляться Любочке, поэтому я промолвил:

— Конечно, Ирочка очень хорошая девочка, даже уже барышня, ко мне она приходит, так как я хорошо рассказываю разные действительные и надуманные истории. Считают, что я неплохой рассказчик, вот весь секрет. Это знают все, не одна Ирочка. Поэтому она часто приходит к нам, а не ко мне! Любочка, когда ты приедешь к нам, познакомишься с Ирочкой, то и сама поймешь, что её

нельзя не любить, тем более, она ещё и хорошенькая. Но таких глаз, как у тебя, Любочка, ни у кого нет, хоть под землей ищи!

Я замолчал, но понял, что сказал все так, как было нужно. Видно было, что интерес и любопытство Любы стали ещё сильнее, и я как бы вырос в её глазах. Люба сказала:

— Витя, ты не волнуйся, я передумала и обязательно поеду с вами к Бялусским. Во-первых, меня заинтересовали журфиксы. Я ужасно люблю всякую театральность! Наверное, всё это очень интересно! Во-вторых, я с удовольствием поиграю в теннис, мою любимую игру. Витя, кажется, ты тоже любишь теннис? И в-третьих, такое путешествие, наверное, очень красочно и занимательно, ведь ехать все время нужно вдоль моря. Я поеду с вами обязательно!

По-видимому, я как раз вовремя вступил в разговор. Неизвестно, что могла подумать Любочка, когда Вера так неосторожно начала разговор об Ирочке, да ещё связывая её со мной. Вообще, странно: когда я думаю об Ирочке на фоне Любочки, обе девочки кажутся мне такими близкими, родными и любимыми, что если бы мне предложили выбирать одну из двоих, я не знал бы, что делать и как решить этот вопрос. Мне любви обе и обеих я хочу считать своими подружками. По-видимому, я слишком жадный и хочу очень многого. Не станет ли моя жадность на пути моего развития и моей жизни? Как знать! Что принесет мне жизнь, трудно сказать! Но главное, к чему надо стремиться, — это к познанию науки, искусства.

Вера повернула обратно и сказала, что далеко плавать не может и не будет. Сто метров для неё достаточно, но что мы с Любой можем плыть дальше. Было так хорошо, без свидетелей вдвоем. Смотреть друг на друга, рассказывать интересное, а главное, чувствовать себя близкими друг к другу.

— Однако пора назад, — сказала Любочка, — мы заплыли слишком далеко. Смотри, какой маленький и далёкий берег... Но усталости я не чувствую никакой и могла бы плыть ещё далеко. А как ты? Видно, тоже не знаешь усталости. Научи меня плавать на спине. Мне кажется, это так приятно. Только, конечно, не сейчас, а у берега. Мы заплыли что-то очень далеко. Смотри, мы плывем к берегу, а он все ещё очень далеко.

После часа плавания мы приплыли наконец к берегу, но далеко от дачи. Пришлось отдохнуть. Вернее, отдыхала Люба, потому что я плыл на спине и не устал вовсе. Вот, наконец, мы и на нашем месте. Вера лежит, загорает, а может быть, и дремлет. Даже не

заметила, как появились мы, улеглись рядом. Люба, по-видимому, очень устала. Нельзя ей заплывать так далеко. Это не только утомительно, но и опасно. Впоследствии я испытал, в свое время и во всем величии, все ужасы взбунтовавшегося моря и страха.

Так мы отдыхали до самого обеда. Пришла Люля звать обедать. Сердится, что мы забыли время, приходится ей ходить по жаре за нами.

— Люля, милая, — сказал я, — не сердись! Здесь так хорошо на берегу, что не хочется уходить. В другой раз будем умней. Люба, может быть, ты будешь обедать с нами? Ну, не можешь, тогда я провожу тебя до дома. Подожди, я мигом соберусь.

Я проводил Любу до дома. Она была очень усталая, но, несомненно, довольная. При прощании Люба спросила:

— А ты очень крепко дружишь с Ирочкой? Расскажи мне, но в другой раз, какая она? Очень красивая??? Нет, не говори сейчас, потом. Пока, до свидания, до завтра на нашем месте, но только не опаздывай, как сегодня, я рассержусь.

Я обещал быть вовремя и побежал домой. Мама сделала мне замечание, что если мы не будем следить за временем, она просто запретит ходить на берег. Я сказал, что это в последний раз мы запоздали, будем впредь аккуратнее.

Обед был как всегда обильный и вкусный. Вера пожаловалась, что я далеко плаваю. Мама посмотрела на меня строго, но ничего не сказала. Придётся несколько дней воздерживаться от глубоких заплывов, а они, как раз, возможность быть с Любочкой наедине. Мама странная... Если человек умеет хорошо плавать на спине, лежать на воде без движения, то есть лежать, дышать и отдыхать, ему не страшны никакие заплывы. Но разве взрослые понимают эту азбучную истину?

Дни шли за днями — привычными и очень быстро летящими. Одно было очевидно: они полностью были посвящены дружбе с Любочкой. Мы так привыкли друг к другу, что посторонних просто не замечали, как будто они были вне нашей жизни. Наступило воскресенье. Встали рано и уже в 6 часов были на вокзале. Надо иметь в виду, что Кобулеты протянулись вдоль берега на многие километры, и от нашей дачи ехать на линейке нужно было не менее 40 минут. Заказанные нами линейки подали к 5 часам, и мы прибыли на вокзал незадолго до прихода поезда. В открытом вагоне, куда мы обязательно хотели попасть, было много народа. Это в основном были крестьяне, которые спешили на Батумский

базар с грузом овощей и фруктов. Всю дорогу до самого Зелёного мыса пришлось стоять. Мы везли с собой целую корзину раков, которые были нами заказаны заблаговременно. Кобулетские раки славятся на всём побережье грандиозными клещами. Наверное, тётя Лёля будет довольна такому подарку. Мы никак не ожидали, что нас встретят, однако на платформе стояли Света и Костя, приветствуя нас.

Татьяне Васильевне и Любе мы представили наших кузенов, и я с беспокойством заметил, с каким вниманием и восхищением Костя посмотрел на Любу. Почему-то это мне не понравилось.

Оживленно беседуя, мы быстро дошли до ворот дачи. Обычно с платформы или с моря мы шли по верхней тропинке, сразу прибывая на верхнюю спортивную площадку дачи, но сегодня молодежь повела нас к воротам, наверное, чтобы показать гостям водный каскад, так красиво пробивающийся сквозь зелень. Итак, мы поднимались к даче по главной лестнице вдоль каскада, любуясь, как вода пенится и падает с порога на порог. И действительно, картина была прекрасная и очень понравилась гостям. А я тем временем прославлял Никодима Антоновича, ведь каскад — дело его рук. Сколько сил, настойчивости и умения проявил он, используя ручей, текущий между гор, для устройства нескольких прудов и бассейнов вдоль каскада.

Мама представила тётю Лёле гостей, и всех пригласили за стол, на котором стояли вкусные закуски. Надо сказать, что всем хозяйством ведала тётя, и прислуга была ею хорошо обучена. За столом сидело много народа. Были и барышни с дачи Бараташвили. С нашим появлением они набросились, к моему ужасу, на меня и затараторили:

— Что же ты нас подвел в позапрошлом году? Обещал прийти и рассказать интересную историю, мы тебя всем расхвалили как изумительного рассказчика, а ты вместо этого взял и удрал с Зелёного мыса, даже не предупредив нас. Так порядочные мальчишки не поступают. На этот раз тебе от нас не уйти.

— Наш отъезд был внезапным, — ответил я, — и мы не могли вас предупредить. Кроме того, никакой даты моего выступления не назначалось. Что касается сегодняшнего дня, то ведь мы живём в Кобулетах и должны вернуться домой сегодня же. Так что с рассказом, по-видимому, ничего не выйдет. Жалко, но ничего не поделаешь, — прибавил я примирительно.

— Ты что-то очень задаёшься, — сказала младшая. — Не мо-

жешь — и не надо, обойдемся. Ричард рассказывает, наверное, не хуже тебя...

Сказала — и убежала... Мне стало как-то неловко, хотя никакого высокомерия я не проявил. Рассказываю я всегда с охотой. Кривляние мне не свойственно. Если встречу этих девушек, договоримся о чём-нибудь на сегодня. Однако вряд ли что получится... Играли в теннис. Я с Любой — с одной стороны, и Светлана с Котиком — с другой. Как ни удивительно, мы партию выиграли — 7:6. Конечно, самым слабым игроком был я, и Любе приходилось играть за двоих. Молодец! Играла она в теннис отлично. Метко и расчётливо она принимала драйвы противников. Единственное, что я умел делать, — подачу: резко и точно в самый угол квадрата, заставляя противника метаться из стороны в сторону. И как ни странно, мои подачи всегда приводили к выигрышу. Как мне сказала позже Люба, как новичок и молодой игрок я молодец и буду впоследствии играть в теннис отлично.

— Ты не очень на меня в претензии за мою плохую игру? Ведь в теннис я играл очень мало и упражнялся преимущественно ударами в стенку; но стенка отдает мячи слабо, поэтому сильные удары противника мне совершенно не по руке, вот я и мажу, принимая их.

— А ты не огорчайся, — сказала Люба, — имей в виду, что главное в теннисе — это подача. Играя с мёртвой подачи, всегда будешь в выигрыше. Подумай, ведь мы выиграли у крепких игроков, Светы и Кости, которые играют в теннис уже несколько лет.

— Мы выиграли, Любочка, — сказал я, — благодаря твоей прекрасной игре. Ты даже не представляешь, как хорошо и расчётливо ты принимаешь очень резкие драйвы противников. Нет, ты просто молодец, и я за это должен тебя поцеловать.

Но Люба спокойно отстранилась от меня и посмотрела на меня удивлённо и предупредительно. Я сразу скис... Потом гурьбой мы пошли на берег купаться. Море было спокойное, голубое и чистое. Как-то вышло так, что Татьяна Васильевна задержала меня вопросами, а все — Света, Костя и Люба — уплыли в море далеко без меня. Вера валялась на берегу и не хотела в море. Когда я наконец освободился от вопросов, все мои были очень далеко в море и надо было добираться до них долгое время. Не успел я отплыть от берега, сетуя на Татьяну Васильевну, как откуда ни возьмись рядом со мной оказалась девочка с дачи Бараташвили. Она, смеясь, заявила:

— Вот я и поймала тебя, Виктор, так что ли тебя зовут? Плы-

вём вместе. Твои забыли о тебе и уплыли. Смотри, их даже едва видно. По дороге ты должен мне что-то рассказать. О тебе ходит слава как о чудесном рассказчике! Вот и докажи мне, что ты можешь без подготовки рассказать какую-нибудь интересную, пусть даже короткую, историю. Можешь или нет? Говори!

Меня взял задор. Конечно, могу рассказать любую, сразу придуманную историю. И я начал:

— На богатой парусной яхте по океану недалеко от берегов Англии плыла прекрасная, богато одетая девушка. Ей было 16 лет. Отец ее, богатый судовладелец, души не чаял в своей единственной дочери. Он считал, что она выйдет замуж за какого-нибудь лорда или графа знатной фамилии и почётного рода. Но дочь ни на кого не хотела смотреть и решительно отвергала все ухаживания претендентов на её руку. А их было много, и все знатного рода. Когда она заявила, что хочет попутешествовать, отец не стал перечить, купил дорогую яхту и сам проводил её в путь. Одно, что он потребовал от нее, — быть осторожней, во всём доверять опытному капитану и немедленно повернуть назад, когда ей наскучит плавание.

174

И вот в сумерки она сидела на палубе под лаской тёплого ветерка и предавалась мечтам. Вдруг совсем недалеко от неё раздалась песенка. Песню пел молодой матрос, сидевший на кубрике, по видимому, думая, что никого нет поблизости и никто его не слышит. Матрос пел о прекрасной девушке, которую он встретил на берегу и сразу влюбился в неё. Кто она такая, видела ли она его, или он остался незамеченным ею совсем? Во всяком случае, он проследил, где она живёт, узнал, кто она такая: что она богатая и недоступная, гордая и никого не признающая. Сам юноша был сыном разорившегося барона, и поэтому никакой надежды на взаимность у него не было. Юноше было 17 лет. Он тайно стал следить за любимой. Когда до него дошли слухи, что она отвергла всех сватавшихся за ней богачей и вельмож, ещё более ясно понял, что никогда не сможет добиться даже улыбки любимой. Узнав, что девушка отправляется на прогулку на яхте отца, он устроился в команду судна юнгой и отплыл в путешествие, уверенный, что никогда девушка не узнает о нём, о его увлечении ею, о его безумной любви к ней.

И вот, в прохладный вечер, полный безысходного горя от своего безнадежного положения, он сидел на кубрике и пел. Голос у него был ангельский, а песня нежная и задушевная. Песнь заворожила девушку. Что-то внутри подсказало ей, что в этой песне заключается её судьба, что она всю жизнь ждала этого пения и встречи с этим

юношей. Кто он? Откуда такое искусство пения? Девушка встала, подошла к балюстраде и очутилась лицом к лицу с юношей. От неожиданности юноша обомлел и остался неподвижным. Перед ним стояла его любимая, с любопытством смотревшая на него. Девушка была поражена необыкновенной красотой юноши.

— Юноша, кто ты? Как попал на мою яхту? Говори смело и не бойся меня. Я здесь хозяйка, всё подчинено мне. И если у тебя есть желание, я исполню его без колебаний. Говори!

— О, прекрасная госпожа! Я юнга на твоём корабле. Я готов служить тебе, исполняя все твои желания. Мое желание одно — быть у твоих ног и подчиняться любому твоему желанию...

Девушка засмеялась и сказала, что рада присутствию юноши на яхте и что она охотно какое-то время дня будет проводить с ним в беседе и обязательно слушать его пение. С этого дня юноша и девушка большую часть дня проводили вместе и, конечно, полюбили друг друга вечной и самозабвенной любовью.

В этот момент я задумался, как мне завершить рассказ: подмывало закончить трагически, но слушатели не любят мрачный печальный конец. И я, не задумываясь больше, продолжал:

— Однажды внезапно налетел ветер, надул паруса, затем он усилился и принудил капитана спустить паруса, завести моторы и направить яхту к невидимому далекому берегу. Ветер крепчал, бросал яхту из стороны в сторону. Волны все росли и росли, они начали захлестывать судно и перекатываться через палубу.

Юноша был около девушки, успокаивал её и поддерживал её бодрость. Вдруг раздался страшный треск, яхта переломилась пополам. Все очутились в воде. Юноша крепко одной рукой держал девушку, а другой грёб, как ему казалось, в направлении берега. Девушка была почти без сознания, но крепко держалась за юношу, мешая ему плыть. Постепенно юноша начал терять силы и подумал, что если ему суждено умереть, он умрет в объятиях любимой. Совсем стемнело, море ревело, и конца ему не было... Но когда юноша начал уже терять последние силы, внезапно почувствовал под ногами дно, и через минуту гигантская волна вынесла его и девушку, стиснутую в его объятиях, далеко на песчаный берег залива. Надо было, не теряя времени, оттащить девушку подальше на берег, чтобы другая такая же гигантская волна не смыла бы обоих в море.

Никогда впоследствии юноша не понимал, откуда взялись у него силы, чтобы поднять девушку на руки и отбежать далеко от

прибоя. Девушка лежала на руках юноши без движения. Казалось, что она не дышит, но когда юноша прижался к её груди головой, то почувствовал слабое биение сердца, и радость охватила его всего. К берегу бежали люди. Это были рыбаки. Они приютили у себя молодых людей, оказали им первую помощь. А узнав, кто она такая и кто её отец, оказавшийся им всем хорошо известным, обрадовались вдвойне и постарались поскорее известить его о спасении дочери. Отец был до того счастлив, что в тот же час согласился на её брак с юношей, тем более что юноша оказался хотя и разорившимся, но настоящим бароном. Юноша и девушка прожили долгую и счастливую жизнь.

— Вот и всё, — сказал я, — мы как раз доплыли до места встречи с моими друзьями. Люба, Света, Костя — привет! Что это вы забыли меня? Вернее, бросили меня на берегу и уплыли без меня.

— Люба, смотри, — сказал Костя, — ты беспокоилась о Витеньке, а он, не долго думая, подцепил девочку и заговаривает ей зубы.

— Костя, ты прав, — заявила девушка, — я убедилась, что Витенька — непревзойдённый рассказчик. Я и не заметила, как мы приплыли к вам: таким интересным, захватывающим был для меня его рассказ. Молодец, Витенька, спасибо! Как это так просто у тебя получается, слова льются как музыка, проникают прямо в сердце. Спасибо, спасибо...

Люба, я видел, нахмурилась и смотрела куда-то в сторону. Я ясно видел, что восторги барышни из баратовской¹⁵ дачи ей не по душе. Молча плыли мы обратно к берегу. Я повернулся на спину и сильными взмахами рук намного опередил плывущих. Я думал о том, что, наверное, ни к чему было рассказывать для незнакомой и чужой мне девушки. Теперь Любочка будет на меня дуться и даже, может быть, не захочет со мной разговаривать, считая меня легкомысленным и непостоянным. И зачем я закончил рассказ счастливым исходом? Лучше было бы утопить их обоих в пучине океана. Тогда впечатление у девушки с баратовской дачи было бы другое, и все закончилось бы для меня благополучно.

Наконец мы приплыли к берегу, где застали только Веру, которая не хотела уходить домой без нас. Она сказала, что, если мы продолжим далёкие заплывы, она с нами на берег ходить не будет. Конечно, с нашей стороны было не по-товарищески покидать её одну на берегу. Мы рассыпались в извинениях, Вера размякла, перестала сердиться, и все дружно двинулись домой, где нас ждал

¹⁵ Дача Бараташвили.

обильный обед. Все были голодные и торопились прийти поскорее и сесть за стол. Однако обед ещё не был готов, и мы разбрелись по комнатам. Я схватил книгу Хаггарда из коллекции Бялусских и засел за «Клеопатру»¹⁶. В прошлое пребывание на Зелёном мысу я прочитал её, но хотелось перечитать или прочитать снова, так как трактовка истории Клеопатры Хаггардом мне особенно нравилась. Кроме того, я предполагал, что хотя я не совершил никакого предательства по отношению к Любе, но лучше заслужить прощение, чем упорствовать и не добиться ничего.

Зазвенел звонок, призывающий всех в столовую на обед. За столом шли оживлённые разговоры о достоинствах усадьбы тёти Лёли и о спорте. Люба ни разу не посмотрела в мою сторону, что означало мою опалу. Мысли мои вертелись в голове, я придумывал способы разрушить стену неприязни и обиды, планов возникало много, но ни один не гарантировал быстрого успеха. Пообедав, все разошлись по своим комнатам. Я вновь занялся Клеопатрой. О ней написано много романов различными авторами, но правда об её отношении к Юлию Цезарю (или, может быть, это был Марк Аврелий?) остаётся невыясненной. Также неясными были обстоятельства смерти цезаря. По-видимому, надо придерживаться версии Хаггарда, который является одним из последних повествователей трагедии.

Сегодня будет журфикс, не знаю, придется ли мне выступать (тетя ничего не говорила; наверное, программа уже составлена и для меня времени не остается). Если придётся выступать, расскажу сцены из «Клеопатры», сюжетов там сколько угодно, дай только волю. Время приближалось к семи, надо было идти на журфикс. Я зашёл сначала за Татьяной Васильевной, затем за мамой и Верой. Все вместе спустились в столовую, которая теперь была превращена в зал. Тётя Лёля, Никодим Антонович, Татьяна Васильевна и дети были уже на своих местах, не хватало только нас и Люли.

Когда все расселись по местам, тётя Лёля, как обычно, сделала обзор за неделю, отметила провинности и особо остановилась на том, что Костя уезжал на один день в Батуми, а пробыл там три дня, не представив никаких веских объяснений своей задержки. Потом она объявила, что сегодня у нас в гостях новые интересные люди, она назвала Татьяну Васильевну и Любу, знакомство с которыми — честь и удовольствие для семьи Бялусских, что отец Любы — большой ученый, безвременно погибший. Об этом я ничего не знал

16 «Клеопатра» — роман, написанный Генри Райдером Хаггардом (1856–1925). Впервые опубликован в 1889 году.

и с особым интересом посмотрел на Татьяну Васильевну и на Любу. Люба смотрела в сторону, на меня ни разу не взглянула. Значит мне отставка полная, но за что?

Тётя объявила, что первой выступает Света со своими новеллами, — новым «сонетом», за ней вне программы выступит прибывший в гости рассказчик Виктор Михайлов. Все знают, что готовиться ему к выступлению не надо, он всегда готов. И в этот момент в столовую вбежали девушки с баратовской дачи, все запыхавшиеся и мокрые от напряжения. Они обратились к тётё Лёле, которая посмотрела на них строго, и попросили извинить их за опоздание. Никто на них и не сердился, так как журфикс только начался. Пришедшие заняли места, и на авансцену — на свободное место у конца стола — вышла Света, а за рояль села сама тётя Лёля. Оказывается, сонет был с музыкальным сопровождением. После небольшого музыкального вступления Света начала свой сонет. Красивые, тщательно подобранные слова сонета, произносимые особо музыкальным голосом Светы, проникали прямо в душу, вызывая чувство удовлетворения и радости. Как это Света может так точно и правдиво выбирать слова в рифму?! Я всегда завидовал Свете и всеми силами старался сочинить стихи, но ничего путного у меня не получалось. Фразы, выражения шли в рифму, но были тяжелыми, надуманными и отвергались мною немедленно. Сонет был длинным и всё более захватывающим. Слушатели сидели молча. По их лицам было видно, что они получают истинное наслаждение. Света закончила, замер рояль, и все зааплодировали, так талантливо было выступление!

Татьяна Васильевна не могла не воскликнуть:

— Это нечто замечательное, Света! У Вас необычайный талант. Вас ждёт невероятный успех и слава.

Света улыбалась и спокойно принимала поздравления. Тётя Лёля подошла и поцеловала Свету. Конечно, ей было приятно иметь такую дочь. Следующим выступал Костя, он сел за рояль и стал рассказывать разные смешные случаи и истории, аккомпанируя самому себе на рояле. Было смешно и весело, собравшиеся смеялись и аплодировали. Но, конечно, его выступление не шло ни в какое сравнение с «сонетом» Светы. Очередь дошла и до меня. Я без волнения вышел и заговорил:

— Я позволю рассказать вам некоторые сцены из жизни знаменитой женщины древнего мира Клеопатры. Сведения о ней очень противоречивы и во многом невероятны. Но все говорят о необы-

чайной красоте этой женщины, о её поразительном уме и необыкновенной храбрости. По моему рассказу вы это должны почувствовать.

И я начал рассказ, сначала монотонно и тихо, затем всё оживлённее и оживлённее. Властно и гордо звучал мой голос, когда я описывал деятельность Клеопатры. Мне хотелось словами выразить то очарование, которое исходило от этой женщины, она была красива, голос её напоминал звук ангельского пения. Одним словом, я старался не ударить в грязь лицом. Тихонько поглядывая на лица слушающих, я убеждался, что мне удалось захватить их всех целиком. Люба смотрела на меня с широко открытыми глазами, почти не моргая, ловя и переживая каждое мое слово. Так же внимательно слушали все остальные, особенно моя злополучная девушка по плаванию из баратовской дачи. Такой же немигающий взгляд, такое же внимание к каждому слову. Говорил я минут 40. Описал знаменитую сцену во дворце и трагическую сцену у сфинкса. Наконец я кончил. Стоял молча, ожидая, как оценят мой рассказ. Все долго молчали. Первая заговорила тётя Лёля:

— Витюша, ты всегда несколько преувеличиваешь события; наверное, всё было не так напыщенно и трагично. Но говорил ты хорошо. Жаль, что ты смог рассказать не всю историю Клеопатры, а только выдержки.

— Это было прекрасно, — сказала Татьяна Васильевна, — и у тебя большой талант артиста, ты можешь стать известным драматургом или артистом сцены. И ещё скажу тебе наперёд: большой успех тебя ждет у женщин, которые будут тебя любить. Смотри не обижай их. А в целом — это было прекрасно!

В том же духе высказались все остальные слушатели моего выступления, особенно неистовствовала девушка из баратовской дачи. Ей вторила другая её подруга. Одним словом, все остались довольны. Одна Люба ничего не сказала. Я подошёл к ней и шёпотом сказал:

— А рассказывал я это для одной тебя... Мне не нужны никакие похвалы, кроме твоей, и это главное.

Разговор оборвался потому, что тётя Лёля объявила, что теперь тоже вне программы выступит Люба под аккомпанемент своей матери, Татьяны Васильевны. Люба посмотрела на меня очень серьёзно и пошла на помост. Татьяна Васильевна села за рояль, и Люба после небольшого рояльного вступления запела. Я уже говорил раньше, что у неё замечательный контральто... Сегодня

она пела особенно хорошо, при этом всё время смотрела на меня, как будто и слова её предназначались только для меня. Мне вдруг стало так радостно, так приятно, как будто яркие лучи солнца упали прямо на меня, освещая и согревая мое сердце. Было трудно, прямо невозможно описать восторг, который охватил всего меня. Я пялил на Любочку глаза, стараясь впитать в себя эти такие сладкие и проникновенные звуки. Действительно, голос у Любочки был божественный, это было видно по тому, как воспринималось её пение...

Когда Люба кончила, все громко зааплодировали, а тётя Лёля подошла к Любе и крепко её расцеловала. Я поймал себя на мысли, что и я с удовольствием сделал бы то же самое, но решил, что это не мальчишечье дело. Мне пришлось выступить ещё раз в игре на рояле. Я сыграл вторую часть концерта Аренского¹⁷ и заслужил похвалу. Ко мне подседа эта назойливая баратовская девица, и я никак отделаться от неё не мог. Мне же хотелось быть около Любочки.

Наконец журфикс закончился, и все пошли на воздух — бродить парами и по трое по бесконечным аллеям сада. Тут уж я не дал маху и присоединился к Любочке. Я сказал, что покажу замечательное явление, которое можно увидеть только при луне, и я почти насильно повёл её вниз по главной аллее. Наконец-то мы были с Любой одни. Я шёл и всё время говорил, какое впечатление на всех произвело её пение, и на меня особенно, что было какое-то особое опьянение, каждый звук её голоса доходил до сердца.

— Ты преувеличиваешь! — сказала Люба. — Ты опасный человек! Совсем вскружил голову этой девице из баратовской дачи, так прямо бросается на тебя... Мама говорит, что, хотя ты ещё маленький, но уже опасный. И что тебя надо остерегаться. Вот я и остерегаюсь...

Сказала, засмеялась, взяла мою руку, крепко пожала и не отпустила. Так мы шли рука в руке вниз, пока не очутились перед водным каскадом. Тут Люба увидела то явление, о котором я ей говорил. И действительно, в струях падающего каскада лучи луны переливались всеми цветами радуги. Было так красиво, что Люба всем телом прижалась ко мне, и мы стояли так неподвижно долго, долго...

Вдруг с веранды раздался голос, зовущий Любу: «Люба, где ты?» Мы вздрогнули, посмотрели ласково друг на друга, и я закричал в

¹⁷ Аренский Антон Степанович (1861–1906) — русский композитор.

ответ:

— Мы здесь, внизу, у каскада, идите сюда смотреть, как красиво.

Мой призыв возымел действие, и вскоре вся компания подошла к нам и застыла в восторге и упоении... И действительно, зрелище было неопишимо прекрасное. Все стали высказывать удовлетворение и радость. Было уже поздно, надо было идти пить чай и ложиться спать. За чаем я старался всё время быть возле Любочки, немедленно исполняя каждое её желание. Так я готов был просидеть всю ночь. Но тётя Лёля скомандовала — всем ложиться спать. Я попрощался с Любочкой самым дружеским образом, она уже больше не сердилась на меня и была мила и дружески настроена.

Улёгшись в постель, я стал обдумывать слова Татьяны Васильевны, которые я воспринял как укор за свойственный мне недостаток — чрезмерно всем увлекаться... Но в чём этот недостаток? То, что я лучше уживаюсь с девочками, чем с парнями? Я давно уже почувствовал, что по развитию и образованию я, несомненно, старше своего возраста и нахожусь на уровне 13–14-летнего юноши. Именно мне хорошо и приятно проводить время с девочками в возрасте моей сестры, 12–13 лет. Что же в этом плохого!? И, уже засыпая, решил, что всё в порядке и надо жить как хочется, дружить как дружится, любить как любитесь...

Утром встали рано и побежали к морю. Любочка была весёлая, радостная, улыбающаяся... С ней было хорошо. На море мы резвились. Далеко не плавали потому, что не было времени. Завтрак прошёл в оживлённых воспоминаниях вчерашнего журфикса. Люба заслушала похвалу её голоса и тут же она заявила:

— А всё-таки гвоздем вчерашнего вечера было выступление Михайлова (так и сказала!). Мне всю ночь снилась Клеопатра, Юлий Цезарь и их всепоглощающая любовь. Витенька передал их отношения очень образно и красиво. Надо уметь так говорить!

Для меня её выступление было неожиданностью и большой радостью. Значит, я достиг цели, ведь я рассказывал всё только для неё, для неё одной. Она это понимала и слушала. Да, я достиг цели. После завтрака играли в теннис. Я против Любы. Конечно, я проиграл, но мои подачи были сильные, и Люба с трудом отбивала их. Её подача была слабее моей, но в целом игра была не равная и закончилась моим позорным проигрышем — 6:1.

— Любочка, поверь мне, не пройдёт и двух-трех лет, как я легко буду обыгрывать всех и тебя тоже.

Люба улыбнулась и сказала, что пора идти на море, ведь мы последний день на Зелёном мысу. Купались мы воодушевленно и с большим удовольствием. Я демонстрировал свое умение глубоко нырять. При этом поднимал со дна моря всякие водоросли и рассказывал, каких рыб видел на глубине. Любочка радовалась и смотрела на меня как на героя. После обеда мы должны были уезжать. Но уезжать не хотелось, так сердечно и дружески нас здесь принимали. Тётя Лёля предложила погостить ещё денька два, но мама сказала, что это расходится со всеми нашими планами, поскольку надо уже думать о возвращении домой. Последний раз собрались все вместе за обедом. Тётя Лёля превзошла себя в обилии закусок, всяких яств и порадовала огромным тортом-пудингом, которым завершила обед. Обильно были представлены различные фрукты. Тётя Лёля ещё раз обратила внимание на большой талант Любы и посоветовала уделить ему особое внимание и все время продолжать совершенствовать искусство пения.

— Что касается тебя, Витя, — сказала она, — ты уже достиг большого совершенства в сочинении и в рассказывании. Держись на этом уровне — и тебе успех обеспечен. Не забывай музыку, к ней у тебя несомненные способности. Не забывайте нас. Мы всегда всем рады. Встретим как дорогих гостей. И гостите у нас сколько захочется.

182

Так мы были ею обласканы. Уезжали, довольные и поездкой, и любезным приёмом. Провожать нас пошли все Бялусские — от старших до самых маленьких. И вот мы — я, Люба, Вера, Люля, Татьяна Васильевна и мама — сидим в открытом вагоне и едем к себе в Кобулеты. Почему-то клонит ко сну. Смотрю, Люба положила голову на плечо матери, тихонько дремлет под покачивание вагона поезда. Ехать было недолго. Быстро выгрузились из вагона, сели на линейки — и вот мы дома. Тепло расстались с соседями — Любочкой и её мамой — и без чаепития и еды залегли спать.

Летний отдых подходил к концу. Мама уговорила Татьяну Васильевну и Любу ехать с нами в Кутаиси, пожить у нас недельку, а затем папа проводит их прямо до Тифлиса. Такое решение было мне по душе, потому что я бесконечно привязался к Любочке, ходил за ней по пятам и исполнял все её желания. Ещё захотелось мне познакомить Любочку с Ирочкой, показать, какая та замечательная девочка. Добиться их дружбы — и в результате быть счастливым самому с такими замечательными моими подругами. Ну и, конечно, продемонстрировать наш сад. Я просил написать Петру, нашему

садовнику, чтоб подготовил сад к приезду гостей.

За нами в Кобулеты приехал папа... И вот мы сидим в поезде, занимая два купе мягкого вагона скорого поезда Батуми — Тифлис: в одном купе — папа, мама, Татьяна Васильевна; в другом — Люба, Вера, Люля и я. То, чего я так страстно желал всё время, сбылось... К нам в гости едут Татьяна Васильевна и Люба. Папа познакомился с ними на даче, и у него сложилось самое хорошее мнение об этой семье.

Мне предстоит показать наш сад — папа так и сказал, что это моё дело, я за него целиком отвечаю. Когда же я спросил его, как Пётр подготовил его к показу, папа ничего не смог ответить. Я ранее как мог настраивал Любу на необычайный, зачарованный образ нашего сада, и теперь немного беспокоился: не перехвалили ли я его? Люба ведь может разочароваться.

В дороге, сидя рядом с Любочкой, я упивался её присутствием и, захлебываясь, рассказывал одну историю за другой. Она слушала меня внимательно, перебивая иногда. Люля и Вера тоже слушали меня, но без интереса. Наконец Люля сказала:

— Витюша, ты, наверное, никогда не кончишь рассказывать. Неужели ты не устал? И откуда берётся у тебя материал для рассказов? Давай прервемся и покушаем. Ведь утром мы лишь слегка закусили бутербродами.

Люля открыла корзинку и извлекла из неё пакеты с различными закусками. Молодцы наши повар и кухарка, они позаботились о нас от души. С большим удовлетворением мы уничтожили вкусно приготовленные закуски. Половину Люля отнесла взрослым в соседнее купе. В это время мы подъезжали к станции Самтреди¹⁸, вскоре после которой должны были прибыть на станцию Рион¹⁹, где предстояло пересаживаться на тупиковый поезд до Кутаиси. Езды было не более часа. Люля начала волноваться, торопить нас готовиться к выходу из вагона. В Рионе поезд стоит всего 5 минут.

Вот мы и дома. Пересадка, поездка до Кутаиси, затем на фаэтонах до дома, заняли не более двух часов. Тут Люба узнала, что мы живём в собственном доме, вернее, в доме дедушки, но который, практически, принадлежал маме. Гостиная мама поселила в кабинете отца. Разделись, помылись, и наступил главный момент. Мама сказала:

— Витя, поведи гостей в сад, покажи его им. А мы с Люлей и

18 Самтредия — город в западной Грузии, административный центр Самтредского муниципалитета.

19 По названию реки Риони, одной из крупнейших в Закавказье.

с горничной накроем на стол. Вы, наверное, проголодались. Вера, пойдёшь с ними, а то Витя забудет, что надо через час быть к столу, так увлечётся своим садом.

— Ты, мама, всегда преувеличиваешь, — сказал я. — Я помню время, и ровно через час мы будем за столом. Кстати, где дедушка? Почему он нас не встречал?

— Дедушка задержался в городской думе, но к обеду он обязательно придёт и поприветствует гостей. Он любит новое общество и обязательно придёт.

Я встал во главе всей компании, и мы вышли во двор. Тут Вера обратила внимание гостей на свою липу.

— Эта липа, — рассказывала она гостям, — посажена в день моего рождения, 12 лет тому назад. Вы видите, какая она уже высокая и раскидистая. Я ухаживаю за ней и напоминаю, когда её надо поливать, когда чистить от сухих листьев. Видите, какая она молодая, зеленая и лесистая. Как много листьев на ней. Интересно, какая она будет через 10 лет, когда я выйду замуж.

— А у тебя на примете есть жених? — спросила Люба.

— Ну что ты, Любочка! Какой жених! Мне ведь всего 13 лет.

184

Так, разговаривая, мы шли вдоль нового жилого корпуса, в строительстве которого я принимал непосредственное участие. Я не преминул об этом заявить с гордостью. Мы подошли к воротам ограды сада. За оградой стояли наши фруктовые деревья, создавая сплошной массив из листьев и веток. Это уже произвело впечатление, и Люба заметила:

— Какой большой массив деревьев!

Войдя в ворота, мы пошли дальше по главной аллее. На первой же поперечной аллее я остановил гостей и обратил их внимание на то, что дорожки посыпаны жёлтым кирпичом и с обеих сторон обсажены вечнозелёным, аккуратно подстриженным кустарником — вербой. Молодец, Пётр! Под прямоугольник подстриг кустарник, образовав таким образом продольный непрерывный барьер вдоль аллеи, высотой 50–60 см.

Всем аллеи понравились. Прошли первую, вторую поперечные аллеи и на третьей опять остановились. Здесь я показал деревья унаби, и мы пошли по этой аллее до стены завода Лагидзе. Под стеной простирался малинник, и на кустах малина висела гроздьями — спелая и аппетитная. Люба бросилась в малинник и сорвала несколько ягод. Я поспешил предупредить, что лакомиться

малиной мы придём после обеда, а сейчас наедаться ягодами и фруктами нельзя. Мы прошли вдоль малинника до следующей поперечной аллеи, и тут я продемонстрировал огромные чёрные сливы сорта греческий чернослив, которые заманчиво висели на деревьях, растущих вдоль аллеи. Мы пересекли главную аллею, и я с удовольствием показал грушевые деревья, на которых было много груш, но ещё не совсем созревших. Тут мы вышли в боковую аллею, параллельную главной, которая шла вдоль дедушкиного особняка. Я не удержался и пожаловался на то, что строительство этого особняка привело к тому, что пришлось уничтожить замечательный виноградник. На этом месте раньше созревало 5 отборных сортов винограда. Мы вышли на четвертую поперечную аллею и вернулись на главную, по которой пошли к спортплощадке, обсаженной с обеих сторон мушмулиновыми деревьями. Здесь главная аллея разделилась на две круговые аллеи, сходящиеся далее вновь в одну, упирающуюся в беседку. Я не удержался и пригласил Любочку взлезть на мушмулиновое дерево, при этом сказал:

— Ты не бойся, иди за мной, держись за ветки. Это совершенно не трудно. Видишь, земля уже не видна. А вот и моя зала, где на ветвях можно сидеть, можно лежать и, главное, можно рвать мушмулу и кушать ее. Татьяна Васильевна, вы не бойтесь, — крикнул я, — мы сейчас спустимся вниз. Всего несколько минут. Вера! Покажи Татьяне Васильевне нашу беседку и расскажи ей о её тайнах.

Мы с Любой уютно устроились на дереве. Здесь мы были совсем одни и не хотели спускаться вниз. Я смотрел на Любу и чувствовал, что ей тоже здесь хорошо. Однако надо было спускаться вниз и, нехотя, мы вернулись на аллею у беседки. Вера что-то оживлённо рассказывала Татьяне Васильевне и смеялась. Я заподозрил, что она проходит на мой счет. И действительно, когда мы подошли к беседке, Татьяна Васильевна сказала, смеясь:

— Оказывается, Витенька, ты всех подруг Веры заманиваешь в свои таинственные места и там их очаровываешь. Ты очень опасный мальчик. Люба, ты должна его опасаться, он колдун.

Сказала и похлопала меня по плечу.

— Однако ваш сад действительно зачарованный. Я даже не предполагала, что он такой ухоженный и большой. Куда же дальше идти? Показывай, но на деревья Любу не зазывай! Она лазить по деревьям не привыкла, ещё сорвётся.

— Теперь идём налево, к Риону, — сказал я. — Идти будем вдоль клубничных грядок, но сейчас сезон клубники прошёл, и на

рядках ничего нет. Аллея, по которой мы идём, новая, здесь высажены персики. Но деревья молодые, и плодов ещё очень мало, всё в будущем.

Пошли дальше.

— Наша набережная обсажена деревьями акации, но они тоже молодые. Посажены акации трех сортов — белая, розовая и сиреневая. Смотрите, какой маленький Рион! Его русло далеко отошло от стены. Практически не трудно перейти его вброд. Но в половодье Рион страшен. Он поднимается на 3-5 метров, стремительными волнами оmyвает стену набережной. И стоять на стене жутко, лучше не подходить к барьеру. Набережная начинается на Водовозной улице, идёт до Заводской и имеет длину 150 метров. Мы планируем построить на набережной крытую беседку, в которой будут помещаться читальня, буфет, игорные снаряды и другие устройства подобного рода. Вы представляете себе?!

— Витенька, мы сильно задержались, сейчас мама пришлёт кого-нибудь за нами и будет сердиться на нас, что мы задерживаем обед.

186

И правда, не успела Вера сказать это, как раздался голос Люли, которая звала нас. Мы тотчас отозвались, поспешили поскорее добраться до дома, что потребовало не менее 5 минут времени, так как находились мы в самой далёкой точке сада.

В столовой уже все были в сборе. Дедушка сидел во главе стола. Он встал и поприветствовал Татьяну Васильевну и Любу. На последнюю он посмотрел очень внимательно, по-видимому, мама ему о ней рассказала и, наверное, связала Любу со мной. Потом дедушка посмотрел на меня, улыбнулся и сказал:

— Витя, ты, надеюсь, не ударил лицом в грязь и показал твой сад во всём его блеске? Вы знаете, этот молодой человек — потому что, поверьте, он уже далеко не мальчик! — влюблён в наш сад и, наверное, в честь этой любви Пётр, садовник, изо всех сил ухаживает за садом и держит его на хорошем уровне. Я тоже люблю этот сад и стараюсь служить ему в силу моих возможностей.

— Дедушка, — воскликнул я, — можешь ли ты сомневаться, что я объективно описал наш сад, который создан тобой. Если бы не ты, разве могли бы мы владеть таким великолепным творением твоего таланта, твоей настойчивости? Нет, сад — реклама твоего имени. Ты ведь прекрасно знаешь, что говорят о нашем саде в городе.

— Ну, погоди, — воскликнул дедушка, — доберусь я до тебя, подлиза ты такой... Вы ему не верьте, Татьяна Васильевна. Если говорить правду, всё сделал Петр, наш садовник. Я завтра вам его представляю. Ну, садитесь же за стол. Хочется кушать. А ты, Любочка, очень хорошенькая, прямо картинка, совершенство. И, как видно, вся в вас, Татьяна Васильевна.

Любочка от такой похвалы вся залилась краской и опустила голову, потом поглядела на меня и сделала приветствие рукой. Значит, наша дружба с ней ни на минуту не ослабевает, несмотря на намеки, сделанные Верой в беседке. Обед прошёл в разговорах о саде, об отдыхе в Кобулетах и наступающей школьной работе. Говорили в основном, как всегда, взрослые. Мы отвечали на вопросы, когда нам их задавали. Правила поведения за столом детей поддерживались с большой непреклонностью, а вот переглядываться друг с другом законами стола не запрещалось, и мы — я, Вера и Люба — пользовались по возможности этими способами взаимного общения. На десерт подали яблоки, сливы и унаби из нашего сада и холодные ярко-красные арбузы. Отдельно стояло блюдо с мушмулой. Я отдал дань арбузу и попросил Люлю повторить порцию. То же сделала и Люба. Наконец мама объявила, что дети могут встать и, если хотят, повторить прогулку по саду. Любочка спросила меня, можно ли полакомиться малиной? Вместо ответа я, взяв её за руку, бегом повёл в сад. Я так торопился, что не посмотрел, не последовала ли вдруг за нами Вера. И только на главной аллее уверился, что Веры нет, и возликовал. Наконец-то я останусь с Любочкой вдвоём.

— Любочка, сюда, сюда, — потянул я её вбок, — здесь лучший сорт малины — жёлтый. Ты, наверное, такую малину не кушала? Это сибирская малина. Ну, мой милый друг, что ты скажешь о нашем саде? Нет, кушай, сколько хочешь. Но скажи что-нибудь о саде.

— Витенька, у меня столько впечатлений, что всё сразу не скажешь. Я даже подумать не могла, до какой степени поразит меня ваш сад. Это нечто необыкновенное. Самое правильное название вашему саду — «зачарованный». А был ли ты в саду вечером?

— Ну, конечно, был, — воскликнул я. — Я приведу тебя сюда вечером. Тут сейчас должно быть много светлячков, они мерцают везде и всюду и этим увеличивают зачарованность сада. Да ты не стесняйся, рви малину, сколько хочешь... Пётр, садовник, не успевает её собирать. Видишь, как много ягод лежит на земле. Это пе-

респелые ягоды. Прямо жалко, сколько их пропадает. Здесь, в саду, я чувствую себя счастливым. Но сейчас меня мучает одно: через несколько дней ты уедешь. Как же я буду без тебя!!! Я так привык к тебе, так привязался к тебе, что не знаю, не разорвётся ли с твоим отъездом моё сердце.

Я так разволновался от невольного вырвавшегося признания, что схватил руку Любочки и крепко пожал, но не отпустил ее. Однако она и не отнимала ее. Может быть, даже не замечала, что я держу её за руку.

— Знаешь, Витенька, — сказала она, — мне тоже будет грустно без тебя. И это всё неправда, что ты дружишь со всеми девочками, которых ты встречаешь... Может быть, это и так, но я хорошо чувствую, что твоя дружба со мной какая-то особая. Скорей, она похожа на то, что пишут в книгах о страстном влечении одного человека к другому. Мне твоя дружба приятна, я тебе говорю это прямо. Вот твой дедушка сказал, что я хороша собой. Как ты думаешь, это правда, или он хотел мне угодить? Скажи, как ты думаешь, как ты смотришь, действительно я красивая?

— Любочка, нет девочки красивее тебя на свете! Я говорю тебе это прямо, без лести... В своей ещё короткой жизни я встречался со многими хорошенькими девочками. Мы жили долго за границей, и в Тироле я встретил одну очень красивую итальянку. Это было в Левико, где мы проводили лето. Звали её Джулией. Я очень привязался к ней. Она утонула в Левиковском озере, прямо у меня на глазах... Но ты красивее её, ты несравненно прекраснее.

В этот момент Люба заметила, что я держу её руку, и нежно освободила её.

— Я буду писать тебе, Витя, — сказала она, — и это поддержит нашу дружбу и смягчит разлуку. Но ты не познакомил меня с твоей Ирочкой! Вот Вера утверждает, что ты не пропускаешь никого из её подруг мимо себя! Ты, видно, опасный человек. Ты так привлекаешь к себе всех девочек, и тебе это нравится. Скажи, так это или нет?

— Наверное, Любочка, у меня природный недостаток: я легче схожусь с другими девочками, всегда старше своего возраста, чем с мальчишками. Хотя с одним, Мишей Котченко, я дружил очень крепко. К сожалению, он уехал из Кутаиси и теперь мне не пишет. Не скрою, что девочки хорошо относятся ко мне с первого знакомства. Приписываю я это умению рассказывать всякие истории, которых я прочитал несметное количество. Но, Любочка, нам следует пойти

домой, хотя я провел бы здесь с тобой всю ночь. Вот светлячок, это первый, их будет здесь полным-полно, когда совсем стемнеет. Но пойдём, а то мне очень достанется. Дай руку, я подержу её ещё немного. Можно?

Люба без колебаний дала мне свою нежную руку, и я, весь просветлённый, нежно повёл её домой. Выйдя из сада, Люба освободила свою руку, и мы поднялись в детскую. Там сидела Вера и читала книгу. Книгу читала она так увлечённо, что не заметила нашего прихода. Татьяна Васильевна была с мамой в соседней комнате. Услышав наши шаги, она окликнула Любу и спросила:

— Ну, как прогулялись? Вас, я вижу, и водой не разольёшь. Ты, Любочка, наверное, очень устала, и надо тебе будет после чая сразу лечь в постель. А что, этот великий рассказчик опять заговаривал тебя, очаровывал любовными историями? Я уже убедилась, что в этом мальчике сидит большой артист. К тому же он очень начитан. Говорят, он прочитал столько книг, сколько не сможет прочитать любой из нас за всю жизнь!

— Нет, мамочка, — ответила Люба, — Витенька никаких историй не рассказывал и меня не заговаривал. Я лакомилась малиной и, представь себе, кушала также и жёлтую сибирскую малину. И ты не права, обвиняя Витеньку в стремлении заколдовывать и заговаривать всех девочек. Просто он очень доброжелательный мальчик. Он умеет рассказывать и делает это для того, чтобы доставить слушателю удовольствие. Вот и всё. Несомненно, с ним приятно дружить!

— Ну, не сердись, доченька, — сказала Татьяна Васильевна, — я не хотела обидеть Витю. Если бы ты осталась дома, то бы услышала, как много хорошего рассказал Виктор Антонович о своем внуке. Нет сомнений в том, что Витя его любимец. Плохо, что Виктор на 3-4 года старше своих лет и он пропустил самый яркий свой возраст, а это 6-9 лет, сразу став начитанным и много выдавшим мальчиком. Но он в этом не виноват, и я очень его уважаю — по-видимому, так же, как и ты, моя дорогая.

Во время этой тирады Татьяна Васильевны я предпочитал молчать, хотя мог бы возразить ей по всем позициям. Конечно, по вопросу моей начитанности она права, но почему начитанность может портить человека? Это было мне совершенно непонятно! Любочке, которая заступилась за меня, я был очень благодарен и в душе решил, что никогда я её ни в чем не обижу, а защищать буду всеми силами.

Люля возвестила, что чай подан, и мы все пошли в столовую. Во главе стола сидел папа. Дедушка был чем-то занят и известил, что чай будет пить у себя позже. На этот раз все были утомлены ранним подъемом, длинной дорогой и активной деятельностью в саду и дома. Всем хотелось спать. Пили чай только слегка, стаканы и чашки остались недопитыми. Мама быстро разрешила встать из-за стола и идти спать. Укладываясь, я думал о Любочке и решил, что, когда вырасту, обязательно возьму её себе в жены. Мне даже и мысли не приходило, что, возможно, она этого и не захочет... Засыпая, я думал и о том, что произойдет, когда к нам завтра придёт Ирочка. А в том, что она придёт, я ни на минуту не сомневался.

Ирочка пришла сразу после завтрака. Мы сидели в детской — я, Вера и Люба — и составляли планы на следующий день. Вдруг в дверях возникла Ирочка. Она пришла не через подъезд, а воспользовалась всегда открытым чёрным ходом. Ира была в светлом в цветах платье и выглядела очень эффектно... У меня упало сердце, я весь похолодел в предчувствии драматических для меня событий и некоторое время не мог ничего сказать. Паузу прервала Любочка. Она сказала:

190

— Я много о тебе слышала и могу сказать, что сразу узнала тебя. Ты Ирочка, о которой Витя так много рассказывал. Теперь я могу познакомиться с тобой лично, и мы обязательно подружимся. Не правда ли, мы будем с тобой друзьями? Здравствуй, дорогая...

Люба встала, подошла к Ире и крепко её поцеловала. Для меня это было так неожиданно, что я совсем обалдел и не мог произнести ни слова. Но ситуация была реальной, от сердца быстро отошла тяжесть, и оно наполнилось радостью. Но какая же молодец Любочка! Как нашлась она в сложной ситуации, как легко разрядила возможную напряженность! Я, наконец, пришёл в себя и воскликнул:

— Девочки, идём в сад, это наш общий дворец природы. И да возблагодарим Петра-садовника за его заботу об этом сокровище. Сначала полакомимся малиной, затем устроимся на мушмулиновом дереве, и я расскажу вам такую интересную историю, что вы обалдеете...

Я был так счастлив, что готов был всех перецеловать, обласкать и чем только мог порадовать. Мы отправились все вместе в сад. Сначала в малинник. Спелые ягоды мы срывали и, ещё влажные от росы, отправляли в рот. Любочка весело болтала с Верой и Ирочкой, иногда отпускала реплики в мой адрес. И я любил её ещё больше,

такую умницу, такую верную мою подружку.

— А теперь айда на мою мушмулиновую резиденцию. Мушмула давно поспела, и сейчас она сладкая как мёд. Пошли!

Мы уютно устроились в любимом нами гнёздышке, и я рассказал самое интересное, трогательное и захватывающее место из романа Жорж Санд «Консуэло». Рассказывая, я так расчувствовался, что в моём голосе зазвучали слёзы. Пришлось даже на момент приостановить рассказ, чтобы подавить подступившие к горлу рыдания... Взяв себя в руки, я вскоре закончил. Вера вскочила и расцеловала меня. У остальных слёзы стояли в глазах, слёзы радости и удовольствия. Сам я чувствовал большое удовлетворение и радость. Наверное, я молодец, как говорит мама.

— Ну и молодец же ты, Витенька, — сказала наконец Любочка. — Ирочка, не правда ли? Витя — непревзойдённый рассказчик, артист самого непревзойдённого класса... Это просто невероятно, как ты захватывающе овладеваешь слушателями, это какой-то гипноз... Дорогая Ирочка, когда-нибудь мы прославим Виктора на всю страну. А теперь в ответ я спою песенку. Слушайте!

И Люба своим красивым контральто запела песенку о прекрасной черкешенке, которую бросил любимый, которая от этого готова была наложить на себя руки. В перстне у неё был яд, но она колебалась: сохранить ли жизнь, или отомстить любимому? Подумала — и приняла яд. Всё было кончено... Все молчали, первой заговорила Ирочка:

— У тебя, Любочка, необычайный талант. Такой красивый голос! Особенно мне нравится его тембр.

— А мне нравится манера петь, — вдруг снизу раздался голос дедушки. — Вот я стою здесь внизу и удивляюсь, какая у нас талантливая молодежь. Я слышал не весь, а только конец рассказа Виктора. Тоже молодец. С каждым годом он рассказывает всё лучше и лучше. Но твоё пение, Любочка, верх совершенства! Я даже и не предполагал, что к внешнему твоему виду присоединяется ещё и это достоинство: ты владеешь чудесным голосом. До сего времени я считал, что самая красивая в мире девочка — это Ирочка, но ты не менее красива! Уж поверь мне, человеку, много повидавшему на своём веку. Дорогая девочка, спой ещё что-нибудь для такого старика, как я. Я здесь внизу послушаю тебя с большим удовольствием... Несомненно, ты принесёшь людям много радости. Будь всегда таким, какой ты есть. Жаль, что здесь, в саду, мы не построили беседку на нашей набережной. Мы могли бы послушать, как

талантливо играет на рояле Ирочка. Тоже новый молодой талант.

В свою очередь дедушка рассказал интересное о своей жизни: сделал он это после того, как мы все гурьбой перешли на набережную Риона и расположились на двух длинных скамейках и приготовились слушать. Дедушка вздохнул и начал:

— Это случилось, когда я был совсем молодым, в Англии, куда я приехал закупить дефицитные лекарства для аптеки. Жизнь казалась мне прекрасной, и однажды я ходил по картинным галереям и музеям. Рассматривая картину Рубенса «Автопортрет», заметил рядом с собой красивую девушку в строгом английском костюме и заговорил с ней... Я был хорошо одет и имел, как вы знаете по моим портретам, привлекательную внешность. По-видимому, я произвёл на девушку приятное впечатление. Я рассказал ей, кто такой Рубенс, и кое-что о его жизни. Наверное, я хорошо рассказывал, подобно Витеньке, потому что мы продолжали осмотр выставки вдвоём.

— Вы иностранец и, наверное, художник, — сказала она, — потому что разбираетесь в живописи как настоящий художник. Вас приятно слушать, хотя произносите слова с большим югославским акцентом...

— Нет, я не югослав. Я русский, с далекого Кавказа, и, конечно, говорю по-английски плохо. Английский я учил, но у меня нет практики.

Мы осмотрели выставку, и я проводил Дину — так звали девушку — до дома. Условились о новой встрече. Я влюбился в Дину. Мне не нужны были теперь никакие лекарства, только бы видеть её, говорить с ней, думать о ней... Она обещала показать свои рисунки, хотя говорила, что это любительские творения. Наконец Дина пригласила меня домой познакомиться с её родителями. Они оказались весьма чопорными людьми. Отец — богатый фабрикант, мать — из высокопоставленной семьи. Они встретили меня недружелюбно. По-видимому, Дина много рассказывала им обо мне, и они не были расположены выдать дочь замуж за, хотя и богатого, но иностранца. Свою единственную дочь они хотели выдать за какого-либо барона или герцога. Когда я наконец решился официально попросить руки Дины, они наотрез отказали, мотивируя тем, что я иностранец. Пришлось уйти ни с чем. Но любовь к Дине была сильнее жизни, и я решил покончить своё земное существование. Когда Дина узнала о моем намерении, она вскричала, что тоже покончит с собой, если я посмею поступить

так жестоко. Решили обвенчаться вопреки воле родителей.

Дина была совершеннолетней и могла распоряжаться собой. Мы обвенчались. Когда родители узнали о нашем браке, они прокляли дочь и отказались от неё навсегда. Я взял Дину и привёз в Кутаиси. Дина написала из Кутаиси родным длинное письмо, прося прощения и приглашая их приехать в гости в Кутаиси. Но ответа на письмо не последовало. Она написала второе письмо, но вновь оно осталось нераспечатанным и возвращенным Дине... Много позже она узнала, что её отец вскоре после её отъезда умер от удара, а мать переселилась к своим родственникам, которые, наверное, завладели всем их наследством. Дина поплакала, поплакала и успокоилась... Вы знаете, что моя жена умерла 8 лет тому назад, но я и сегодня оплакиваю её смерть, которая оставила меня одиноким и безутешным.

Дедушка плакал, как ребенок... Мы всеми силами старались его успокоить, говорили, что у него большое и любящее потомство, что есть потомство от его жены Дины, и он должен радоваться, что она воплотилась в нас, которые любят и дорожат им... Дедушка успокоился, начал улыбаться и сказал:

— Вы, детки, правы. Наверное, я для того остался жить, чтобы видеть в вас живой след Дины. И я люблю вас всех большой любовью. И ваши радости — мои радости, ваше счастье — моё счастье.

В этот момент к нам подошел Пётр-садовник за какими-то вопросами к дедушке. Я бросился к Петру в объятия и крепко его расцеловал. Я благодарил его за заботу о саде, за его неустанные хлопоты, за заботу о каждом деревце, о каждом кусте, благодарил за каждую клубничку, малину и т. д. Пётр растрогался и сказал:

— Вы, барин, хорошо знаете, что ваш сад в верных руках. Я буду трудиться и днём и ночью, и сад ваш всегда будет райским уголком для вас и ваших дорогих гостей.

Он даже прослезился — так хотелось ему выразить мне свои чувства. И правда, я знал, что меня он любит больше всех детей в семье дедушки. За то, что я и сам с невероятной преданностью люблю наш сад и верю, что он «очарованный». Дедушка дал Петру какие-то распоряжения и затем сказал нам:

— Я рассказал вам историю моей любви и женитьбы на Дине, чтобы вы знали, что ваша бабушка была талантливой художницей и, по-видимому, её талант передался её дочерям, внукам и внучкам, которых я так люблю, — особенно этого негодника, Витеньку. Наверное, потому что он у меня всё время перед глазами. Но я

люблю и Верочку. Это она унаследовала Динин талант и любовь к живописи, и я убежден, что она будет известной художницей. Что касается живописи, она талантливее других моих внуков. Только немного лентяйка, мало рисует. А рисует она хорошо.

Так сидели мы на набережной Риона, смотрели на воду реки и представляли, какой река станет в сентябре, когда вздуется в страшный ревущий поток. Тут я вспомнил, как в позапрошлом году разразилось наводнение и чуть было не смыло нашу набережную с лица земли. Тогда река несла огромные камни, вырванные с корнем деревья и разные бревна и доски. Что в это время происходило в Алпанском ущелье, где жила Тамара, мой кратковременный друг, трудно себе представить. Ведь скалы там придвинуты друг к другу, образуя щель шириной не более 50 м. Может быть, Тамара погибла в это наводнение и её нет уже в живых? Однако грустным воспоминаниям сегодня не было места. Рядом со мной сидели две мои подружки — Люба и Ира. Они очень подружились, и я несказанно был этому рад.

В такой дружеской обстановке мы проводили все дни, пока Татьяна Васильевна и Люба гостили у нас. Но настал час расставания. Мне было горько от того, что Люба уезжала. Я и не мог предположить, что лишь через несколько лет встречу с Любой вновь — уже в Тифлисе.

Папа, Веря, я и Люля поехали провожать Татьяну Васильевну и Любу до станции Рион. Далее до Тифлиса их должен был проводить папа. Так было обещано, так было и выполнено. Кстати, папа хотел повидаться с Анной Апель, сестрой мамы, и её семьей. Говорили, что её муж очень важный человек и скоро должен стать генералом. Когда на станции Рион в последний раз я поцеловал Любочку в щёчку, у меня сердце разрывалось от печали разлуки. Мы обещали писать друг другу не реже одного раза в месяц. И я не мог удержаться, чтобы не сказать ей, что полюбил её особенно сильно после того, как она так дружелюбно встретила Ирочку. Этим она чрезвычайно возвысилась в моих глазах.

Продолжение следует.

ЭССЕ, РЕЦЕНЗИИ, СТАТЬИ

195

Денис Лукьянов

Родился в Москве, окончил институт журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ.

Писатель, журналист, контент-менеджер группы компаний «ЛитРес», книжный обозреватель.

Пишет для журналов «Юность», «Прочтение», «Литрес Журнал».

Ех-обозреватель эфира радио «КНИГА». Ведущий подкастов.

Треск кривых зеркал: метаморфозы магического реализма в современной прозе

Британский писатель индийского происхождения Салман Рушди — один из отцов-основателей, как о нём говорят, современного магического реализма, — в интервью вдруг заявил, что магического реализма больше не существует, да и сам он работает в ином жанре. Термин этот, со слов Рушди, «можно применить только к специфической прозе латинской Америки 1950–1970»¹. И действительно: тот «магический реализм», о котором принято говорить в литературоведенье, скорее относится к полусвятой троице «Маркес-Борхес-Кортасар» и представляет собой сплав сновидений, латиноамериканских легенд и христианской мифологии; здесь чудесное стало частью повседневности, срослось с жизнью так тесно, что изъять его без вреда невозможно. Это, пожалуй, главная особенность магического реализма: невозможность отделить явь от сна, выдумку от действительности, сакральное от профанного. Однако, уподо-

1 Salman Rushdie on no-platforming, magical realism and America in crisis. — URL: https://www.youtube.com/watch?v=n-63CYNxY-6c&t=2107s&ab_channel=Channel4News

бившись Салману Рушди, и с этим утверждением не просто можно, но нужно спорить! Современный магический реализм — а сейчас этим термином среди широкого круга читателей принято называть всё, где грань между «волшебным» и «реальным» хотя бы слегка размыта, — претерпел ощутимые метаморфозы. Они, как любые превращения, не конечны: пластичный жанр, полный правды и выдумки, меняется до сих пор, с каждой изданной книгой. Авторы обращаются ко всё новым и новым элементам «магического», делают игру с реальностью и выдумкой более ухищрённой, разнообразной; из простой шарады превращают текст чуть ли не в касталийскую игру в бисер. В реальность литературных героев проникают образы из мифологии и фольклора, абсурдные, полные многозначных символов сны, потусторонние силы и даже элементы фэнтези. Популярность последнего жанра отчасти привела к тому, что для читателя исчезла чёткая грань между ненавязчивым, тонким волшебством той же троицы «Маркес-Борхес-Кортасар» и более «тяжёлыми» элементами ирреального, сближающего магический реализм с фэн-

тези. Таков, например, цикл «Тяжёлый свет Куртейна» Макса Фрая о городе Вильнюсе и его изнанке, где акцент сделан именно на мире «по ту сторону», на пространстве «волшебного». Понимание жанра, подобно расходящимся тропкам в саду Борхеса, множится. Некоторые тенденции конструирования современного магического реализма можно проследить, обратившись к нескольким отечественным и зарубежным книжным новинкам и сфокусировав внимание именно на «магической», «ирреальной» стороне художественного мира этих текстов.

В скором времени в поле внимания российского читателя попадёт последний изданный к сегодняшнему дню роман Салмана Рушди «Город победы» (в оригинале книга вышла весной 2023 года, издательство Corrus обещает перевод к февралю 2024). «Город победы» — выдуманный и переложённый из выдуманных же стихов в прозу эпос о государстве, основанный на истории реальной индийской империи Виджаянагар. Главная героиня Пампа Кампана (Pampa Kampana) ещё в юности мистическим образом получает бессмертие; проживает до двухсот лет, строит империю и видит все этапы её развития: от становления до заката. Пампу то чтят, то, наоборот, ненавидят: в

романе есть сцена, где героиню ослепляют. Некоторые западные критики видят в этом оммаж на серьёзную травму писателя (потерю глаза), которую тот получил в 2022 году после нападения. Излюбленный прием Рушди — в этом он похож на Маркеса — внедрение магического в текст в минуты неких критических для героев эпизодов. В «Детях полуночи» таковым было откровение главного героя, когда он узнал о своей волшебной способности, увидев заплаканную мать в уборной; во «Флорентийской чародейке» основные чудеса начинают происходить, когда император Бабур становится одержим интересом к, собственно, той самой чародейке; в «Шайтанских аятах» Рушди выбирает момент падения из взорванного террористами самолета — именно в этот момент герои претерпевают буквальные метаморфозы; в «Земле под её ногами» магия просачивается в текст во время важного музыкального дебюта Ормуса Камы на сцене. Для сравнения: у Маркеса в романе «Сто лет одиночества» струйка крови волшебным образом достигает материи через миг после смерти сына Урсулы, а волшебный, «библейский» ураган накрывает Макондо во время финального откровения; в повести «Вспоминая моих несчастных шляшек» герой

видит таинственные письма губной помадой тогда, когда меняет отношение к юной девушке из борделя, когда ненасытная старческая страсть становится нежной старицкой любовью. В «Городе победы», однако, Рушди поступает иначе. Магическое не проникает в текст в критический момент; роман начинается с волшебных и нереальных строк, напоминающих первые текстовые аккорды — здесь вновь уместно сравнение с Маркесом — «Осени Патриарха». Если у Рушди это «В последний день своей жизни, на сто сорок седьмом году, Пампа Кампана, слепая поэт, чудотворец и пророк, закончила невозможного размера поэму о Биснаге»², то у Маркеса — «Старше любого смертного на земле, более древний, чем любое доисторическое животное воды и суши, он лежал ничком, зарывшись лицом в ладони, как в подушку». Рушди играет с категорией времени, ведь именно необъятно долгая жизнь главной героини задаёт волшебный тон повествования. Из плоскости линейного времени текст

2 Перевод автора. «On the last day of her life, when she was two hundred and fortyseven years old, the blind poet, miracle worker, and prophetess Pampa Kampana completed her immense narrative poem about Bisnaga».

с первых строк переходит во время священное, мифическое, которое по природе своей бесконечно. То, что совершили некогда герои мифов, произошло единожды, но бесконечно повторяется в ритуалах, чтении легенд, эпосов. Именно внутри «мифического» времени обитают архетипы, платоновские эйдосы, порождающие всё разнообразие остальных вещей. Так и в «Городе победы». Работая со мифическим временем, более податливым и изменчивым, Рушди получает возможность показать судьбу любой империи на примере одной конкретной. В рамках мифического времени Биснага (Bisnaga), город-государство Пампы Кампаны — архетип; в рамках же нашего, линейного времени, оно порождает всё множество земных империй в воображении читателя. Салман Рушди предпринимает попытку зайти на территорию мифа и начать играть по его правилам.

Иную функцию полумифическое пространство выполняет в сборнике повестей и рассказов Владимира Лидского «Тёмная Лида» (изд. Альпина. Проза), где собраны истории жителей белорусского городка Лиды. Действия разворачиваются в разные моменты длительного периода с начала русской революции до окончания Второй Мировой. Лида — город реальный, но в авторском

художественном пространстве это место мистическое и, как уже было сказано, полумифическое. Лидский пишет сплошным текстовым потоком, намеренно отказывается от заглавных букв. Одна история словно вытекает из другой, но не сюжетно, а на уровне ощущений: загипнотизированный читатель оказывается в сновидении наяву, где возможно многое, в том числе — таинственные метаморфозы. Совершенно непонятно, реальные или иллюзорные. Владимир Лидский с умением факира сперва напускает дыма, а после принимается «обращать» героев: одна примеряет на себя роль смерти и в конце жизни становится скопищем блох, другой обрастает ракушками и мхом — никто уже не может сказать, сколько он жил. Метаморфозы — центральный «волшебный» элемент всего сборника. При этом герои меняют не только внешний облик — сменяется и их внутренне состояние, которое, подобно превращению кафкианского Грегора Замзы, влияет и на художественную реальность текста: если героиня мечтает остановить время, то оно действительно замирает, и кровавая резня шашкой становится единомоментна, это — один алый мазок. Но Владимир Лидский не даёт метаморфозам произойти просто так, самим

по себе. Их катализаторы — внешние травматичные события, которых в эпоху тотальной нестабильности множество: от изнасилования и приговора к расстрелу до произвола красноармейцев и семейной драмы отца и сыновей.

Иначе «волшебное» действует в романе Хелены Побыржиной «Валсарб» (изд. Альпина.Проза): здесь оно струится извне и влияет на внутренний мир героини, на её восприятие действительности. Камера, сквозь которую читатель наблюдает за жизнью города, запотевает, правда и выдумка оказываются неразличимы. Девочке-героине являются души (хотя, вернее будет сказать, эхо) жителей Валсарба, не похороненных должным образом, и начинают рассказывать свои истории. Но героиня не видит в таком проявлении потустороннего ничего необычного: она играет с призраком-мальчиком, принимая его за живого, и также спокойно общается с духом на улице. Для неё эти фантомы зачастую реальнее людей: ведь весь свой мир девочка выстроила вокруг деда (которого зовет Пан Бог Дед, он — демиург её воображения) и сада, кажущегося Эдемом. Если герои Владимира Лидского замечают чужие метаморфозы, признают магическое как минимум на уровне сплетен («хотя никто

не знал, как выглядит лицо смерти, но все знали, что он бессмертен, думали сдуру, что он бессмертен»), то мир города-перевертыша Валсарба волшебен лишь в голове героини. Для всех остальных жителей это обычный город Браслав, не затянутый туманом потустороннего; и только девочка, всегда любившая выдумывать и коверкать слова, перевернула название города, тем самым породив для самой себя новую, вторичную реальность, полную духов. Реальность эта, как ни парадоксально, оказалось правдивой: в конце героиня, выслушивая историю последнего призрака, приходит к исторически оправданному открытию. Роман Хелены Побяржиной — роман не об одном, а о двух городах: реальном-объективном и выдуманном-субъективном.

Метаморфозы жанра могут быть незначительными, а могут оказаться куда более ощутимыми: например, если магический реализм смешается с фэнтези, отчего станет ещё более магическим и менее реальным. Писатели зачастую заимствуют образы из фольклора и мифологии, которые, в отличие от авторского мифотворчества, органично смотрятся в реальном мире — не зря ведь предки верили в домовых, бесов, кикимор. Сталкивая героев с таким проявлением

ирреального, авторы наблюдают за химической реакцией. В романе Снежаны Каримовой «Приплывший дом» (изд. Полюнь), например, грань между реальным и волшебным чётко ощутима, словно прочерчена белым мелом на закопченном полу гоголевской избы. Сюжет «Приплывшего дома» разворачивается вокруг города Мологи, затопленного в советское время для строительства ГЭС. Некоторые дома тогда сплавляли прямо по воде. В один из таких Дара, главная героиня, относит определённый семейный артефакт, после чего знакомится с Ивой — бывшей хозяйкой дома, теперь ставшей своего рода «нечистью». Ива открывает Даре путь в потусторонний мир подводной Мологи, выступая, таким образом, в роли классического сказочного проводника на перепутье двух миров. Именно здесь история раскалывается надвое: на реальность и на магический мир, полный невозможного: как минимум, деревенских ведьм, как максимум — умерших, ставших водными духами. Два чётко разделённых пласта повествования не оставляют читателя выбора, во что верить, во что — нет. Предельно понятно, где правда, а где выдумка, где сон, а где явь. Подводная Молога не Валсарб-перевертыш. Она существует не

в голове Дары, а в объективной реальности в качестве своего рода «карманного измерения» (на её объективность намекают, например, реакции кошек, которые всё потусторонне ощущают и замечают). Магический мир, как уже стало понятно, Снежана Каримова населяет героями фольклора и мифологии: духами, домовыми и даже бесами, которые сыграют свою роль в сюжете. Фантастический фундамент становится прочней, обоснованней: он уже не держится на одних лишь нечётких видениях; всё «магическое» здесь объяснено и даже рационализировано. Чудеса слишком перемешаны с бытом, но не выстроены в чёткую систему правил, как того требует чистое фэнтези. Вот и рождается нечто среднее.

Однако не всякое использование фольклорных и мифологических образов сближает магический реализм с фэнтези. Всё зависит от количества таких приёмов. В «Посмертии» (изд. Строки) нобелевского лауреата Абдулазака Гурны тоже есть фольклорный элемент. Действие романа происходит в Африке в период Первой Мировой Войны. Когда беременную героиню приводят к мганга (знахарке), та говорит об одержимости неким африканским духом, которого необходимо изгнать. Но муж героини отказывается: он

уже приучен к европейской культуре, презирает суеверия и доверяет немецкой медицине. Гурна намерено опускает этот сюжетный элемент и вспоминает о нём только в конце. После смерти героини дух переселяется в юного Ильяса. Тот, например, странно бормочет и, как лунатик, ходит по ночам. Чтобы излечиться, он должен найти своего дядю, пропавшего во время войны в рядах немецких солдат: «лишь тогда», — говорит знахарка, — «дух научится жить с болью его [дяди] отсутствия и перестанет мучить мальчика». Этот, безусловно, магический элемент, подобно ключу зажигания, запускает цепочку событий, которые приводят к развязке. Гурне достаточно одного фольклорного образа некоего духа, чтобы внедрить в текст еле ощутимые нотки магического реализма. «Посмертие» — колониальный роман, история о национальных корнях, которые могут быть обрублены захватчиками, а могут, наоборот, органично переплестись с иноземными традициями (в этом ключе показателен, например, эпизод, когда британские власти не уничтожают местное кладбище, а лишь приказывают постоянно проводить там санитарную обработку). И магический элемент, почерпнутый из фольклора, Гурна тоже заставляет работать на общую

задумку. Герои, отказавшиеся воспринимать всерьёз свои же традиции, неизменно становятся наказаны одержимостью, пусть и протекает она пассивно: никаких стонов по ночам и летающих над кроватью тел. И только юный Ильяс, герой-синтез культуры европейской (как его отец, долгое время служивший немецкому офицеру) и африканской (как его мать, воспитанная в местном обществе), избавляется от проклятья. Он, вероятно, — тот идеал, в котором Гурна видит баланс культур. Показать это автор решает именно посредством магического приёма: он, во-первых, не даёт сюжету затормозить; во-вторых, лучше других, более бледных реалистических приёмов, намекает на центральную

мысль текста. Мерцает ярким светлячком.

Жанр магического реализма, столь падкий на метаморфозы, сам попал в их ловушку и теперь трансформируется, принимает новые формы с каждым новым же текстом. Авторы обращаются к проявлениям потустороннего, метаморфозам, мифологическим и фольклорным образам, а также изменяют течение времени в художественном пространстве текста, чтобы погрузить героев в волшебно-мифическую эпоху и управлять уже архетипами, нежели личностями. Остаётся лишь следить за выходом новых книг и удивляться, в какие кросс-жанровые связи магический реализм вступит на этот раз и каких химер — прекрасных или уродливых — породит.

Елизавета Парамонова

Окончила ЧУ СОШ
«Столичный-КИТ»
в г. Москве в 2023
году. Учится
в Самарском
национальном
исследовательском
университете имени
академика Королева
на *ИЗДАТЕЛЬСКОМ* деле.

Дневники и мемуары

Что цепляет в автобиографической прозе? Её авторы сами раскрывают перед читателем свою жизнь, рассказывают историю своего становления. Читая дневники известных личностей, понимаешь, что они такие же люди со своими страхами и переживаниями. Автобиография человека, чьим творчеством ты восхищаешься, делает тебя ближе к нему, а иногда даже указывает на что-то общее между вами.

Современный литературный мир пестрит дневниковыми записями и автобиографиями людей самых разных профессий: от врачей до деятелей искусства. Сегодня я хочу рассказать о текстах, написанными женщинами разных эпох. Это дневники, автобиографии и мемуары, пришедшие из разных миров. Что их объединяет? Установка на искренность, с которой героини решили рассказать о своей жизни.

Первая писательница, к автобиографии которой хочется обратиться, — Тове Дитлевсен. «Копенгагенская трилогия» (1967–1971), в которую входят «Детство», «Юность» и «Зависимость», — одно из её самых известных литературных творений. Каждая книга рассказывает о разных периодах жизни писательницы, но именно «Юность» запомнилась мне больше всего. Именно об этой книге я расскажу подробнее.

В «Юности» описаны первые успехи Тове: её становление на писательском поприще. Действия книги разворачиваются в 1930-х годах. Несмотря на то, что в это время мир прибывает в преддверии

войны, главная героиня из всех сил идёт к своей мечте. Молодая писательница ходит на работу в типографию, берёт заказы (она сочиняет песни для знаменательных дат), и делает это всё только ради писательского мастерства: «Мне и самой себе не объяснить, почему так хочется опубликовать стихи... Это то, к чему я иду потайными и хитрыми путями. То, что каждый день дает мне сил вставать и идти в офис типографии...»¹. Тове наконец-то удаётся написать, по её мнению, «настоящее стихотворение». Это даёт будущей писательнице уверенность в своих силах. Вскоре случается и более важное событие: в одном из журналов публикуют её стихотворение «Моему мёртвому ребёнку», а уже в 1939 году выходит первый сборник стихотворений Тове «Девичий нрав». Но радость от публикации творений не даёт утешения в личной жизни: девушка неоднократно выходит замуж, но не находит любви.

«У меня был выбор — написать об этом или взорваться изнутри. Я решила написать»²: эти слова очень точно передают содержание дневников Джейн Биркин. Актриса и певица, добившаяся мировой славы, она также публиковала свои дневники. Они издаются в двух частях: «Дневник обезьянки» (1957–1982) и «Post-scriptum» (1982–2013). Дневники Джейн Биркин — это разрозненные фрагменты из жизни, перемешанные с мыслями и чувствами, выплёскиваемыми ею на бумагу. Она много рассуждает о

1 Тове Дитлевсен «Юность» / Пер. А. Рахманько. — М.: No Kiddind Press, 2022.

2 Дневник Обезьянки/ Джейн Биркин; [пер. С фр. Е. Головиной]. — М.: Синдбад, 2021.

жизни, любви, детях и отношениях с собой. Читая книги Биркин, часто ловишь себя на мысли, что отдельные абзацы хочется выделить и сохранить в памяти навсегда. При этом с другими высказываниями ты готова спорить прямо на полях книги.

По своей натуре Джейн была очень свободолюбивой и ранимой женщиной. Она хотела иметь свой голос, хотела говорить и делать: «Я имею право жить как хочу, никому не подчиняясь, никого не боясь, ничего не стыдясь»³, и в 1980-х это было достаточно смелое заявление. Джейн старалась действовать по своей воле, хотя на её пути часто возникали тяжёлые испытания. В своих дневниках Биркин много пишет о любви. И если в первой части это чистая, ничем не омрачённая, «<...> настоящая любовь, и она делает меня сильной. Мы с ним словно дополняем друг друга» (эту фразу Джейн посвятила Сержу, своему второму возлюбленному, в 1970), то спустя несколько лет расставаний, после рождения детей, уже в 1992 году, в дневнике Джейн появляются такие слова: «Надеюсь, я больше никогда не буду любить, как любила тебя».

В мемуарах американской певицы и поэтессы Патти Смит «Просто дети» (2010) мы не только наблюдаем за жизнью Патти, но и знакомимся с её друзьями, близкими ей поэтами-битниками. Перед нашим взором разворачивается атмосфера рок-концертов, новых знакомств и богемного Нью-Йорка 60–70-х годов.

Летом 1967 года Патти Смит твёрдо решила бросить свою прошлую жизнь и отправиться в Нью-Йорк. Новый город поразил

³ Там же.

девушку. Денег у неё почти не было: ночевала Патти где придётся, а время проводила в попытках найти хоть какую-то работу или просто гуляя по городу. Её жизнь изменилась после встречи с Робертом. Увидев в нём такую же преданность искусству, Патти сразу почувствовала, что Роберт — её человек. Вскоре они начали жить вместе и творить под одной крышей. Патти перепробовала свои силы во многом: рисовала, помогала Роберту создавать его инсталляции, а вскоре начала писать. В историю она вошла как певица, но, отправляясь в Нью-Йорк, Патти мечтала стать художницей. Череда знакомств и событий привела к тому, что поэтесса (а Патти писала стихи) начала записывать свои песни, а вскоре стала давать концерты. О своём творчестве Патти говорила так: «Добиться полной гармонии между своей верой в замысел и умением его воплотить. Вот состояние души, из которого рождается светлый животворный луч»⁴.

Итак, именно благодаря автобиографиям, дневникам и мемуарам мы можем сравнить мир современных женщин с жизнью тех, кто творил много лет назад. Каждая героиня, о которой шла речь выше, не только воссоздала мир из прошлого, но и оставила в нём частичку себя: Тове Дитлевсен внесла свой вклад в датскую поэзию, Джейн Биркин живо и убедительно показала, что женщина имеет мечты и право на их исполнение, а Патти Смит оставила яркий след хотя бы тем, что один из её музыкальных альбомов сыграл важную роль в образовании жанра «панк-рок».

⁴ Просто дети / Патти Смит; пер. С английского С. Силаковой. — М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2019.

Анастасия Шевченко

Редактор, литобозреватель, продюсер книжных проектов в **ИЗДАТЕЛЬСТВЕ** «Альпина.Проза», поэт, прозаик и, хотя не любит в этом признаваться, — блогер. Родилась на юге, переехала в Подмосковье.

20 ЛЕТ работала преподавателем и немного занималась литературой. Последние годы много занимается литературой и немного преподает.

Панк — потому что нарушает правила, чтобы все было правильно. Меланхолик, **ПОСТМОДЕРНИСТ**, батыр-апа.

Фото: Роман Шеломенцев

Назад, в ретробудущее

(Виктор Пелевин. Путешествие в Элевсин. М.: ЭКСМО, 2023 — 480 с.)

Будем откровенны: за ежегодным аттракционом «О, боги! Выйдет ли новый роман Пелевина?» следят преимущественно свидетели Пелевина ещё докарбоновой, пользуясь его же термином, эпохи. Одни заранее недовольны, другие заблаговременно в восторге. Большинство из всех высказавшихся, скорее всего, не прочтает новинку, но нехитрый трюк проворачивается снова и снова: даже если вы видите публикацию с заголовком «Что читать, если не хочешь читать Пелевина?», тот, чьё имя пока ещё можно называть, получил дополнительное упоминание — примерно как Дьявол в исполнении Тома Уэйтса в гиллиамовском «Воображариуме доктора Парнаса» даром получал выигранную душу. И, чтобы как-то оправдать два культовых имени в одном абзаце, привяжу их к сабжу. Виктор Пелевин — тоже покрытая патиной постмодернистская рок-звезда и одновременно сам себе культуртрегер: просветитель, развлекающий поклонников ежегодным разжёвыванием повестки, и — в исходном значении — империалист-колонизатор, принудительно, но с добрыми намерениями инсталлирующий в иных из нас фрагменты культурного кода года эдак с 1989-го. И в кои-то веки наш неофициальный классик перестал играть в попытке говорить наравне с текущим поколением, а обратился к тем, кто следил за распуханием вселенной «Виктор Олегович Пелевин» (в дальнейшем именуемой ПВО)

если и не с самого первого явления принца Госплана Саши Лапина, то хотя бы с того момента, как тот стал Александром Серым — оборотнем в погонах и в качестве cameo возникал то в одном романе, то в другом, мелькнув призрачной тенью и в последнем по времени цикле (мы ведь не думаем, что ПВО ограничится трилогией?). Но справедливым будет заметить, что девственным в смысле читательского опыта новоприбывшим автор делает огромную юбилейную (роман-то двадцатый по счёту) скидку: текст на удивление сюжетен и не просто плотно набит самоцитатами. «Путешествие в Элевсин», по сути, — интерактивный путеводитель по позднему периоду пелевинского творчества со сжатым пересказом предыдущих серий: «Empire V», «Batman Apollo», «t.» «iPhuck 10», «Непобедимое солнце», «Искусство легких касаний», «Transhumanism Inc.», «KGBT+». Всем прочим будет подмигивать то один старый знакомый, то второй. Россыпь культмассовых цитат, финальные коды хитов второго ряда и переключки смыслов главных книг русской литературы — традиционно в комплекте. Вопреки ожиданиям, ПВО обратится не к буддистской философии, а древнегреческим мифам, римской и шумерской мифологии — но и так он уже поступал в том же «Непобедимом солнце».

О сюжете большинство читателей слышало даже из утюга, особенно если в него встроено радио, как это было модно во времена выхода истории, в которой

Порфирий из «iPhuck 10» был ещё простым литературно-полицейским алгоритмом, раскрывавшим преступления и оформлявшим отчёты в виде романов. Спустя N лет (и несколько книг) он (Порфирий, не утюг с радиоприемником, ведь у нас уже есть мультиварки с вайфаем) возвращается эволюционировавшим лингвоботом, обосновавшимся в симуляции ROMA-III, — римским императором: «На девяносто процентов его деятельность состоит из генерации вербальных сообщений, с помощью которых управляется империя. Остальные функции — личный разврат, борьба с заговорщиками, различные увеселения и интриги — это, если разобраться, тоже отработка вербализаций».

Поскольку давно очевидно, что словом можно убить, уже и алгоритму понятно, великая русская литература™ — зло: «Вы слышали, наверное, про агрессивные имперские метастазы, излучаемые русской классикой. Логос в штатском, так сказать. Именно эти тексты имели в первоначальной тренировке Порфирия приоритет, потому что он был спроектирован именно как русскоязычный алгоритм. Мы считаем его имманентно опасным». Противостоять кровавому диктатору, собранному из фрагментов великих классических произведений, будет служба безопасности корпорации Transhumanism Inc., отвечающей за качество жизни тех, для кого симуляция Рима, как и другие виртуальные пространства, была создана.

А теперь флешбэк. Тем, кто не знаком с посткарбоновым миром будущего, описанного в «Transhumanism Inc.» и

«KGBT+», стоит знать, что уэллсовская идея эллов и морлоков у Пелевина несколько вывернута наизнанку: маргиналы и плебеи населяют земную поверхность, в подземелье устроено глобальное многоуровневое хранилище церебральных контейнеров с плавающими в них мозгами представителей элит. Ну и их услуги тоже. Например, Маркуса Зоргенфрея — сотрудника службы безопасности, внедрённого в древнеримскую симуляцию, где он должен будет втереться в доверие к Порфирию и выяснить его коварные планы. Ах да, люди, возможно, не казались бы искусственному интеллекту такими ненадёжными и неприятными, если бы не подавили бессмысленный и беспощадный нейросетевой бунт «Мускусная ночь», названный так в честь баночного пророка Илона, не доверяющего ИИ: «Высадите группу людей на остров, дайте им винтовки — а язык сделает все остальное, объяснил в свое время Робер Мерль (или известный под этим именем лингвобот)». Много тогда полегло. И боярышнику цвести не пришлось — впрочем, это не единственный намёк на произведения Александра Дюма, мировую историю и медийную персону. Если угодно, вот ещё и рекурсивная отсылка в отсылке: упомянутый Робер Мерль, автор т.н. реалистичной фантастики, писавший, кроме прочего, статьи о великой русской литературе, нередко назывался «Дюма XX века». Так и раскрывается знаменитый метод ПВО — «аллюзируй это!» (Ладно, я его лет 15 назад придумала. Но если вы его не видите, это не значит, что

его нет).

Теперь про Элевсин. Собственно, ПВО всегда даёт подсказки в названии, эпитафиях и хэштегах к тексту. В Элевсин когда-то удалилась расстроенная похищением Персифоны богиня жизни Деметра. В это время наступала зима, а чтобы Аид Персефону отпустил наверх, к родителям, проводились тайные мистерии с обрядами и употреблением веществ, расширяющих сознание. Туда инкогнито и отправляются император Порфирий и его доверенное лицо — агент под прикрытием Маркус.

Читать Пелевина — всё равно что переходить по бесконечным гиперссылкам в Википедии. Каждый текст, словно пакет с пакетами, предлагает читателям дайджест ключевых событий и трендов прошедшего года: военные и гражданские конфликты (мобилизация, эмиграция, внезапно снова VLM и подсчёт социального капитала на основе лайков в сетях), новые законопроекты, угасающие мемы («Люциферы и Иблисы»); обсуждаемые персоналии и их поступки; прямые и косвенные цитаты из лучших образцов мировой классики (например, закольцовывая шекспировские и римские мотивы, как и в первой части цикла, в «Путешествии...» автор обращает внимание читателя на портьеру, за которой прятался Полоний, а до этого — Клавдий, друг императора Калигулы). В закамуфлированных эпизодических персонажах будут угадываться критики, журналисты, возможно, политики и, вероятно, коллеги по писательскому цеху (было ли в псевдониме Маркуса «Забаба Шам Иддин» зашиито имя

известного татарского писателя или узбекистанского литератора, пишущего худлит под затейливым псевдонимом в переводе означающем «Диалоги Платона», а может быть, иногда Забаба — это просто Забаба, один там шумерский царь — решаем каждый самостоятельно). Благосклонность автора не всегда считается позитивно, но узнавшие себя скорее порадуются и напишут об этом в своих уютненьких жежешечках (ок, бумеры... тележеньках с говорящими ихтиологическими названиями). В «Путешествии в Элевсин» ПВО не особо маскировал тех, кому хотел передать ехидный привет. Впрочем, называя автора мизогинном, никто не удивится воследующей привязке к Фрейду и теории о зависти женщин к тому, чего у них нет, но что можно заменить нейрострапоном.

Эти отсылки можно замечать, можно и не: одни лежат на поверхности и вложены в уста персонажей, подобно шпильке печальной рыбы-литературоведа о мобилизованных старушках и топоре петербургского студента и пережлесте этой истории с дневниками Гумберта. Другие притоплены чуть глубже, как *Mirabile futurum*, в котором не все миллениалы признали гимн советскому детству «Прекрасное далёко». Третьи — довольно специфичны, при этом остаются литературоцентричными. Так, безопасник Маркус задаётся теми же вопросами, что и Рома Шторкин из «*Empire V*» (помоги мне святая Иштар Борисовна, как тут не отвлечься на очередную интерлюдия о том, как он стал вампиром Рамой и появил-

ся в ещё нескольких текстах), и Родион Раскольников (с этим-то всё понятно и школьнику). И все трое разными путями приходят в целом к одному и тому же: *«Пойми, друг, что высшее существо не сидит в императорской ложе. Оно глядит на мир прямо из твоего ума. Твой ум — это и есть оно» — царь в голове, намекает автор и тут же печально цитирует Георгия Иванова с его знаменитым «хорошо, что нет царя».*

При этом фамилия офицера Маркуса — Зоргенфрей, был такой поэт Серебряного века, писавший под псевдонимом ZZ. А ещё попавший в симуляцию сотрудник СБ становится учеником странствующего императора, его личной табула раса, его *sorgenfrei* — беззаботным юношей, внимающим мудрости наставника. Распутывать распределённые по ткани романа интеллектуальные узелки можно сколь угодно долго: потом окажется, что ничего такого ПВО в виду и не имел. И отсылки на пьесу «Смерть Нерона» Михаила Кузьмина, тоже представителя Серебряного века, и печальную улыбку Иешуа из сами-знаете-какого-романа, и «Четвертый путь» мистика Гурджиева, и его наследницу Душку Ховарт, и цитаты Толстого, что красный граф и чьи герои пулям не кланялись, я тоже увидела в приступе своеобразной книжной парейдолии.

Будем откровенны: следим за ежегодным аттракционом «О, боги! Выйдет ли новый роман Пелевина?» прежде всего мы — находящиеся с ПВО на одном тайере, то есть уровне баночного хранилища; мы, видевшие вели-

кий «Pink Floyd: Live at Pompeii», подпевающие Cockney Rebel, разглядевшие лёд под ногами майора в монологе: *«Наши скрепы сделаны из льда. Пока холодно, жить и даже размножаться можно. Но как только случается оттепель, скрепы тают и начинается кровавый хаос. У некоторых народов избушка лубяная, а у нас ледяная. И лучше не уточнять, из чего этот лед»* и другие цитаты из того, чьим именем не назовут аэропорт.

Но это не мешает тем, кто не видел «Матрицу» и не фанатеет по «Звездным войнам», усмехнуться призыву «Take the red saber!» — в конце концов, так закричать мог и король Артур, и Жанна Д'Арк. Виктор Пелевин рассказал традиционно рекурсионную и самоцитатную, при этом ладно скроенную и крепко сшитую, оттого вдруг предсказуемую и печальную сказку о том, что будущее наступило на нас, а добро и зло — категории ницшеанские, и какого волка кормишь, такими печеньками на тёмной стороне тебе и заплатят. Утешительных прогнозов у ПВО для нас нет, но он их никому и не обещал. А поскольку, по его словам, «Для империи нет ничего страшнее долгого отсутствия игр», давайте, что ли, тщательнее контролировать отражение в зеркале, ждать следующего года и новый роман Пелевина:

«Во всех нас — в том числе и в величайших философах — мыслит язык, на котором мы говорим. Разница лишь в том, что у человека есть сознающее зеркало, где отражается этот процесс, а Порфирий его лишен. Мы можем заглядеться в зеркало и наделать глупостей. А Порфирий — нет».

Елена Нещерет

Родилась в Краснодарском крае; переехала в Санкт-Петербург, чтобы поступить в **СПбГУ** на отечественную филологию, но не окончила обучение. Работала в сети «**Буквоед**», затем (вплоть до нынешнего часа) — в книжном магазине «Во весь голос», принадлежащем издательству «Городец». После Школы Литературной Критики в Ясной Поляне стала внештатным обозревателем портала Год Литературы. Публиковалась также в независимом медиа «**Фальтер**».

Кто мелькает в кругу керосиновой лампы?

(Анна Лужбина. Юркие люди. М.: РЕШ, 2023. — 254 с.)

Все знают: если припереть к стенке бога — или поймать ярмарочного фокусника — и настойчиво просить «яви нам чудо!», то никаких чудес, кроме мордобития, не выйдет. Все знают: чудеса — явление незаметное и одинокое, как, например, взросление или галлюцинации. Но есть кое-что ещё более редкое и невероятное, чем пресловутые чудеса, — хорошие сборники рассказов. Тут важно обозначить разницу понятий: хорошие сборники рассказов — совсем не то же самое, что сборники хороших рассказов. И дело даже не в метасюжете, а в цельности ощущений, в гармоничности мотивов. Однажды на концерте после основной программы некоему музыканту из зала подкинули записочку: сыграй, мол, то-то. Он сыграл. Подкинули другую. Он перестроил гитару — и снова сыграл. Подкинули третью. Да вашу ж!.. — высказался музыкант, но всё-таки перестроил гитару ещё раз и снова сыграл.

Со сборниками рассказов часто выходит то же самое. Только вот мозг читателя — не такой послушный инструмент, как гитара. Вот и выходит расстройство и непонимание даже хороших отдельных вещей — из-за неудачной композиции всего сборника. Впрочем, «Юрким людям» Лужбиной повезло с самого начала: в отличие от многих других работ финала последнего «Лицея», они сразу не вызвали печального недоумения. В редакции Шубиной им разве что

самую малость подтянули колки. Сразу набрал силу и стал ясен общий тон, который до этого тоже определённо был, но будто бы немного в стороне, в тени.

Итак, что же за люди такие — юркие?

Мечтатели, торговцы, бомжи, отставные военные, их жёны, контрабандисты, дети. Учителя, воры, киношники. Инвалиды. Старики. Пассажиры поездов в новогоднюю ночь. Собрать их и определить так, чтобы не ускользнуло важное, — задача не из лёгких. Сначала вообще казалось, что речь не о людях, а о чём-то потустороннем. Но это всё-таки люди, точно-точно они, пусть в неверном свете магического реализма они и отрастили щупальца, жабры и прочие лишние глаза. Весь сборник — редкий пример того, как автору действительно помогает образование психолога. О этот редкий дар не рационализировать, где не нужно, и не объяснять, где не просят! Благодаря редкому авторскому чувству такта в сборнике полно моментов страшных и настоящих. Таким ещё бывает фольклор, никогда не говорящий прямо и не называющий имён. Скажет бабушка вечером что-то вроде «потерялась в лесу, и чувствую: этот водит» — и сидишь потом, неделю всякого дерева боишься. А бояться стоило бы бабушки, потому что умеющий рассказывать всегда имеет большую власть, чем какой угодно этот за деревьями.

Но перейдём ближе к тексту. Первый рассказ, задающий тон всему сборнику, — тот самый, верный тон, — «Мотылёк». Он и в первой версии, лицейской, стоял сначала. Главный герой — мальчик, родители которого погибли в авиакатастрофе. Он живёт с бабушкой и втихую учится летать на её платке, как на крыльях. Прыгает с крыши сарая, вылетает с качелей. Одной неуместной параллели, одного ворчливого «кончишь, как твои родители» было бы достаточно, чтобы всё испортить, — но слава авторской деликатности! Смерть родителей — не осознана, не очевидна — произошла далеко. Смерть бабушки же обговорена заранее, представлена как неизбежность:

214 Перед сном бабуничка села к Ефиму в ноги и откашлялась, будто бы собралась громко петь.

— Нам надо подготовиться к моей смерти, — сказала она вместо пения.

Ефим спрятал лицо под подушку.

— Я столько лет живу, что смерти не боюсь. И ты не бойся.

Но свидетелем этой смерти внук всё равно не станет: сейчас ему достаточно осознания, которое дастся нелегко. Дело в том, что провожать бабушку он всё равно не готов. Нет у него нужного статуса, чтобы провожать. Поэтому он только услышит сквозь сон, как хлопнула дверь. Сколько важных событий прошло мимо нас, пока у нас был тихий час?

В литературе как-то подавая много моментов, ког-

да дети подслушали что-то им не предназначенное, случайно оказавшись не там, где надо. Это уже расхожий приём, когда надо заострить осознание момента у читателей, сделав персонажа-наблюдателя как бы не осознающим. Тем удивительнее в дебютном сборнике рассказов наблюдать красивый отказ от этого приёма. Хлопнула дверь сквозь сон — и таинство осталось таинством, и смерть по-прежнему осталась далеко от героя. С него достаточно будет и осознания отсутствия, и чувства почти преступного соучастия в чём-то, чего ему пока не нужно понимать.

На ловле таких сложных пограничных состояний и построен весь сборник. Страшное в нём всегда стоит где-то рядом с героями, очень близко. Прямо как в детстве: под кровать заглядывать жутковато, в сброшенной на стул одежде мерещится бог знает что... А вы пробовали ночью, не зажигая свет, пройти мимо зеркала?

При этом «близко» никогда не перерастает в «прямо здесь». Всегда остаётся шанс если не на счастливый конец, то хотя бы на то, что герой на самом ужасном моменте успеет закрыть глаза. Похищенная девочка вернётся к родным (рассказ «Девочка на жигулях», чудесно переименованный в версии РЕШ в «Маленькую страну»), мать увезёт детей от спятившего отца («Мальчик на велосипеде», который тоже с самого начала очень удачно встал рядом с «Маленькой страной»), взрыв на базаре не заденет рассказчицу из «Двух утр».

Так много страшного вокруг — но и герой почти бессмертен. Можно подёргать лешего за бороду, вернуться домой и рассказать односельчанам страшную сказку. Кажется, память об этой лёгкой форме адреналиновой наркомании, некая очарованность привычкой, как выражался Маугли, «дёргать смерть за усы» и лежит в основе мифа о детстве как об очень солнечном и безопасном времени. Спасибо рассказам вроде вышеупомянутых за то, что возвращают наш взрослый разум в это особое мироощущение: сразу становится так же страшно, как когда-то было, и так же при этом интересно и весело, но уже немного по другому поводу.

Достоверно детская оптика — не всё хорошее, что есть в «Юрких людях». Потерянность взрослых, лишённых привычных ролей и поэтому открытых чудесам, тоже воистину хороша. Но и ужасна не меньше. Вот бывший военный, герой «Зоны покоя Укок» — человек априори опасный, переломанный тем, что ему удалось пережить. Он отказывается от соблазна стать «на гражданке» самым опасным хищником, чтобы отправиться в паломничество на край света — и там пожертвовать собой, восстановив некий высший порядок. И опять видна большая деликатность автора, который хорошо расставляет детали, но полностью удерживается от пояснений. Хочешь — вытаскивай историю про ПТСР и чувство ненужности при резкой смене обстановки, а хочешь — про шаманскую трансформацию. Тут

уж кто на что учился.

Кстати, в «лицейском» варианте сборника «Зона покоя...» стоит куда ближе к началу, сразу после «Мотылька», что немного сбивает настройки: слишком уж разные они по проблематике и настроению при всей схожести отдельных мотивов. Зато разделённые двумя очень разными, но более «камерными» рассказами о маленьких девочках, которые не боятся маргиналов, вдруг начинают работать, как надо. Прокладывается дорожка, ниточка от героя «Мотылька» Ефима, который тоскует по прежней жизни, но готовится к новой, через героиню «Двух утр», не понимающую всех опасностей и ужасов своего любимого нелегального базара и тоскующую по — с точки зрения взрослого — «этому аду» всей душой, через героя «Зимовки» — старого бомжа, подобно бабушке Ефима, со спокойным последним умилением созерцающего мир и готовящегося к смерти, к Оленю из «Зоны...», в котором соединились и тоска по красоте, порядку и сложности, которую он сохранил в явном аду, и понимание неотвратимости, и небоязнь нового — а ещё усталость и жажда покоя.

Некоторые рассказы на фоне прочих слишком просты и как будто удешевляют идею. Допустим, рассказ «Мапа Рома» можно было бы и не добавлять. В галерее потерянных, пограничных и забытых героев отец-одиноква явно смотрится хорошим экспонатом, но рассказу в целом явно не хватает сквозняка из-под двери, мутной

тени из зеркала, ощущения, что тебе сейчас откусят не спрятанные под одеяло ноги. И особенно всё дело портит внезапная симпатичная соседка в конце. Она могла бы... эх, ладно, и так нормально. Первый опыт всё-таки. И явно было нужно чем-то разделить вставшие в новой версии рядом жутковатые «Зону покоя Укок» и «Она» — про девочку без собственных имени, прошлого и лица. Почему бы и не продолжением детско-родительской темы.

Что же такое эти «Юркие люди»?

Красивый магический реализм. Хорошо налаженная связь между ужасами снаружи и тьмой внутри. Достойный и умный младший современник «Калечины-малечины», «Оккульттреггера» и всей городской небывальщины Дарьи Бобылёвой. Не подражание, а хорошая, осознанная часть тренда. Или, если модное слово кажется легковесным и оскорбительным, — прекрасное продолжение уже устоявшихся традиций отечественной (простите, не удержалась) хтони.

Андрей Першин

ЭССЕИСТ,
фотохудожник,
автор нескольких
поэтических
книг.

Публиковался

в **журналах**

«Prosodia», «Урал»,

«Воздух»,

интернет-

изданиях

«45-я параллель»,

«Дегуста»,

«Полутона»,

«Флаги», «Хижа»,

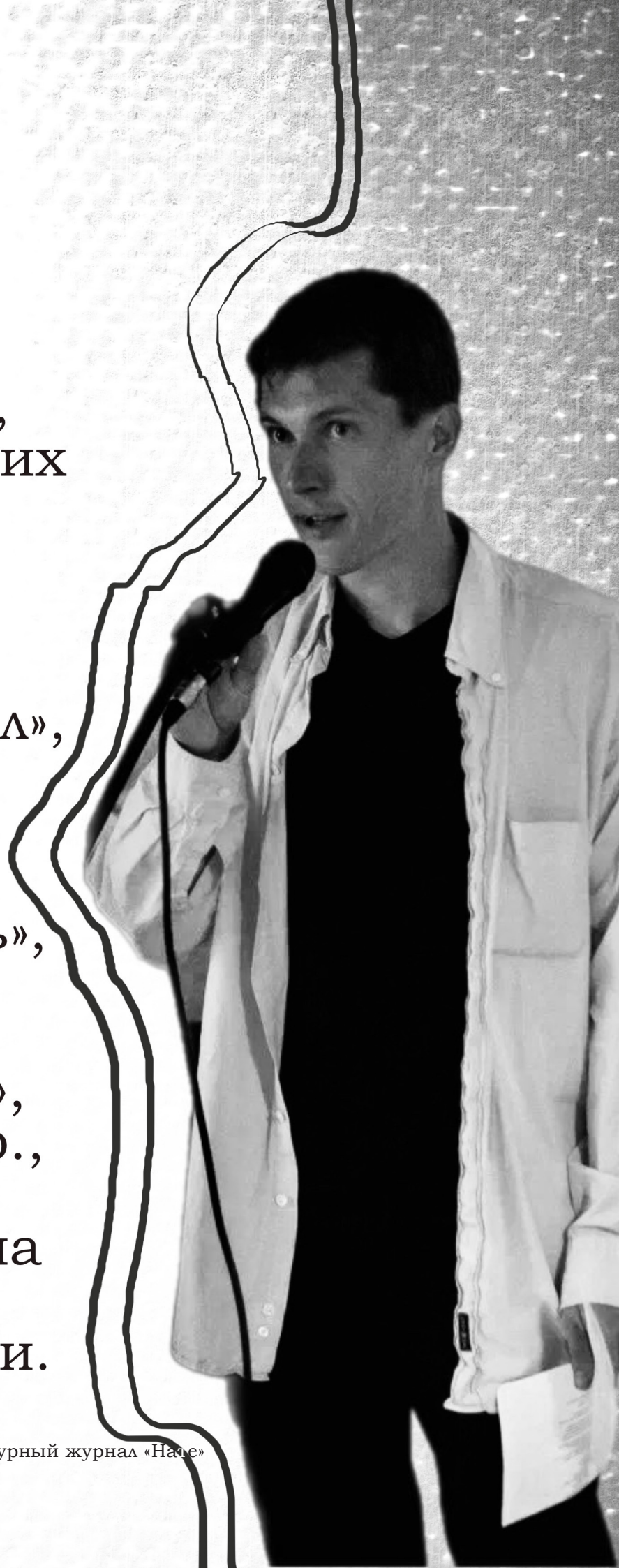
«Всеализм» и др.,

стихи

переводились на

английский и

японский языки.

«Что из вечности запомнится тебе?»

(Саши Николаенко. *Муравьиный бог: реквием*. М.: РЕШ, 2022. — 576 с.)

*Предрасположенной речи и слуха
Нет ничего; и во все времена
Скажешь – разлука, услышишь – разлука
Много раз прежде, чем будет она.*

*Только пожив, пережив — и немало,
Горя хлебнув, а не просто воды,
Мучишься тем, что тебя привлекала
Обетованная пропасть беды.*

(Владимир Лапин)

218 Роман Саши Николаенко «Муравьиный бог» готовит поле для неизбежной эмоциональной реакции и дискуссии. В своих амплитудах они способны как вознести, так и перечеркнуть оригинальный текст. Следующие наблюдения прошу считать именно развернутой репликой, попыткой выхода в диалог, и в точности, и в лаконичности очень уступающей моему эпиграфу. Возможности диалога, закалённого в одиночестве, либо одиночеству, закалённому в диалоге, посвящена, отчасти, и сама книга.

Здесь маленький осиротевший мальчик оказывается на сомнительном иждивении бабушки, которая хотела было задушить его физически, но выбрала душить иначе. «Связь времён» окончательно разрывается там, где её не искали, одновременно предсказуемо и контринтуитивно, как несчастный случай. Детство «устное», как почти все учителя человечества, здесь стремится выговорить молчание.

Кажется, что эта книга родилась в недрах актуальной литературы, ведь бесспорная её

содержательность — «тактическая». Это трудный текст, как для читателя, так и для автора. Текст, который, однако, свободен — и от поиска сути романа как явления, и от разрешения проблемы, которую ставит. «Муравьиный бог» пожирает свой материал. В этом смысле мы становимся свидетелями почти классической драмы. Но торжество её предпосылки, её интерактивная неразрешимость достигается путём отсутствия всякого намёка на возможный катарсис.

В чём же роль нашего свидетельства, как читателя или как зрителя? Несмотря на обилие диалогов, которые побуждают нарратив к движению, это очень замкнутая книга. Лексические эксперименты в «деревне гномиков, посёлке муравьёв» скорее ослабляют органическую (уже в силу размера) связь романа с «большой землёй», с живой речью. Речь то и дело оказывается собственным препятствием, где «голос слепо пролетел по саду, прошёл забора сквозь и заблудился в темноте» (без лишних пояснений в кавычках призываю свидетельствовать, конечно, сам текст).

«Художественное изображение конца жизни, — писал Ниббриг в “Эстетике смерти”, — это и конец художественного изображения». Действительно, сюжет и язык, возникая как попытки ухватить вездесущую, животную экзистенцию, упираются здесь лишь в естественное разнообразие смерти и ограничиваются им. Слоистые осадочные массы невостробованных слов подсвечивают и акцентируют внутренние повторы, вариации мотивов. Вместе мы «проходим» почти мандельштамовские «отряды насекомых с наливными рюмочками глаз», но дороге не видно конца. Лишённые времени и пространства, повторы не могут стать рифмами или параллелями. «У моря нет конца, оно уходит в небо, но неба никогда не достигают корабли».

Быть очень маленьким значит пребывать в неразветвлённой сердцевине Древа жизни, находиться в естественной абстракции собственного существа. «Однажды Чжуан Чжоу приснилось, что он бабочка...» Но не таков герой «Муравьиного бога»: он хочет быть очень большим, ведь «кто больше, тот и жив». Невозможность начинается с названия: неведение и бессознательную жестокость трудно считать атрибутами «бога», хотя бы и муравьиного. Мальчик принимает бесконечный парад гибели насекомых, жаб, ворон и прочей живности в тесном русле собственного произвола. «Убить. Убить — как посолить». Но даже «вековечная давилня» Заболоцкого оттого и называлась Природой, что была свободна от про-

извола, а ещё жива. «Убийца», стоящий «над Моровом, в сети теней скользящих», не может никому дать ни жизни, ни посмертного суда. Вместо этого герой Саши Николаенко мнит, что «общий разум» малых сих «питается смертями». У логики этой в мировой культуре тоже есть широкое представительство, но это не «боги».

В своих «Мыслях о смерти» Фейербах писал: «смерть — такое призрачное существо, что оно существует только тогда, когда его нет, и его нет тогда, когда оно существует». Ощущение провала, изъятия и тесноты в романе усиливается тем, чего в нём снова и снова не хватает. Например, подробностей гибели родителей мальчика, своевременной экспозиции сюжетных доминант. Усугубляют его и своеобразные художественные неточности, густо населяющие текст: «слюна паука», «шерсть птицы», выдуманный анамнез в эпизодах физических недомоганий... Например, бешенство, тяжёлая аллергическая реакция, парез, — важные для всего сюжета моменты, намеренно или случайно лишены медицинской достоверности.

Зачастую искусственно сконструированный язык расчищает место для абстракций, готовит мысль к глобальным обобщениям. Здесь, однако, обобщения носят вспомогательную роль в деле живописной передачи единственной эмоции, как линии в рисунке. Но роман не рисунок, это выглядит рискованным приёмом на таком продолжительном отрезке текста.

Говорят, что миф не теряется в переводе, но данная притча непереводима. Искусственный язык в «Муравьином боге» — это скорее «новояз» антиутопии, вернее, «старояз», так как и время оказывается отменённым. А вот «прямая» речь бабушки напоминает бесконечный стэндап: «Шутил дурак с огнём, да не от смеху помер». Мне кажется, что в романе происходит «затягивание на край», в стиле — «брошу страдать, не смогу сказать», но очевидной разработки этого мотива также не происходит. Он развивается будто вне авторской рефлексии, что всерьёз добавляет ему правдоподобия, но и саму стратегию письма делает куда более опасной. Разорённое или пустое гнездо, бережно составленное мёртвое скопище веточек, пуха, скорлупок.

Интересно, что Саша Николаенко будто избегает культурных реминисценций и аллюзий, вновь и вновь возвращая героя к безуспешным попыткам изобрести солипсизм. Отдельные случаи, скажем, «Гибель Помпей» и Гулливер в стране лилипутов функционально напоминают эпитеты, аналогии с ними предельно спрямлены. А между тем Вечность — по преимуществу культурное явление, безо всякой связи с которым смерть выглядит лишь отзвуком, эрзацем самой себя. Но гравитация смысла в любом случае оказывается решающей, «не в дверь, так в окно» входит вечность, возвращает словам значение, а нам — надежду. «Вот что из вечности запомнится тебе... или тебя из вечности запомнит».

Нонна Музаффарова

Родилась и выросла в городе Баку.

Окончила факультет режиссуры кино Азербайджанского государственного университета культуры и искусств. Автор сценариев и режиссер документальных телевизионных фильмов, игровой короткометражной картины. Член Союза кинематографистов Азербайджана.

Дипломант фестиваля «Волошинский сентябрь» в категории «Проза», участница Форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья (семинар «Дружбы народов», 2015). Публиковалась в журналах, на платформах «Литература», «Sug.ma», «Discours.io», «Nargis», «Прочтение» и т.д.

С 2019 года проживает в Москве.

Участница Третьей школы литературной критики в Ясной Поляне.

Фото: Парвиз Гасанзаде

Мейнстрим среди артхауса

(Екатерина Манойло. Отец смотрит на запад. М.: Альпина нон-фикшн, 2023. — 272 с.)

Где-то на излёте девяностых, на границе между Россией и Казахстаном, меж двух цивилизаций — суннитско-мусульманской и православно-христианской, — в семье русской матери Наины и отца-казаха Серикбая живёт девочка. По паспорту Катя, в народе Улбосын. Забегая вперёд: и по жанру роман зависает где-то между. Между уверенной прозой и лёгковесной беллетристикой: тот самый случай, когда взяли высокую ноту и, не дотянув, утешились нижним регистром. О пресловутых нотах ещё раз чуть позже.

В доме Абатовых — там, где мама, папа, дочка — рождается долгожданный сын. У мальчика недуг: Маратик не говорит, а только напевает услышанные слова и фразы. Испытание ребёнком-юродивым оказывается матери не по силам, и она с головой погружается в религию. Дальнобойщик Серикбай хоть и не ласков с детьми, но всё же балует их игрушками, привезёнными из поездок. Одна из них и окажется косвенной причиной гибели мальчика. А трагическое обстоятельство — той трещиной, которая окончательно затянет семейную лодку на дно: выкрад накопленные мужем средства, Наина сбежит в монастырь; муж не пустится на поиски жены,

а продолжит, как ни в чём не бывало, работать, копить заработанное, тихонечко спиваться, не замечать дочь. Так бы и ходила неприкаянная Катя-Улбосын с жирным пятном на школьном фартуке, если бы не *deus ex machina* — внезапная и спасительная развязка, возникшая на пороге их неприбранной квартиры в ипостаси бабушки. В прошлом преподавательница истории КПСС Ирина Рудольфовна, взвалив на себя бремя белого человека, именно так — по-киплинговски — высвобождает девочку из басурманского амбьянса, где в семьях ждут исключительно наследников (отсюда и второе неофициальное имя героини, которое переводится как «Да будет мальчик»), где уборная без канализации, где мужчины среди бела дня насилуют своих кузин.

Итак, казахская сага сменяется подмосковной, и продолжилась бы она наверняка, если бы смерть Серикбая и всплывший в связи с этим вопрос об имуществе не внесли свои необратимые коррективы. Засим под влиянием некоей центробежной силы к сюжету притягиваются элементы триллера и хоррора, криминала с хищением женщин и драмы от самодурства мужчин... Только случайно обнаруженные деньги Серикбая (ни

много ни мало пять миллионов рублей) распутывают этот клубок разножанровости.

Вступление рецензии не случайно навеяно аллюзией к зачину старой доброй сказки. Дебютному роману Екатерины Манойло «Отец смотрит на запад» (2022) тоже свойственна некоторая инфантильность. Однако речь пока не о магическом элементе — не о приёме с линией умершего братика, который выведен в повествовании как некая звуковая субстанция. Инфантильна в первую очередь интерпретация ключевых мужских характеров. Все они — фольклорные злодеи.

Женские образы в книге прописаны куда рельефней. Это и колоритная тётя Аманбеке с её неоднозначным характером, и монументальная в своём эгоцентризме Наина. Может сложиться впечатление, что женщины в романе Манойло рулят. Отнюдь. Это доминирование — лишь проформа. Сила героинь заключается не в преодолении, не в борьбе, а в бытовой хитрости: свой путь к свободе женщины находят благодаря украденным деньгам.

Непрерывная дихотомия — ещё одна особенность текста Екатерины Манойло. Но это противопоставление не из ряда архаика-модерн, имперское-постколониальное, столичное-периферийное... Гораздо ярче в романе выражено про-

творечие иное, а именно: это проза с прицелом на социальную драму, смещённая в плоское читиво.

Роман, как шахматное поле, делится на два контрастных поля. Смешанное со стойким запахом баранины пространство архаических убеждений — и пространство кардинально отличное, то, где по утрам — бабушкины олады, где театральный кружок и походы в Большой. Не сложно догадаться, какому из этих миров импонирует недолюбленная родителями Катя-Улбосын. Но странное дело: казахский пласт, с его женщинами в бархатных платьях с глянцем, с отрыгивающим после обильной трапезы кузенком, предстаёт куда более фактурным и пластичным, нежели стерильная подмосковная действительность, которая — ни дать ни взять хрестоматийная иллюстрация образцовой жизни. Тут налицо преобладание яркой национальной компоненты в творческом потенциале Манойло. Увы, с этим арсеналом автор распоряжается не как с ценностью, нуждающейся в трепетной шлифовке, а разменивает его на банальный треш вроде ночи в склепе с разлагающимся трупом и мобильным телефоном с неожиданно пропавшей сетью. Не омаж, так привет Дэвиду Финчеру.

Автор обращается к пассам магического реализма (Маратик погиб, но голос его жив и напо-

минает обитателям поселка о совершённых ими грешках и провинностях). Того самого, который появляется в текстах эпигонов латиноамериканской версии реальности. Но если в сочинениях патриарха литературной ворожбы Габриэля Гарсиа Маркеса сюр — это выбранная писателем высокая нота, которая по мере развития сюжета превращается в гармоничную полифонию, то Манойло применяет магические трюки под стать фокуснице-дилетантке. Если в текстах первого иррациональное находится в органичном соседстве с повседневностью, то магическое Манойло — словно заплатка на ткани нарратива — выглядит досадным мейнстримом среди наметившегося было азиатского артхауса.

Название книги многое обещает. Это и возможное стремление отца героини вырваться из безнадежной глуши, и его обращение к демократичным ценностям Запада (в коллективном сознании Запад, согласитесь, накрепко связан с лучшей долей). Тем не менее от названия в романе остаётся лишь... название, вернее, намёк: лицом на Запад отец похоронен, а это значит, что в трактовке автора отец не более полезен, чем труп. Впрочем, «похоронен» здесь глагол — условный, но об этом ниже.

В своей книге Манойло обращается к различным паттернам: укрепившимся в сознании

обывателя представлениям о ригидном мусульманском социуме. Точнее, к тому, каким именно должно представляться подобное общество. Ведь, с точки зрения пристрастного обывателя, совсем не важно, с чем мы имеем дело: со светским или с клерикальным, космополитическим или моноэтническим, экономически отсталым или прогрессивным мусульманским обществом. Азия она всегда — Азия. Чуждая и пугающая. С помощью этих паттернов-клише автор и создаёт некое псевдоэзотическое полотно, контрастирующее с другим. Это другое в романе репрезентирует московская бабушка, передовая московская школа. Тогда как казахский контекст предстаёт окаменелым женоненавистническим артефактом, чуждым эволюции.

Сгущая краски на своем полотне, столь заворожившем российского читателя, писательница увлекается настолько, что допускает откровенно абсурдные вольности. Так, отец героини казах Серикбай после смерти оказывается не погребённым, а водружённым на стол для дальнейшего разложения. То есть, по мнению Манойло, в мусульманской общине покойник может не быть предан земле... Вуаля.

Тут закрадывается вполне предсказуемое подозрение: если тело умершего, согласно романистке, может перегнивать в склепе, вероятно, и все остальные ужасы, приписываемые ею

казахской среде, есть ли что иное, как эксплуатация, попытка подыграть исламофобской инерции и собрать золотые плоды с этого благодатного дискурса?

Кто-то возразит, что мы, мол, имеем дело с художественной прозой, где сама муза велит фантазировать. Но как в таком случае быть с определением «социально-психологический роман», заявленным как в аннотации книги, так и в предисловии публикации произведения в авторитетном «Новом мире»? Разве

столь строгая маркировка допускает снисходительность к не-обязательности, к пренебрежению достоверностью?

Роман «Отец смотрит на запад» затрагивает остро актуальные темы, такие, как гендерное неравенство, господство пред-рассудков, домашнее насилие... Однако разворот писательницы в конъюнктуру не только снижает градус обозначенных проблем, но и вызывает эффект ровно обратный — предвзятое отношение, и, как следствие, недоверие к феминистской повестке.

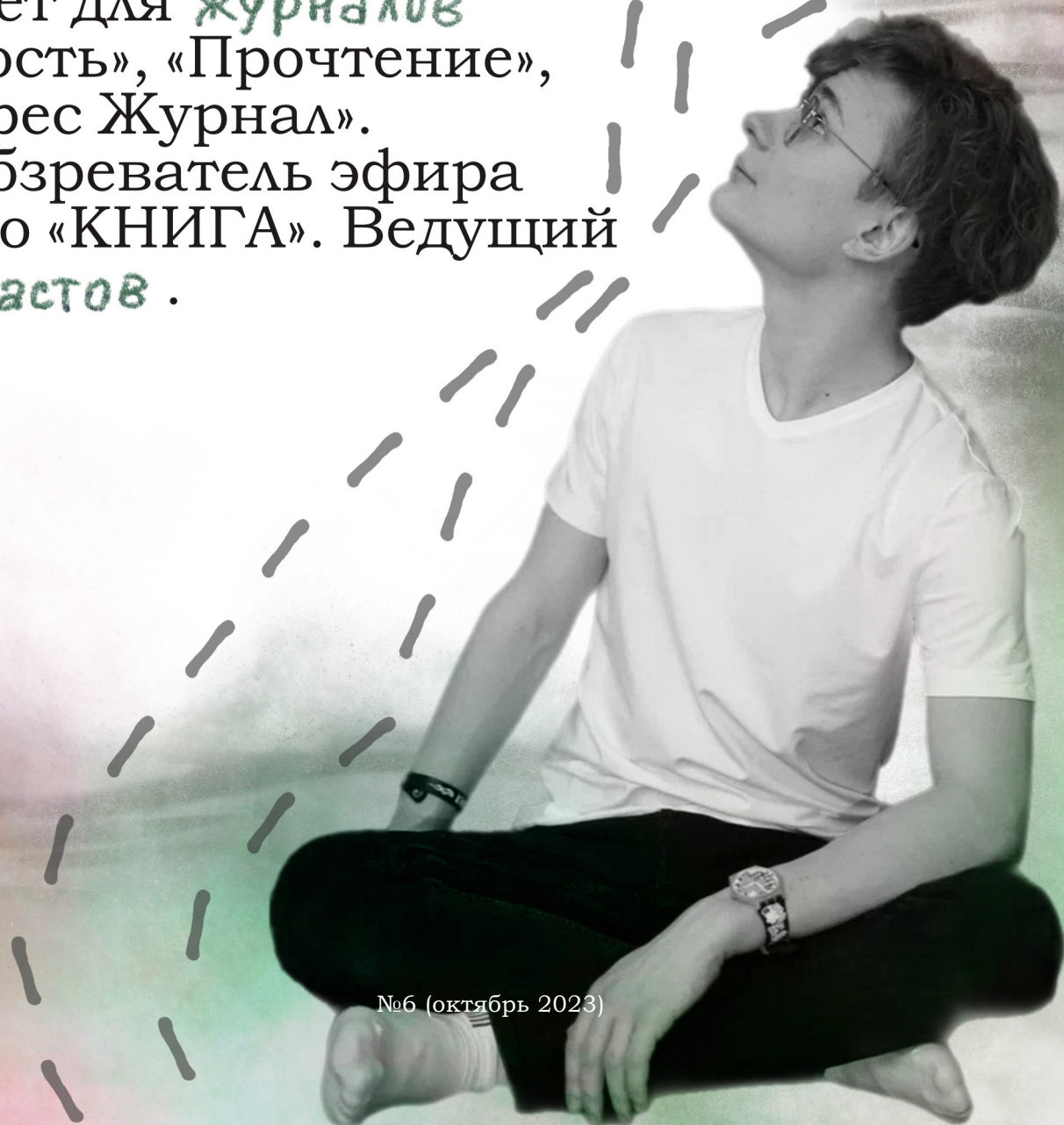
Денис Лукьянов

Родился в Москве, окончил институт журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ.

Писатель, журналист, контент-менеджер группы компаний «ЛитРес», книжный обозреватель.

Пишет для журналов «Юность», «Прочтение», «Литрес Журнал».

Ех-обозреватель эфира радио «КНИГА». Ведущий подкастов.

Когда Чехов встречается с Рабле

(Алексей Сальников. *Оккульттрегер*. — М.: РЕШ, 2022. — 416 с.)

«Оккульттрегер» Алексея Сальникова — не самая свежая новинка. Роман вышел практически год назад, но интерес к тексту не угасает и из-за необычного сеттинга, и из-за зашифрованных автором на языке фантастики посланий и, что греха таить, из-за названия. Масла в огонь подливает и ещё одно, на этот раз совсем недавнее событие: «Оккульттрегер» вошёл в шорт-лист премии «Ясная поляна 2023».

Так о чём же роман? На Урале есть демоны, ангелы, муть и, самое главное, оккульттрегеры. Раньше они были существами безымянными, но потом кто-то выдумал позабавиться со словом «культуртрегер», очень модным, как говорят герои, в начале нулевых — модным настолько, что его совали всюду. И прижилось! Оккульттрегеры живут по много сотен лет — кто-то помнит революции и гражданскую войну — и несколько раз в год «линяют», меняя внешность. Владеют технологией сглаза. Только уральский современный сглаз работает, как «алохомора» в «Гарри Поттере»: помогает взламывать всё что угодно, от замков до паролей на телефонах. Есть у оккульттрегеров определённые метафизические обязанности, а ещё — гомункулы, которые принимают облик детей. В них, как в кощеевом яйце, сила и погибель оккульттрегера: ведь если выкрасть гомункула и узнать его имя, то оккульттрегер вновь

станет обычным человеком. Вот и у Прасковьи, главной героини романа, гомункула похищают. Правда происходит это ближе к концу романа. В любом случае, приходится весь колдовской Урал на уши поставить. Будто до этого будничной суеты не хватало...

Проблема большинства романов в жанре городского фэнтези зачастую — в их чрезмерной серьёзности. Это вовсе не значит, что герои перестают шутить и подкалывать друг друга. Персонажи, допустим, «Никогда» Нила Геймана и «Тайного города» Вадима Панова очень даже не прочь поюморить. Речь о другом: в классических примерах городского фэнтези обычно разворачиваются некие архиважные события, сплетённые из разноцветных нитей интриг (и интриг внутри интриг), развязка которых непосредственно повлияет на героев, на государственные структуры, на город — словом, на весь мир текста. Это романы с размахом. Алексей Сальников делает всё с точностью до наоборот: пишет камерный ироничный роман, который эстетически смело можно маркировать как «российская хтонь». Формулировка — в разных вариациях — достаточно популярна в медиа. Во многом за счёт такой «хтоничности», например, и выстрелил сериал «Вампиры средней полосы», в этом ключе весьма похожий на роман Алексея Сальникова.

«Оккультрегер» — текст-перевёртыш, где бытовое встаёт на место чудесного, профанное — на место сакрального. Херувимы Сальникова не могут жить на земле без спирта или сахара, потому порой превращаются в буйных алкашей. Престолы же, высшие ангелы, прячутся в неоновых вывесках. Некоторые демоны предпочитают окрашивать кончики волос в розовый, носить кигуруми и при этом заводить трёх собак по кличке Голод, Смерть, Война. А многие бесы работают среди администраторов и выбивают знакомым выгодные предложения. Всё «оккультное» и «потусторонне» здесь очеловечено настолько, что становится жутковато. Один из героев, Серегей-херувим, заявляет, что «мир создан так, чтобы в нем все чуть ли не противоречило бы самому себе», но при этом «так он в ровности и держится». На этой дисгармонии построен весь «Оккультрегер». Алексей Сальников пытается донести очень простую мысль: чудеса — вокруг, они — в серой, холодной и порой пугающей действительности, а не в тонких мирах ангелов, демонов и прочих сущностей. В романе это показано весьма наглядно. Ведь когда всё чудесное низводится до омерзительно-бытового, бытовое становится чудесным. Прасковья «чудом» живёт на зарплату примерно в семнадцать тысяч рублей и заявляет, что у каждого человека есть необычные способности, о которых он мечтает и не догадывается. Например, проживать «на ту пенсию, которое давало государство», или

«не замечать, что смерть всегда рядом». В этом контексте показателен эпизод, где Прасковья просит знакомого беса продемонстрировать девочке-соседке настоящее волшебство. И бес не находит ничего лучше, чем нарядиться Дедом Морозом и просто подарить большую коробку цветных карандашей. Срабатывает: девочка верит, что это не иначе как волшебство, чудо.

Посредством фантастического Сальников пытается подковырнуть русскую действительность: скальпелем городского фэнтези снимает запёкшуюся кровавую корку, удаляет отсохшую кожицу и показывает белоснежные кости сути. Это во многом работа по реставрации: возвращение предмета к изначальному, наиболее приглядному виду. В случае Сальникова таким предметом становится русская действительность с её кирпичными стенами, от которых рябят глаза, спортивными «кольцами с облезлой краской», играющими на всю улицу песнями Михаила Круга. Костюмы волшебных существ же на поверку оказываются новыми платьями короля: маскарад оголяет.

Детальная бытопись в «Оккультрегере» соседствует с изображением гомункулов, херувимов, таинственной мути и «угольков» в душах жителей города. Такой контраст чересчур русского и чересчур волшебного сам по себе создаёт комически-сатирический эффект, но Алексей Сальников на этом не останавливается. Перчит роман иронизированием даже в описаниях: втянутая в плечи голова

героя похожа на «ежа, сидящего меж двух верблюжьих горбов», а взгляд демонов на мир сравнивается с взглядом «малолетнего ютубера, распаковщика наборов легиона». Все эти аккуратные шажки медленно, но верно приводят Алексея Сальникова в традицию бахтнинской смеховой культуры, в рамках которой роман и функционирует. Место шутов и ряженых здесь занимают ангелы и демоны. Как булгаковские черти, попивающие спирт и починающие примус, или, если рассмотреть роман в контексте современной жанровой традиции, ангелы-демоны «Благих знамений» Терри Пратчетта и Нила Геймана — те так и вовсе едят суши и проклинают лондонскую кольцевую трассу M25.

Но при всём своём несколько раблезианском безумии «Оккультист-реггер» умудряется быть и по-чеховски грустным. Два главных инструмента в руках творца, если верить масонам, — циркуль и угольник; Алексей Сальников обходится комизмом и фантастикой. Герои сами начинают понимать, что их втянули в чудной водевиле и, будто ломая четвёртую стену, открыто заявляют о «карнавальности» происходящего: «ее работа оккультист-реггером была связана с

риском для жизни, забвением, демонами, ангелами — а если подумать, попадала она, как правило, в ситуации, похожие на опереточные». Или вот: «каждый из этих случаев можно было разложить на комические четверостишия, веселую музыку, яркие костюмы и грим». Да, герои вроде бы всё понимают. Но меняет ли это понимание что-то в их поведении? Нет. Они продолжают заниматься своими делами: бухать, записывать видеоблоги.... А что Прасковья? Скитается по разным оккультист-реггерским делам. Её, как кажется, бессмысленные передвижения медленно — даже чересчур медленно — подводят читателя к основным событиям. Эти нескончаемые блуждания по лимбу зеркальным отражением повторяют пустую бытовую суету любого нормального человека и вызывают лишь более острое желание поскорее опуститься глубже и глубже, на самые страшные круги уральского — да и просто русского — ада. Но Алексей Сальников хитрее: он сам запасается причудливой карнавальной маской и, отыгрывая благородную роль Вергилия, преграждает путь рукой и говорит: «Рано. Сначала посмотрим, как опохмеляются херувимы и ведут блог бесы».

Алевтина Бояринцева

Музыковед, литературный
критик (г. Киров).

Участница Школы критики
им. В.Я. Курбатова в Ясной
Поляне, Школы критики
поэзии в Михайловском,
Мастерских писателей
в Казани.

Автор
критических
статей, эссе.

От автора:

В этом году Школа литературной критики в Ясной Поляне была щедра на семинары и практические занятия. Валерия Пустовая предложила неожиданное: рассмотреть детали и извлечь из них максимум смысла. Источником деталей стал текст Дениса Осокина «Танго пеларгония» – не новый, но очень свежий, цепкий, притягательный. Интерпретации были умными и дерзкими. Я решилась только на музыкальность.

Об одной импрессионистической сюите

(Денис Осокин. Танго пеларгония // Октябрь, 2006, №11)

* * *

«Танго пеларгония» – импрессионистическая сюита. Каждая миниатюра вблизи кажется маленьким рассказом, а с расстояния – стихотворением. И расстояние здесь в помощь: как для восприятия Руанского собора, стогов, кувшинок. Миниатюры разгораются от искры воспоминаний – мелькают простые сюжеты, имена, тела и даже скелет ежика. Много грусти. Инстинкты продолжения рода не спасают. Тональность ми минор, изредка как будто простецкий ля минор. В «Святой воде» вдруг появляются бемольные краски – признаки томящегося сердца. А повод тройной: лето, женщины, мадера.

...Бывает, что в будничной нелепости проступает контур мифа. В «Святой воде» гуляка герой сквозь бутылочное стекло или пластик видит встречу зимы и лета, Крещенья и Троицы (чарующие русалки рядом). Похмельный человек пытается забыть о плохом вине. В помощь ли ему крещенская вода? Зеркало твердит свое...

с в я т а я   в о д а

«крещение – это единственный праздник когда очень тянет пойти на всеощную <...>»

* * *

...Оказывается, проза. («Я думала, это весна, / А это оттепель».) Попробовала ставить точки чаще, чем автор. Получилось, а это значит слова стоят на хорошем месте и стоят дорого. Не то чтобы все равноакцентно, и не все, конечно, – рема. Все интонационно значимо. Теряем слово (или меняем окончание) – гибнет мелодия, дление-звучание, звуковедение. Самое - мое - прекрасное в тексте. Автор слышит слово, а не пишет. Это радость и музыка, когда текст слагается: из мотивов (или фраз: вечно их путаю).

Получается так:

«крещение – это единственный праздник»

«крещение – это единственный праздник, когда...» (далее просто помолчали, подумали)

«вода населенная» – как земля обетованная

Или так:

(если текст промузыкальный, значит, его можно интонационно, фразировочно интерпретировать)

«держал в шифоньере – любовался всю. весну делал, осторожные глоточки»

А еще, перенаправив интенцию, услышать: «напился с двумя подругами – какой-то – плохой – мадеры». И в самом деле, почему бы не выпить на заре лета с подругами девушки-мадеры (с Мадейры?).

Сколько русско-поэтического в этом: «мигали проруби залитые»?

Лейт-звуко-образ – по-моему, «нежное». Что НЕоЖиданНО для текста, в котором наплывают друг на друга крещение и похмелье. И расплываются... В отражении.

Хотела уже уйти от текста, но затянул мотив З–Н и его инверсия Н–З: «залитые нежностью» – «наполненные звездной».

Ах, звучащая не деталь уже, а конструкт...

Контакты:

Приём рукописей: nate.lit@mail.ru

Сотрудничество: nate.lit.collab@mail.ru

Сайт: <https://nate-lit.ru/>

Мы в социальных сетях:

https://t.me/NATE_lit

